

МБД

3/90

В этом номере
очерк
"ДЕТИ
ЧЕРНОВЫЛЯ" —
как им
жизнелся
четыре года
спустя...

Главный редактор
Владимир БУДНИКОВ

Редакционная коллегия:

Сергей АБРАМОВ
Игорь АЧИЛЬДИЕВ
Альберт ЛИХАНОВ
Дмитрий МАМЛЕЕВ
Георгий ПРЯХИН
Григорий ТЕРЗИБАШЬЯНЦ
(заместитель главного редактора)

Главный художник
Валерий КРАСНОВСКИЙ

Технический редактор
Ольга ЛАЗАРЕВА

На первой обложке
фото Войтека Ласки

© "Мы", 1990
Издательство "Дом"
Советского детского фонда имени В. И. Ленина
Адрес: 101 963, Москва,
Армянский переулок, 11/2А.
Телефон: 923-66-61
ISSN 0236-3283

Отпечатано в типографии
А/О Принт-Юхтис
Соинтерпринт Финляндия

Сдано в набор 03.07.90 г.
Подписано в печать 26.07.90 г.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,1.
Формат 12,73. Тираж 1844080

3/90

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ
СОВЕТСКОГО
ДЕТСКОГО ФОНДА
им. В. И. ЛЕНИНА

СОДЕРЖАНИЕ

Константин Райкин. "Не спи, не спи, художник..."	2
--	---

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Валерий Алексеев. Паровоз из Гонконга. Повесть. Окончание	49
Дмитрий Филимонов. Я все предусмотрел. Фантастический рассказ	27
Ян Флеминг. Операция "Гром". Роман. Перевод с английского	110
Эльдар Рязанов. Смена возраста. Стихи	42
Борис Романов. Птица-облако детства плывет. Стихи	108

ПРОБА ПЕРА

Катя Головина. Трудно быть преступником. Рассказ сатирический, полужантовый	157
--	-----

ВЕЧНАЯ КНИГА

Вавилонская башня. Библейские легенды	172
---	-----

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Письма в "МЫ"	44
Владимир Стукалов. Дети Чернобыля	19
Тамара Александрова. Зона доверия	14
Ирина Они. Кукушата	145

КАК ЖИВЕТ ДЖОН

Вениамин Додин. Буржуйские дети	161
Рок-энциклопедия	186
Владимир Пресняков. Эстрада — марафон без финиша ..	190

”НЕ СПИ, НЕ СПИ, ХУДОЖНИК...”

Актер и режиссер
Константин РАЙКИН
беседует с обозревателем
журнала "МЫ"
Михаилом ПОЗДНЯЕВЫМ

Еще недавно на афишах, ниже названия театра, была строка – "Под руководством народного артиста СССР Аркадия Райкина". Сейчас – текст иной: "Театр основан Аркадием Райкиным в 1939 году. Художественный руководитель – заслуженный артист РСФСР Константин Райкин"...

– Не знаю, могу ли быть чем-нибудь интересен вашим читателям. Ну да, они меня знают, видели по телевизору. И фамилия на слуху. Но все равно большинство мечтает, наверное, встретиться с Юрой Шапуновым или с Пресняковым-младшим. И я даже не знаю, почему, но не только у нас в стране, а по всему миру, – такая тяга молодых к искусству, излучающему нервную, повышенную энергию... К нам в театр

ходят молодые – только их не большинство. А если бы их было большинство, я бы даже забеспокоился. В театр должны ходить люди молодые, но все же зрелые. А зрелость – это уже где-то после двадцати пяти.

– А десять лет назад, когда вы были актером "Современника" и вместе с Олегом Павловичем Табаковым руководили студией? Вы ведь сами тогда были лет на 10 моложе – и, мне кажется, соответственно, и работали на зрителя, который был моложе на 10 лет.

– Да, я был моложе, и студийцы были моложе актеров "Сатирико-

на", и зрители... но все равно на сцене и в зале были люди не моложе 18-20 лет... А старшеклассники – тут все сложнее, тут все время приходится ждать какого-то конфликта...

И тут звонит телефон. Нас еще не раз прервут и телефонные звонки, и стуки в дверь, и резкие зуммеры селектора внутренней связи. Когда я буду прокручивать магнитофонную запись, я удивлюсь тому, что ни разу Райкин не отвлекся от беседы; как еще раньше удивился тому, с какой легкостью мы условились о встрече: можно подумать, будто Райкину делать нечего...

Между тем – вот театр, двести пятьдесят человек штата, утром репетиция, через неделю сдача премьеры, вечером спектакль текущего репертуара... "практически я здесь живу..." – и легко было поверить, да только никак это не чувствовалось. И все звонки, и стуки в дверь, и краткий обмен репликами с теми, кто на мгновение заглядывал в кабинет, – "Хорошо, передам...", "Знакомьтесь – моя жена..." – не прерывало на самом деле того, что было главным в данную минуту, – нашего разговора.

– Костя, ваш театр находится в Марьиной Роще – месте легендарном. Правда, вы – не москвич, а ленинградец, и "золотой век" Марьиной Рощи завершился – его застали и ярко воспели Высоцкий и Евтушенко... Тем не менее: какие у вас в школе были отношения со шпаной?

– Я учился в обычной школе – такая есть школа № 42 в Ленинграде. Без всяких "уклонов". Нормальная, средняя школа... В хорошем

смысле заурядная. Но это была настоящая школа жизни. Я хотел бы, чтобы и мои дети учились в такой. Потому что пока физическая сила имеет какое-то значение в отношениях между людьми. Это не легкая школа, избави бог ее идеализировать. Но, к сожалению, человек должен хоть разок получить по роже – просто чтобы знать, каково приходится... Я благодарен своей средней школе за то, что она меня подготовила к взрослой жизни. Она несовершенная, ее не победишь только духом. Это не значит, что я воспеваю культ силы, – я его ненавижу. Но есть простая реальность жизни. Я узнал о ней еще в школе. С ребятами, в том числе – с "трудными", у меня были хорошие отношения. До сих пор с некоторыми встречаюсь. Другое дело – что дальше судьбы сложились по-разному...

– Вас эксплуатировали как сына Райкина?

– Знаете, Он всего один раз приходил в школу. Я не был хулиганом, но я был активным... Знаете: разбитые стекла...

– И носы...

– ...разумеется! И этот ряд можно продолжить. Ну вот, когда у меня возникали сложности, в школу приходила моя няня. Родителей чаще всего не было в Ленинграде – бесконечные гастроли... Няня воспитывала меня с трех и до двадцати лет, она была членом нашей семьи. Татarka по национальности, человек почти неграмотный, она говорила по-русски с чудовищным акцентом. Но мыслила и действовала всегда очень умно, оригинально. Благодаря ей я придумал несколько образов на сцене, придав какие-то черты моим героям. Она приходила к директору школы и делала надлежащие выводы. Все шло своим че-

редом. Папы это как бы не касалось...

– Но ваше имя: от него ведь не денешься никуда. Вы комплексовали по этому поводу?

– Не в школе. Потом уже. Когда я избрал для себя путь актера. Я не то чтобы комплексовал... Нормальное ощущение: сын знаменитейшего человека. Но... как вам объяснить... Родилось чувство повышенной ответственности, желание быть собой. Состояние, когда ты, видя что на что-то имеешь право, стремишься его подтвердить сам. Вот это – трудно!

– Я знаю людей совершенно замечательных, и натурой, и судьбой опровергающих пословицу: "Яблочко от яблони недалеко падает", – люди оригинальные, самостоятельные, добившиеся всего сами, а не благодаря "предкам", и даже вопреки им...

– Отец увидел меня на сцене впервые, уже когда я года два проработал в "Современнике". Я разрешил ему прийти, потому что хотел знать его мнение о моей работе. Он ни разу не был в институте, пока я там учился. Несколько раз порывался, но я умолил его этого не делать. Вообще ситуация, когда Папа пришел посмотреть на Сына, – она кажется мне мещанской. Надо, чтобы зрители смотрели на сцену, а не на Папу, который смотрит на сцену. В нашем искусстве много вреда совершилось именно из-за этого, что кому-то хотелось как раз на Папу посмотреть... И я страшно боялся, что люди ко мне в эту минуту станут совсем по-другому относиться: придет Папа в театр – и все сразу переменится...

– Это нормальная реакция или она была в вас воспитана?

– Я думаю, воспитана – ведь мы все равно определяемся родителями. Я считаю, что у нас была очень хорошая семья. Замечательно здоровая. При том, что у папы и мамы никогда не хватало времени на мою сестру и на меня. Но в то недолгое время, которое мы бывали вместе, родители вели себя удивительно. Ни одно важное решение в моей жизни не принималось под их давлением. И если даже было какое-то их влияние, то оно было до такой степени деликатно и незаметно, что мне казалось (и я торжествовал оттого), будто решение я принимал сам.

Папа был очень скромный человек, и поэтому – только я не помню такого случая, говорю скорее теоретически – любая попытка пользоваться его именем в личных целях была бы отвергнута. Такое было просто невозможно в нашей семье. Не – воз – мож – но...

– Костя, давайте поговорим о том главном выборе, который вы сделали в жизни. Вам повезло, что отец на вас не давил. Но ему, наверное, все же хотелось, чтобы вы как-то продолжили дело его жизни. Тут сокрыта тайна. Думаю, это заложенная в человеке с древнейших времен и так до конца не истребленная тяга к самовоплощению после смерти, к жизни после смерти. Наше презрение к "трудовым династиям" – в чем-то злодейское. Не кажется ли вам, что оно замешено на крови истребленных нашими дедами династий? И не только царской или высшей знати, но истребленного под корень дворянства, цвета армии – офицерства, "кулачества", потомственного рабочего класса...

Отцу вашему хотелось, наверное, видеть вас все-таки актером. А у вас шло все по-другому. Он

удивился, когда вы ему сообщили о своем выборе?

– Нет. Он знал об этом, по-видимому, заранее. И был уверен в результате. Вплоть до моего руководства театром. Как это ему удавалось – понятия не имею, но он все предвидел...

– Я помню книгу – она есть у нас дома, мы ее читаем с сыном, – в которой напечатаны ваши детские стихи; помню любительские кадры: Переделкино, легендарный костер на даче Чуковского – и вы рядом, лет пяти от роду, продлеваете какие-то фокусы... Это что, все – случайные эпизоды или фрагменты чего-то целого, растянувшегося на годы детства и отрочества?

– В Переделкине папа часто отдыхал в Доме писателей или жил у своего друга дяди Левы Кассила. И меня тоже брал с собой. Дача Чуковского – через два-три дома, а поскольку Корней Иванович много занимался детским творчеством, детскими рассказами и стихами, то он читал все мои стихи и включил некоторые в сборник "Ранний восход". Впридачу я еще рисовал – и Чуковский устроил в детской библиотеке мою выставку... Все это после тринадцати лет ушло, то есть перестало занимать важное место в жизни. Раньше я просто с ума сходил от рисования. И стихи ушли – я просто превратился из бездумного "сочинителя" (я именно сочинял, а не писал стихи, я фонтанировал стихами, и их едва успевали записывать) в любителя поэзии. И сейчас, когда смотрю на свои детские рисунки, они мне очень нравятся. И стихи нравятся.

– И мне тоже они очень нравятся, без скидок на возраст автора. Вот такое, к примеру, о черной пантере:

*Она – как ночь средь бела дня –
Сидит и смотрит на меня.
Ее глаза во тьме горят,
А эта тьма – она сама...*

Написал человек дошкольного возраста, а ощущение очень серьезное. Я думаю, в каждой жизни есть сюжет – как и в каждой пьесе, и часто уже в раннем детстве что-то такое происходит, что важно каким-то образом зафиксировать. Если не стихи, которые можно записать на бумаге, а просто важная мысль или наблюдение, сильное впечатление, – их ведь тоже можно отметить, знаете, как в старинных рукописях отмечалась красная строка: буквицей, виньеткой, крупным шрифтом...

Вот эти стихи про черную пантеру... Я связываю их с вашими пантомимами – вы замечательно изображали чуть ли не целый зоопарк, и мне так жалко, что нельзя этого увидеть сегодня...

– Да, тут есть прямое отношение – все завязывается на детской мечте: я ведь хотел стать не художником, не поэтом, а биологом, готовился к поступлению на биофак в Ленинградский университет; и вдруг в девятом классе пришло твердое решение: попробую стать актером...

Первой моей режиссерской работой была инсценировка "Маугли", сейчас, десять лет спустя, я вернулся к ней... Спектакль очень азартный, идет в сумасшедшем ритме – и при этом в нем заключены очень серьезные мысли, сегодняшние острые проблемы. Это спектакль о разрыве человека с природой, который мы все так или иначе ощущаем. Мы не делали "агитку" на тему: "По газонам не ходить!" – мы

говорим о людях как о явлении живой природы. Когда цивилизация пишала человека его природы, его органики, природной гармонии, то он уже не в состоянии вести себя адекватно жизни. Высшее проявление природы – это возможность человека адекватно самовыражать себя: не многопланово, а однопланово, каждой своей эмоцией в данную минуту жизни. Как живут дети, как живут звери... Мне ужасно нравится фильм "Благослови детей и зверей", и чуть ли не еще больше – нравится само название. Гармония земной природы предполагает человека, человек задуман в ее контексте, природа скучает по нему. И если он не понимает своего назначения, ведет себя несоответственно – его природа уходит в какое-то мрачное подполье и потом вылезает изуродованное, извращенное...

Человек не понимает своего места, ему нет дела до природы, а значит, и до смысла жизни: он все никак с самим собой не разберется, все не рассядется никак... Знаете, это – как класс: учительница стоит, молчит и ждет, потихоньку закипая, когда они все, наконец, головы к ней повернут, а они все рассаживаются, хлопают партами, друг друга портфелями по голове бьют: "Ты здесь не сидел!" – вот на что похож современный человек. На странных перwokлашек, которым давно пора идти по "дороге знаний", а они все никак не могут поделить между собою парты...

Круг природы без человека разомкнут.

– Более того: тогда природа не только скучает по человеку – она становится агрессивной...

– Начинается война: мы ее завоёвываем, она нам сопротивляется.

– Я прочитал в одном немецком журнале статью "Планета наносит ответный удар" – и меня ошеломили цифры роста числа стихийных бедствий: столько-то наводнений, столько-то землетрясений... И все сводилось к одному: да, очень плохо, когда нет очистных сооружений, когда отравляется атмосфера, но все это – лишь верхний слой разлада в природе, а если копнуть поглубже – там такая враждебность ко всему живому, что вообще странно, как этот мир еще не взорвался!

– Вот мы и сделали спектакль о том, как все может в мире замечательно сосуществовать. Маугли живет в джунглях как бы за все поколения цивилизованных людей, – и как же ему хорошо! Он все никак не может надышаться этой прелестью, наораться, набегаться, напрыгаться – этот мир принадлежит ему, он его любит, и любит Маугли мир!.. Лишь потом начинается шерханство: "Ты чужой! Уходи к своим! Зачем ты нам нужен? – все, что нам сегодня слишком знакомо..."

В принципе, когда Маугли уходит из джунглей, это страшная беда – и для него, и для джунглей. Так что спектакль совсем не веселый. Он с очень большим многоточием в финале.

Когда я поставил первый вариант, он шел чуть больше часа. Там играли 17-18-летние ребята, они были похожи на брандспойт, вырвавшийся из рук, – и он крутится винтом, бьет струей во все стороны!.. Его надо успеть схватить, направить в нужную сторону. Это дает поразительный эффект! Такая была у меня задача. Я вложил в ту работу очень много сил, и она имела успех. Спектакль шел чуть больше часа. Больше никто бы не выдержал: ни

артисты, ни зрители – такая это была мощная энергетическая атака на зал. С нынешними актерами – сложнее. Я взял семь студентов, специально для этого спектакля, потому что актеры уже не смогли бы сделать то, что нужно. Но и их мне приходится подстегивать. Не могу понять, в чем дело, но они такие вялые...

– Костя, простите, я вас перебую, но момент для меня очень важный. Мы – ровесники, я стал присматриваться к молодым – и замечаю, что они какие-то на диво ленивые, праздные, вялые, как вы сказали. Или это бружжание? "Оптический обман"?

– Я сам себя все время спрашиваю об этом. Но вы смотрите со стороны, а я с ними работаю – и все время чувствую: точно есть. Нет, не потому, что "мы-де раньше лучше были", это – именно вялость как свойство человеческого материала. Но они вялые не по природе, ни в коем случае! Просто наша жизнь не способствует желаниям двигаться, трудиться, преодолевая лень и расслабленность. И приходится мне противодействовать на репетициях всей их жизни. А она – сильнее, потому что в театре они проводят 4-5 часов, остальное время жизнь тащит их в противоположную сторону...

Я не буду о себе ничего другого говорить, но чего не дам у себя отнять – так это, скажем так, того, что я могу много работать. И по природе. И еще потому, что пример отца постоянно передо мной: он просто не мог иначе существовать. Я иногда удивлялся, как он на сцену выходил, особенно в последние годы, – это было чудо! Поскольку я человек безумно самолюбивый, я понимал так: "А уж я-то, мне-то сколько на-

до – чтобы хоть в условной степени быть с ним сравнимым!" – чтобы просто чувствовать себя нормально...

Я убежден, что артисту вообще нужно работать много. Или очень много. Это – как в спорте. Вот сейчас рекорд – 2.42. При всем таланте сегодня нет спортсмена, который прыгнул бы 2.43. Или 2.42... Значит, помимо таланта, призвания, способности, должно быть еще что-то...

И вот я на сцене сталкиваюсь с молодым человеком и думаю: "Господи! Ведь талантливый же!" – и прихожу в отчаянье оттого, что не могу его обидеть. Понимаете, для актера это очень важно! Я должен вызвать в нем вспышку, задеть за живое – и не могу его обидеть! Я хочу сделать так, чтобы ему стало стыдно, неприятно, больно, – и не могу нащупать в нем такого места! Тычу в него шпагой – она уходит в глину. Я не могу заставить его содрогнуться: в нем нет самолюбия!.. Ну застыдился бы, оскорбился, хлопнул дверью! Зарделся бы! Нет же: о б о з н а ч а е т. (Райкин показывает, как: опускает голову и потупляет взор. Такой Аленький цветочек...)

Отошел я в сторону – он тут же, как ни в чем не бывало, веселится! Он не оскорбился – он о б о з н а ч и л, как оскорбляется нормальный человек. Он же актер – вот он и показывает... Ужас. Но ведь его жизнь толкает на это. В ней есть деньги, тряпки, связи, власть, физическая сила. Стыда нет. Не стыдно! Вот и все. Не стыдно лгать? Не стыдно. Не стыдно лицемерить? Не стыдно! Не стыдно убивать человека – хотя бы в себе? Ни капельки!!!

– Вы знаете, недавно в журнале "Радуга" – выходит такой молодежный журнал в Риге – напеча-

тано интервью с великим, но мало кому известным нашим соотечественником, философом Мерабом Мамардашвили. И он тоже говорит о "бесхребетности" молодых людей конца 80-х. Он говорит: замечательная молодежь, куда более умная, начитанная, свободная, чем их отцы в их возрасте. И контакты разнообразнее, и вкус есть. И даже внешне они красивее, изящнее. Но это поколение потребителей. А что такое, в сущности, работа – спрашивает Мамардашвили. Это риск и готовность за все платить самому. Работа – дело взрослое. Неработающий – это ребенок, недоросль...

Я боюсь, Костя, чтобы наш разговор не был воспринят молодыми как брюзжание дуэтом (или дуэтом). Могут, простите, и так сказать: Райкину легко говорить, он вырос в такой семье, в достатке, в Ленинграде, на всем готовеньком, люди, которые бывали в доме, – дяди и тети, а для всех – кумиры, ну и так далее. Но я думаю, дело все в другом. Я помню рассказ Джона Апдайка – одного из кумиров нашей юности, а молодые, уж не знаю, читали ли его "Кентавра" или "Кролика". Вот он познакомился с хиппи, присматривался, приглядывался, потом спрашивает: "Зачем вам все это – наркотики, любовь вповалку, вообще вся эта распушенность?" Они ему говорят: "Да знаете, хочется чего-то новенького". Он говорит: "А вам сколько лет? Семнадцать? А у вас дети есть? А вы машину водить умеете? А вы на байдарке по горным рекам плавали? А своими руками в доме что-нибудь починили? Ах, нет?! Так какого же рожна вы говорите, что вам хочется чего-то новенько-

го?!" Он просто взбесился, Апдайк. Он увидел чудовищное преступление против природы, о котором вы говорили в связи с Маугли.

– Я вообще-то человек целеустремленный, как я сам себя понимаю. Может, ошибаюсь, но пока всего, чего хочу, я добиваюсь. Люди, которые со мной имеют дело, знают, что в принципе они могут доверять мне, в том смысле, что если я берусь за дело, я его доведу до конца. При том, что я очень импульсивный, увлекающийся, страшно люблю удивляться, и удивляюсь очень многому, многого не знаю... Я даже не полу-интеллигент, а меньшая часть интеллигента, я действительно мало знаю, у меня просто жизнь так складывается... Но вот подумайте: если что-то заложено от природы, об этом нет смысла говорить. Потому что рождаемся мы все замечательными. Дети – божественные, ангельские существа. Ну, от среды, конечно, тоже зависит многое. Но должен ведь в человеке говорить и какой-то первобытный ужас! Надо без подсказки, без объяснения отличать прекрасное от безобразного. Наше общество безобразно. Оно нездорово. Из него ушла любовь. Бог ушел, как еще говорят, и мне это определение близко и понятно. Бог – это любовь. Совершенная любовь, безусловная. Любовь от нас ушла в буквальном смысле.

Вот выходишь на улицу. Все вокруг лишено любви. Все, что сделано руками, – сделано в отсутствие этого чувства. Без любви выбрано место для города. Без любви проложены улицы. Без любви построены дома. Скамейки, улицы, машины – все сотворено нелюбящими руками.

Магазины. Товары лежат – ну, это

понятно: они тоже сделаны плохими руками. Но есть овощной магазин – это уже природа сделала. Посмотрите: природа не любит эту картошку. Она лежит – такая мерзкая, гнилая, ее с отвращением продают, с отвращением покупают, дома с отвращением чистят и швыряют на стол... Все лишено любви, все! И даже лица у людей – это вообще-то обманчивое чувство, но иногда думаешь: "Господи, они как будто без любви зачатые"...

– Вы очень резко говорите... Но я думаю, такая резкость оправдана – как и в том случае, когда вы на репетиции должны заставить ленивого актера содрогнуться, устыдиться, иначе ничего не получится. Мы уж махнули рукой – а, будь как будет! Но привыкать к отсутствию любви страшно, гибельно. Все сейчас хаотично. Там много талантливых, ярких лиц и острых сочинений, но я, при всем моем интересе к нему, все чаще ловлю себя на том, что это интерес какой-то извращенный. Лишенный любви – говоря вашими, Костя, словами.

– Так это очень просто: в среде тотальной нелюбви все дьявольское очень легко и быстро произрастает и развивается. Кому-то такая терминология не понравится – но как это называть иначе? Налить в пластиковый пакет какой-то нитролак и дышать до одури, до рвоты... Или колоть себе в вену всякую дрянь... Или разрезать руку, ногу и глядеть, как идет кровь... Дьявольские дела! Нелюбовь ко всему живому, к себе. Нет любви – и нет опоры. Я что-то ненавижу, что-то не люблю, за что готов жизнь отдать!

А подросток – он просто не может сейчас быть иным – резкий, жестокий. Тут ведь не всякому хватит силы

устоять на ногах. Я хорошо помню свой расход с родителями. Не в смысле ссоры. Мама для меня лет до шестнадцати была самым близким человеком на свете, я рассказывал ей о себе все. Некоторые мысли казались мне чудовищно греховными; ужасно ведь, что я так думаю, – и я бежал скорее рассказать маме. Но наступил момент, они с папой уехали на длительные гастроли, и за время их отсутствия произошло столько, что мне для того, чтобы ввести маму в курс дела, пришлось бы рассказывать ровно столько же дней, сколько мы не виделись. Произошел перелом. Это очень естественно, нормально, в природе человеческого существа. Но тем более важно в этот момент иметь какие-то опоры – и не терять их. Духовные, а не материальные...

– И важно еще к потрясениям в своей жизни, к каким-то "сшибкам" и урокам относиться, что называется, адекватно. Не сходить с ума, не бунтовать, а запоминать. У вас такие эпизоды были? Не можете сейчас вспомнить?

– Да были, конечно... Но они не запомнились как эпизоды, а отложились там где-то, на дне, скорее в подсознании...

– Костя, а вы не помните первых разоблачений Сталина, оттепели?

– Родители меня оберегали. Отец говорил: "Ну, Сталин был крупный человек. Но очень жестокий", – и все. На этом тема была закрыта.

Я уже окончил театральный институт, работал в "Современнике", и вдруг понял, кто такой Сталин. Это убийца. Это определилось в моем сознании Достоевским. Вот кто меня сделал взрослым человеком...

– "Преступление и наказание"? "Подросток"?

– Нет, не “Подросток”. Мы ставили композицию по “Запискам из подполья”, в ней я сыграл свою лучшую роль. И после этого перечитал Достоевского всего – он стал для меня точкой отсчета во всем, до конца. Думаю, в этом я уже до смерти не изменюсь. Я тогда второй раз в жизни сломал ногу, лежал один дома в гипсе и читал. И вдруг – дохожу до одного места во второй части, о мокром снеге, и там написано: “Мне тогда было двадцать четыре года”. А мне – как раз двадцать четыре. И меня озноб бьет: все, что там дальше написано, читаю п р о с е б я! Я никогда в жизни не слышал ни от кого ничего подобного про себя. Я просто не допускал, чтобы один человек про другого может столько знать. И меня все больше колотит, потому что я понимаю: он почти сто лет назад умер!.. В какую-то минуту я подумал: “Если он знает э т о, тогда он должен знать еще одну вещь, что будет уже немислимо – он этого просто не может знать!” Переворачиваю страницу – и вижу, что он и э т о про меня знает!!!

Я просто зашвырнул книжку в угол и кричал – не стыдно было никаких эмоций! – кричал в голос. Потом взял костыли, встал, поковылял в угол, поднял, опять читал – и опять закинул в угол! И так – несколько раз, сказать – не поверят. Вот так они, переломы, и случаются... И потом, когда я читал “Преступление и наказание”, я понял: Сталин – убийца. Потому что Раскольников – убийца. Вот он кто! А все остальное – уже не важно. Кто такой Сальери? Человек, который убил Моцарта. Кто такой Раскольников? Человек, который убил старуху. Кто такой Сталин? Убийца. Строй, обстановка, экономические трудности и взлеты,

ход войны – это все мимо. Никакая Магнитка, никакой Сталинград не стоят раскольниковской старухи. И наказание – не в том, что в тюрьму, на каторгу попал, а в том, что попал в повушку собственной совести; сделал страшное дело – уговорил себя, задурил совесть. А она – не дура, она не уму подчиняется, а чувствам. Она себе скребется и скребется. Не имеешь права! Чего тут еще добавлять?

Я к этому потрясению был, наверное, предрасположен. И родителям, всем предшествующим чтением, своими стихами, рисованием. Но должен был прийти срок. И когда я вот так начитался Достоевского, да еще пообщался с Юрием Федоровичем Карякиным – он был автором инсценировки и нашим консультантом – мне очень многое стало понятно в жизни. Это произошло, в общем, довольно поздно... А почитал бы в восемнадцать – не было бы никакого потрясения...

– У Карякина есть статья “Подросток” Достоевского в эпоху перестройки” – и он пишет, что возраст подростка – самый решающий в жизни человека. И в этапе нашей общей жизни, истории, который мы переживаем. Судьба перестройки, считает Карякин, зависит не от поколения его и Горбачева, не от нашего с вами, Костя, а от поколения шестнадцатилетних – при том, что это очень широкий слой, и самый инертный, непредсказуемый в своем участии в перестройке слой общества.

– Мне ужасно не хватает в этих ребятах творческого начала. Они – молчаливые ипи, в лучшем случае, крикливые слушатели и зрители...

– Знаете, Костя, нам сегодня не уйти от разговора об ответствен-

ности старших за все, что происходит с младшими.

— Есть школа — проблемы молодых ребят я связываю прежде всего с ней. Она, по-моему, сама не понимает, зачем нужна. Я раньше выступал с концертами. Очень любил, не меньше театра. И заметил: из всех московских творческих домов — Дом актера, Дом литератора, Дом архитектора — самая нехорошая публика в Доме учителя. Что это, здание какое-то скверное, место неудачное, директор бездарный? Да нет: просто это — Дом учителя. Сидит публика. Невоспитанная. Тупая. Невосприимчивая к искусству. Не чувствующая юмора. Негибкая умом. При том, что я не бог весть что им показываю и рассказываю. Ну, танцую. Пантомиму изображаю. Читаю стихи. Я, между прочим, всегда делю аудиторию на ту, где мне хочется прочитать стихи Мандельштама и где не хочется. В Доме учителя мне ни разу не захотелось... Меня это очень ранило. Потому что у меня в жизни были удивительные учителя. Очень мною любимые!

В 9-10 классах я учился в школе-интернате при Ленинградском университете — та самая школа, которая ныне стала гнездовьем "Памяти". Оттуда ушли многие хорошие учителя.

В этой школе учиться было нелегко. Нужно было держать жесткие экзамены. Она фактически готовила кадры для Университета. Я хотел быть биологом, но, поскольку там было четыре направления: математика, физика, химия и биология, я втянулся, и математика мне просто нравилась. Для нормальной школы я был толковый, а для той, где учились просто феноменально одаренные ребята, я не был отстающим. Отставать было просто стыд-

но. Да никто и не позволил бы отстать. Она приучила меня к работе. Мы занимались не просто много, а бесконечно. Я просиживал над уроками все свободное время. Отстать — значит быть изгнанным, не из школы — из своего круга. Там проходили необыкновенные вечера, встречи с писателями, актерами, учеными. Короче — лицей.

Когда я пришел, школа была в становлении — первые, счастливые годы. И не хотелось оттуда уходить: там была замечательная среда. Приходилось работать "по-сумасшедшему". Подключившись к этой "вольтовой дуге", начинаешь понимать: это — нормально. Бывало, что тебе очень хотелось погулять, но эти желания как-то потихоньку отсекались... Ты просто научился их побарывать. И это приносит огромное удовлетворение.

Все это было очень искренне. Поэтому-то меня так бесит всякая ложь между людьми. Я, когда преподавал в ГИТИСе, работал вместе с Табаковым в его студии, продолжалось это шесть лет, довольно часто сидел на экзаменах по дисциплинам, ну, никакого отношения к театру не имеющим. Вот экзамен по истории партии. Сажу рядом с педагогом. Старый человек кондовых взглядов. Убеденный. Прожженный. Чего вы хотите! Брежневские времена. Застой — но жизнью никто не рискует. Кроме Сахарова.

И перед этим ископаемым — человеком семнадцати лет. И его спрашивают:

"Всякую ли музыку Чайковского мы можем сегодня у него взять, воспринять? Вот есть у него церковная музыка — как с нею?"

— Нет, — отвечает молодой человек. — Мы ее не можем воспринять.

— Хорошо, — говорит препода-

ватель. – А вот западная драматургия, мы ее ставим. Скажите, зачем?

– А затем, – говорит студент, – чтобы разоблачить их образ жизни...

Я сижу, смотрю на него и чувствую: сейчас взорвусь! Боже мой! Кто заставляет его это говорить?! Почему он не скажет, что все это глупости, бред?! Неужели он не понимает, что лучше церковной музыки, как мне кажется, вообще ничего нет? Что западную пьесу – как и всякую другую – мы ставим не затем, что рассказать что-то "про них" (к чему нам это?), а чтобы рассказать что-то про себя? На фига нам про кого-то говорить – нам бы с собой разобраться, тем более сейчас, когда мы изолгались на виду у всего мира!

Ведь за все это отвечать придется – рано или поздно...

Вы меня спрашивали о потрясениях моего детства – но вот одна история. Она, правда, уже из юношеской поры.

Я окончил школу с намерением стать актером. Поступил в театральный институт, приехал навестить в Переделкине Папу – он там отдыхал. Идем – и встречаем Корнея Ивановича. Это было спустя 10 или 12 лет после того, как он меня видел последний раз. Он сразу стал спрашивать, чем я занимаюсь, пригласил в гости. Я пришел. Он говорит: "Ну, покажите что-нибудь из своего репертуара". Я показал ему какую-то пантомиму – он пришел в восторг: "О, как интересно! Еще, еще!" Я говорю, мол, Корней Иванович, тут нужна музыка, давайте, я через неделю, в следующее воскресенье, когда опять приеду, захвачу записи и вам еще что-то покажу. Он сказал:

"Только не обманите меня". "Обещаю!"

Прошла неделя – и в субботу я ломаю ногу (это первый перелом, а про второй я вам уже рассказывал). Звоню Чуковскому и говорю: "Корней Иванович, здравствуйте, я ногу сломал". Он страшно перепугался, но я ему объяснил, что ничего серьезного и что я через неделю приеду, уже без гипса, и все ему покажу.

И он говорит мне: "Только я вас прошу, сразу, как выздоровеете, придите ко мне. Потому что вы обещали это сделать. В данном случае я забочусь о вас. Потому что у стариков, как я, есть одна противная особенность: они умирают – и оставляют вас с вашими обещаниями на в е к и".

И тут можно было бы отшутиться, но он это сказал очень серьезно. Мы с ним попрощались. И через неделю он умер...

Как выяснилось потом, его в больнице заразили желтухой. Не был прокипячен шприц.

Две кассеты записи. Райкин ни разу не посмотрел на часы, но когда я – поближе к концу – спросил его, есть ли у нас еще время, он сказал: "Минут десять. От силы – пятнадцать".

Все дни после нашего разговора я думаю об одном. Ну, ладно. Допустим, это случай действительно редкий. Райкин, сын Райкина. Гены, влияние, личный пример... Что там еще? Но – вопреки простой логике – он думает не о том, как и что сказать – с в о е и в с в о е время, вовремя... а о соответствии тому Времени, у которого все мы в плену. А потому:

НЕ СПИ, НЕ СПИ, РАБОТАЙ...

ЗОНА ДОВЕРИЯ

Тамара АЛЕКСАНДРОВА

Прежде всего это – хороший дом. Старинный особняк с белыми колоннами. А старые стены, хранящие тайну и дух ушедших времен, всегда особым образом влияют на самочувствие. Но сейчас речь не о стенах.

Здесь тебя встретят со спокойной приветливостью, и сразу часть тяжести с плеч: “А я боялся...”

Здесь не заставят сообщать то, что предпочитаешь скрыть. Не хочешь называть настоящего имени – не надо, обязательно, назови любое, и регистратор запишет его в карточку, не требуя домашнего адреса, номера школы... Важнее другое – твои проблемы, которые привели тебя сюда.

Здесь каждого внимательно выслушают, а кто-то, может быть, впервые в жизни встретит умеющего слушать. Важное умение, которого так не хватает всем нам. Без него близкие люди могут стать чужими, конфликты – нескончаемыми...

Здесь в одной из комнат круглые сутки звонит телефон, и в любое время дня и ночи на звонок откликнутся: “Телефон доверия. Я тебя слушаю... Не волнуйся, не спеши, мы

будем говорить столько, сколько тебе нужно...”

Здесь все подчинено знанию, убеждению: в человеческой жизни нет таких минут, к которым было бы позволительно отнестись невнимательно или небрежно.

Этот дом – Медицинский молодежный центр.

Почему же – медицинский? Он совсем не похож на поликлинику, тут не встретишь белых халатов, а за дверями кабинетов разговор может идти о застенчивости, об одиночестве, о домашних конфликтах. Все это, казалось бы, далеко не медицина.

– Напряженные отношения со взрослыми или с более сильными сверстниками, “дедовщина”, с которой ребята сталкиваются еще до армии, страдая от унижения и неумения защитить себя... Такое может подействовать не только на эмоциональное состояние, но и физическое, – говорит руководитель Центра, кандидат медицинских наук Юрий Леонидович Шарец. – Многие болезни развиваются из-за стрессов. Принято считать, например, что в язвенной болезни виновато пи-

тание – нерегулярное, плохое. Конечно, из-за этого болезнь может быстрее развиваться, а главная причина – потрясения, острые переживания. И требуется, как правило, всесторонняя помощь, а не только пилюли, диета. Поэтому врач в Центре – это как друг специалистов. И чаще всего визит к нам начинается с психолога.

Задача "круга" помочь человеку сейчас и дать рекомендации на будущее, научить ответственно относиться к собственному здоровью, с наименьшими потерями выходить из жизненных передряг.

Я слушаю и думаю, как это важно. Ведь бывает, какой-нибудь случай загонит человека в такую неуверенность в себе, что ему будет очень трудно добиться того, что мы так щедро желаем друг другу по праздникам – успехов в труде и счастья в личной жизни. Но возможно ли научить беречь здоровье или трезво анализировать свои неприятности? Забота о здоровье – удел пенсионеров, стариков, а в ...надцать лет его тратят, не оглядываясь. После лекции о вреде сигареты, ее страшном влиянии на развивающийся организм – скорее за угол школы: покурить! Разве не так?

Вот и Юрий Леонидович говорит о "добровольной потере" здоровья и "принудительном обращении" к врачу: если нужна, скажем, справка для бассейна или поднялась температура, да и с температурой не пошел бы, но жаль упустить возможность законно отдохнуть от школы. Такие в основном взаимоотношения у подростка с медициной.

А когда с ним что-то случится, и он сам чувствует необходимость обратиться к врачу – ему зачастую трудно

прийти на прием, трудно перешагнуть через застенчивость, настороженность. Случившееся может быть связано с интимной стороной жизни, и во время визита она волей-неволей приоткроется. А вдруг врач бросит пренебрежительное: "Не жил еще, а уже...", призовет родителей, все начнут ахать, причитать: "Говорил тебе!..." Да гори оно все лучше синим пламенем, и будь что будет.

В Центре сделали все, чтобы этого барьера не было, чтобы человек сразу ощутил: здесь можно довериться без боязни нежелательной огласки.

Ручательство – анонимность.

Но потом многие называют свое имя. Зачем его скрывать от того, кому веришь? Разрешенное правилами условие кажется уже невозможным обманом, и Николай не хочет быть больше Игорем, а Марина Ольгой. Тем более, что нередко общение с доктором не ограничивается одним приемом. Он продолжает вести пациента дальше, пока не выведет из трудной ситуации. Первый шаг, второй...

Первое, что нужно сделать Марине (так представилась шестнадцатилетняя девушка, и мы оставим это имя), – сообщить обо всем маме. Жить под страхом неприятностей больше нельзя. Каждое утро – вот уже полтора месяца – просыпается она с одной мыслью: вдруг сегодня мама обо всем догадается? Вдруг уже догадалась? Вчера она несколько раз повторила: "У тебя круги под глазами, раньше этого не было". И Марина чуть было не выпалила, но все сжалось внутри, похолодело. Мать непременно сообщит отцу. Господи, какой обрушится скандал! А

хуже всего будет в школе. Не может быть, чтобы учителя не узнали. И Марина уже ощущала на себе многозначительные взгляды. Нет, не сейчас, лучше подождать. И опять страх: что делать, когда станет заметно?

О Центре от кого-то услышала подруга и привела ее сюда. И теперь Марина обсуждает свои проблемы с доктором, который подтвердил бременность.

Прервать ее без разрешения родителей нельзя. Значит, Марина вместе с мамой должна пойти в женскую консультацию по месту жительства.

Доктор расспрашивает про отношения с родителями, про их характеры и про то, как они реагируют на дочкины неприятности. Вместе думают, как правильней все объяснить.

Марина должна это сделать сама! Если не получится ("Ты мне обязательно позвони, сообщи..."), Олег Иванович готов взять разговор на себя. Конечно, новость мать и отца не обрадует, можно не сомневаться, но они должны понять, что от обострения отношений с дочерью будет только хуже – ей, им.

Возникнет необходимость, Олег Иванович свяжется с врачом, к которому должна обратиться Марина.

У каждого доктора Центра не одна роль – он и психолог, и старший друг, и адвокат.

И Юрия Даниловича я вижу в роли адвоката, когда он рассказывает, как часто ребят приводят в Центр конфликты со школой, с учителями. Иногда первыми обращаются родители: "Сын категорически отказывается ходить в школу. Может быть, это отклонение от нормы?

Пусть его посмотрит психиатр..." Почему-то у них не возникло мысли беспристрастно разобраться в том, что же случилось в школе.

– Бывает, виноваты ученики, но чаще, как это ни прискорбно, учителя. У детей обостренное чувство справедливости, а с их мнением не считаются. Подросток осознает свое "Я", а к нему относятся как к незрелому человеку, который не имеет права на свои взгляды, потому как они заведомо неверны и незачем их даже выслушивать. Это унижение! Зачастую родители консолидируются с учителями – учитель всегда прав, а ты, мол, судить. И бесправный человек остается один против целой армии взрослых. Нашим психологам не раз удавалось доказать им, насколько они не правы.

В отрочестве многие как раз мечтают о старшем друге, с которым можно обсуждать все, что волнует, не боясь, что тебя одернут или высмеют. И мне показалось, когда я сидела в комнате телефона доверия, что именно неосуществленная мечта и надежда ворвались вместе со звонком.

"Можно мне поговорить с приличным человеком?"

"Я уже в десятом классе, но ни с кем из мальчиков не дружила, даже близкой подруги у меня нет. Мама все время спрашивает, почему так? Мне от этого только тяжелее. Я и сама не знаю..."

"Не могу, не буду больше ходить на физкультуру. Я толще всех. Меня так обтягивает майка, что все смеются. Нет, не кажется... Как мне объяснить, что я не могу..."

"Мы поссорились с Ирой, и, наверное, никогда не помиримся. Она

красивая, умная, а я... Нет, мириться не пробовал, а вы считаете, получится?..."

"Мне ничего не хочется, мне ничего неинтересно... И представить не могу, что некоторые живут по-другому..."

"Вы знаете, что такое козел отпущения? Это я. Ну что им нужно? Я же никого не трогаю!.. Ну, посоветуйте, что сделать, чтобы они отстали!..."

Слышите в этих голосах боль? Чувствуете одиночество? Скорее всего, звонят ребята, которым не с кем серьезно поговорить о своих проблемах. И в трудную минуту набирают вот этот номер:

122 32 77

А рядом с ними не только родители, но и немало одноклассников, может быть, своя компания. Но того, кто захотел бы вникнуть в твои переживания, нет. Его надо искать.

– Можно поговорить с приличным человеком?

– Давай попробуем, – голос психолога подбадривает. – Ты что-то хочешь обсудить? – в голосе готовность и заинтересованность.

Вряд ли все это можно сыграть. Нет, один-то раз, конечно, можно, и два тоже, а если пятый и шестой час подряд?... Человек недоброжелательный не выдержит. А дежурный психолог, молодая худенькая женщина с тихим мягким голосом (оказывается, вовсе не надо кричать, чтобы тебя слушали и ловили каждое слово) вместе с одним абонентом разрабатывает культурную программу ("Ну, вот видишь, оказывается, и тебя может что-то заинтересовать..."), и вот уже другому помогает сопоставить масштаб

нынешнего огорчения и всей будущей жизни – все впереди и все у тебя состоится, не надо так отчаиваться...

Кто-то просит разрешения спеть свою песню – сам сочинил, горит желанием ее обнародовать и боится. "Вам действительно понравилась?!" Может быть, именно в эту минуту окрылили новую звезду.

"Вы не знаете, где мне купить собаку и как убедить маму..."

Приятно поговорить о собаках – это отдых. И снова катит волна тревоги. Юношеский сбивчивый голос, история... Нельзя ничего пропустить. "Друг... Его компания... Уговорили... Попробовал... И еще раз... Это опасно?" "Может быть опасно, если сейчас не остановиться. Ты же, наверно, читал о наркотиках, о наркоманах. Хорошо, что ты понял – это самое главное. Тебе надо прийти к нам в Центр на прием... Ничего не бойся, никто никуда не сообщит, тебе помогут..."

Бывали случаи, что таких ребят устраивали в медико-философский пицей при Центре, вовремя вырывали из опасной среды, и никто из нового окружения не знал об их прошлом опыте, а если и узнавал, это ничем не угрожало.

– У нас все друзья, все братья!

– В школе обычно ходят по два-три человека, а здесь мы все вместе, – слышу от лицеистов.

– Новичку никто не скажет: "У-у, салага!" А если и скажет, то так, что он улыбнется в ответ.

– У меня за год учебы появилось друзей намного больше, чем за всю предыдущую жизнь. В школе обращали внимание на внешность, на одежду. Здесь друзей ищут по сути, это легче...

– К тебе относятся как к человеку

– задавай любые вопросы учителю, спорь. Недавно мы провели рейтинг среди учителей и учеников. Кто первый ученик и какой он? Своеобразный, яркий, остроумный. Общительный. Всем друг...

Такова школа зоны доверия. Тем, кто поступил сюда после восьми классов, повезло. Конкурс каждый год большой – несколько туров собеседования, которое проводят сами ребята, старожилы. Правда, плюсы и минусы, которые они представляют абитуриентам, корректируют и старшие. Важны при поступлении вовсе не отметки, а то, что ты на самом деле знаешь, какой у тебя кругозор, умеешь ли думать самостоятельно, и вообще, какой ты человек, насколько готов понять другого.

Лицей вовсе не теплица, где всех обволакивают лаской и поглаживаниями. При относительной свободе – системе лекций и зачетов – жизнь суровой и напряженной, чем в школе. Там ты в любом случае получишь свои законные или незаконные тройки. А здесь не сдать зачеты – отчислят. Так что без назиданий станешь ответственным...

Кроме обязательной школьной программы, здесь множество специальных предметов: медицинская психология, высшая нервная деятельность, демография, история философии, этика, логика, риторика, духовность, основы аутотренинга и гипноза, сексология...

– Да как же все это можно успеть? – спрашивала едва ли не у каждого, с кем знакомилась.

– Интересно, вот и успеваем, – спокойно объясняли ребята.

Когда мне рассказывали, как возник лицей, я представила себе хорошо подготовленную ухоженную

грядку, на которую упало доброе семя. "Грядку" – 554-я школа во главе с Андреем Михайловичем Чикиревым. Он стал и директором лицея ("У нас самый необыкновенный директор, – уверяют лицеисты. – Он не командует! Считает, что авторитаризм в школе недопустим, иначе это уже не школа – тюрьма"). А сама идея, которую подспудно вынашивали создатели Центра и Вероника Рафаэловна Ирина, научный консультант, и Шарец: мечтали обрести юных помощников. Над головой энтузиастов было в то время небо: в полученном доме засели строители и не спешили сдавать "объект". Вот тогда Чикирев и позвал их в свою школу – она рядом. И после занятий в классах начинали прием специалисты...

Лицеисты дружат с врачами и психологами, помогают на телефоне доверия. Знания, которые получают на лекциях, индивидуальных консультациях – о медицинских, психологических аспектах возраста, о проблемах, законах общения – несут своим ровесникам. Ведь у всех сохранились связи с бывшими одноклассниками, свои дворы, свои компании. Лицеисты могут сообщить товарищам научные сведения по сексологии, опровергнув разные бытующие бредни. В случае беды посоветовать, куда обратиться...

Когда я уходила из старинного, из хорошего дома, спросила хозяев, не хотели бы они что-то сказать читателям "Мы".

– Сообщить адрес. Москва, Печерская улица, дом 9-а. Медицинский молодежный центр. Возникнут проблемы – приезжайте. Принимаем не только москвичей.

ДЕТИ ЧЕРНОБЫЛЯ

Для этих ребят нет ни леса, ни реки, ни летнего дождя, ни травы, ни цветов. Только глухие стены школы, детского сада, дома. Живут мальчишки и девочки в районах аварии, протекшей 26 апреля 1986 года на Чернобыльской атомной электростанции.

Радиация – враг невидимый и потому необъяснимый. Трудно понять, почему нельзя собирать грибы, нельзя варить уху, нельзя купаться в реке.

Уровень радиации здесь настолько высок, что запрещено даже выходить на улицу: Государственным комитетом по народному образованию издан специальный приказ, предписывающий детям в течение двенадцати часов находиться в помещении. А уж если выбрался из дома, то ходить можно только по асфальту и в сопровождении взрослых, обязательно носить головной убор.

В результате выпадения радиоактивных веществ были заражены 39 районов РСФСР, Украины и Белоруссии. Загрязненных поселений в России более тысячи, на Украине – 900, в Белоруссии – 2700. В них проживает 1,5 миллиона человек, 160 тысяч детей до семи, 360 тысяч – до семнадцати лет. Изотопами йода, цезия и стронция усеяны в той или иной мере еще 11 районов страны с населением 17 миллионов человек. А если еще учесть, что ра-

диоактивные частицы достигли также отдаленных районов Кавказа, Сибири, Средней Азии... Говорят, Чернобыль взрыгнул десять Хиросим.

С этих ребят, проживающих в зараженных радиацией зонах, давно исчезли улыбки, померкли веселье и жизнерадостность. Да и здоровье у многих резко ухудшилось. Виновики этого – изотопы йода, цезия и стронция. Если изотопы йода попадают в организм через органы дыхания (почти 37 процентов детей имеют заболевание щитовидной железы) и не долго "живут" в атмосфере, то цезий и стронций загрязняют не только воду, но и землю, реки. Использование этих природных ресурсов грозит большой опасностью для человека. Снизилась рождаемость, возросла детская смертность. Ребятишки жалуются на слабость, головокружение, боли в животе, характер которых врачам неизвестен.

Но самое страшное: медки порой остаются одни на один с больными детьми. Помощь от государственных медицинских учреждений минимальна. Так, было принято правительственное решение о проведении всеобщей диспансеризации детей в зоне Чернобыльской АЭС. Однако этого не сделано: руководство Министерства здравоохранения СССР ссылается на нехватку медперсонала, оборудования. Например, в

Хойникском районе Белоруссии вместо 13 педиатров – четыре, нет одноразовых шприцев, систем для переливания крови, автоматизированных переливных лабораторий. Обработка и анализ информации осуществляется вручную. А ведь через руки медицинских работников проходят тысячи людей. Впрочем, что говорить о нехватке оборудования, когда в зонах аварии нет даже дозиметров, чтобы измерить уровень радиации.

Сразу после аварии Совет Министров СССР принял "Комплексную экологическую программу исследования последствий аварии на Чернобыльской АЭС".

Предусматривает она и мероприятия по медицинским проблемам помощи людям, и в первую очередь детям. Не подменяя усилия государственных организаций, Советский детский фонд серьезно участвует в их решении.

Сразу после аварии Советский детский фонд приступил к осуществлению масштабной программы "Дети Чернобыля", и помощь ребятам, пострадавшим от беды, стала одной из первейших задач Фонда. Был открыт специальный счет, на который поступают денежные средства от предприятий, отдельных граждан, зарубежных фирм и частных лиц. Деньги поступают немалые, но и расходы велики:

планируется построить в Гомельской области Центр детской медицинской радиологии, пять миллионов рублей выделяется на строительство в экологически чистой местности Брянской области семейного детского городка для физической и социальной реабилитации ребят, пострадавших в Чернобыльской аварии... И это далеко не все.

Фото Войтека ЛАСКИ
"Сипа-Пресс", Париж

Большие средства израсходовал Детский фонд на приобретение медицинского оборудования и содержание доверенных врачей СДФ — главных специалистов Минздрава СССР. Сразу же после трагедии бригады медиков выехали в районы бедствия. Они проводили обследование детей, оказывали помощь ребятам, получившим большую дозу облучения, углубленно обследовали функции состояния детского организма. В Институте детской онкологии, катедры образования Советским детским фондом, прошли специализацию по раковым заболеваниям врачи, работающие в зоне Чернобыльской АЭС.

Ребята, которым нужна была помощь зарубежных специалистов, были направлены на лечение в другие страны. Проведение сложных операций и проезд были полностью оплачены Советским детским фондом. Недавно рейсом Аэрофлота были отправлены на лечение в Италию две девочки из Белоруссии, больные лейкозом — четырнадцатилетняя Оля Самусенко и двенадцатилетняя Нина Санога. Им предстоит операция с пересадкой донорского костного мозга. Советский детский фонд взял на себя хлопоты по организации их выезда и оплату проезда.

По настоятельной просьбе СДФ было принято правительственное решение о бесплатном питании детей до трех лет, бесплатном двухразовом питании в школах и дошкольных учреждениях. Практически все детские дома и школы-интернаты, расположенные в районах заражения, получили от Советского детского фонда автотранспорт — грузовики, "РАФы", автобусы.

Большие сложности возникают с вывозом детей в экологически чистые районы страны. К решению этой проблемы СДФ приложил немало усилий. И результаты налицо: ежегодно тысячу ребят принимает на отдых санаторий СДФ "Бризантиния"

на берегу Черного моря, столько же мальчишек и девочек проводят каникулы в пионерских лагерях "Артек" и "Орленок", по инициативе местных отделений Детского фонда ребят из Белоруссии, РСФСР и Украины гостеприимно встречают в санаториях и пансионатах других братских республик. Только за эти летние каникулы 300 ребят из Белоруссии отдохнут в Таджикистане, 150 человек с Украины — в Узбекистане.

И вот новая инициатива. Всемирное бюро скаутов и ЮНЕСКО совместно с Советским детским фондом летом нынешнего года организуют месячный отдых 1235 советских ребят — детей Чернобыля — в пятнадцати странах Западной Европы — Франции, Италии, Финляндии, Нидерландах, Греции, Великобритании, Швеции... Эта благородная акция проводится в рамках Всемирного проекта "Солитарность с детьми Чернобыля" и является ярким проявлением солидарности западной молодежи с советскими сверстниками. Советский детский фонд организовал работу по отбору ребят для направления на отдых (это, как правило, дети-сироты, дети из многодетных и малообеспеченных семей), приобрел одежду для них, оплатил проезд педагогам, сопровождающим детей.

Многое делает Советский детский фонд имени В. И. Ленина по реализации программы "Дети Чернобыля". Однако помощь лишь общественной организации вряд ли решит проблему чернобыльской трагедии. Ибо ситуация в значительной степени обусловлена тем, что ей долго не придавали надлежащего значения. Сегодня очевидно: хрупкий мир детства в опасности.

...Дети Чернобыля... Зловещая тень продолжает висеть над ними, по-прежнему тревожно на сердце за их будущее.

Владимир СТУКАЛОВ

Я ВСЕ ПРЕДУСМОТРЕЛ! ИЛИ 10000 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

I

В бункере было тепло и уютно. Как будто наверху не свирепствовал лютый мороз, не дул бешеный норд-ост, разнося на все четыре стороны белые хлопья вечного снега...

— Ну чем ты опять недовольна? — спросил Александр. — Дуешься неизвестно на что. Тебе крупно повезло, ты встретила меня, и вот теперь, когда, наверняка, впервые в твоей жизни перед тобой такие деликатесы, ты дуешься свои дивные губки. Посмотри: это гусь, гусь тушённый с квашеной капустой. Всё натуральное! Это тебе не ваши дезактивированные пресности. А ветчина? Она настоящая, свиная, сочная, душистая. Чем она тебе не нравится? У вас, кроме питательной биомассы, практически ничего нет. Я тебе разносолы всякие предлагаю, а ты кривишься. Ну что тебе сейчас не по вкусу?

Лена обиженно нахмурилась:

— Ты прекрасно знаешь, что если у меня в крови найдут остатки твоих деликатесов, меня стерилизуют в пять секунд, а мне еще, Сашенька, родить хочется.

— Ну прямо, стерилизуют. А с чего они возьмут, что ты эти деликатесы ела? Это первый вопрос. А второй — за что тебя, собственно, стерилизовать? Честно говоря, я с ними не общаюсь и не в курсе их новой политики. Знаешь, мне и без них не плохо.

— Ты, Саша, как с луны свалился. Во всех этих, как ты называешь, деликатесах столько радиации, что у женщины, употребляющей их, не может родиться нормальный ребенок. Поэтому ее и стерилизуют. Кому нужны очередные мутанты?

Александр взял сигарету, щелкнул зажигалкой и, затянувшись, выдохнув круглое сизое кольцо дыма, снисходительно развалился в кресле.

— Я все предусмотрел. — Он стряхнул пепел в хрустальную пепельницу. — Я все предусмотрел, девочка. В этих продуктах радиации меньше, чем в твоих глазах. Если ты хочешь, я докажу тебе это. Любой счетчик покажет

нулевую радиоактивность. К тому же я ем эту вкуснятину уже больше двадцати лет. И, как видишь, не умер, не болен, не превратился в голую обезьяну. Просто надо знать места, где брать продукты можно, а где нельзя.

От удивления Лена достала из пачки сигарету и закурила. Откашлявшись, она сказала:

— То есть как это больше двадцати лет?! Ты говоришь, что ты родился за двадцать восемь лет до исчезновения старого мира, но человек не живет больше сорока лет, а у тебя в сумме получается сорок восемь.

Александр погасил сигарету и пристально посмотрел на Лену. Ей было лет семнадцать, а то и шестнадцать. Рослая, с длинными стройными ногами, высокой грудью и роскошными каштановыми локонами, она производила впечатление умной девочки, школьницы, только что сдавшей выпускные экзамены. Но это по старым меркам. Александр знал, что она два года назад закончила высшие курсы и работала врачом в клинике.

Он чувствовал, что она любит его, но как человек предусмотрительный понимал: не все можно и нужно рассказывать женщинам, хотя бы ради них самих. Однако в данном случае молчание было чревато нежелательными обидами, а может, и уходом Лены, чего Александр хотел меньше всего.

— Понимаешь, Лена, это долгий разговор. Когда-нибудь я расскажу тебе все. А сейчас давай лучше выпьем чаю. Ты знаешь, что такое чай?

— Не знаю и не хочу знать! — отчетливо громко сказала Лена. — Мне надоело. Я живу неизвестно с кем. Я ем и пью неизвестно что. Или ты рассказываешь о своем прошлом, или я ухожу.

— Успокойся, девочка. Волноваться вредно.

Александр встал и прошелся по бункеру.

Ровный голубоватый свет мягко ложился на бежевый палас и светло-коричневые обои с тисненым орнаментом, утопая в обитой желтым бархатом мебели и одновременно подчеркивая естественную зелень изысканных комнатных растений.

Гул генератора, едва-едва доносящийся из соседнего помещения, практически заглушался трелями кенаря, невероятно гордящегося, по-видимому, своим янтарным оперением.

— Трудно было поверить в то, что на земле уже двадцать лет, как нет ни зелени, ни птиц, ни беззаботно хохочущих детей под ослепительным июльским солнцем.

Солнце светило бледно, с трудом пробиваясь сквозь загазованную атмосферу, тускло отражаясь в непроходимых сугробах, плотно укутавших истощенную земную твердь.

Только каменные тени мертвых городов напоминали о бурной и не такой уж плохой в сущности жизни, к несчастью, навеки утраченной оставшимися в живых людьми.

II

— Я все предусмотрел. — усмехаясь, но не злорадно, а скорее горько, криво как-то усмехаясь, начал Александр. — Цивилизация была сильной и богатой. Всего было вдоволь. Разные государственно-политические системы мирно сосуществовали друг с другом. К тому же экономические плат-

формы этих систем мало чем отличались, и возможность антагонизма, тем более войны, была столь незначительной, что народы перестали трястись от страха, армии пришли в состояние благодушного разлада и больше занимались вопросами быта, а ядерное оружие, не уничтоженное, как говорится, на всякий случай, спокойно дремало в своих бетонных саркофагах.

Все произошло внезапно. Так внезапно, что причины катастрофы остались погребенными под развалинами и радиоактивной пылью. Единственно, что успели защитные модули, это дать сигнал тревоги.

Началась паника, неразбериха... Короче, уцелели единицы. Впрочем, это все известно тебе из курса новой истории.

Я все предусмотрел. Я начал строить подземные бункера задолго до катастрофы. Ты спросишь — почему? Да потому, что, если оружие есть, значит, оно может быть задействовано. А оружие было и в достаточном количестве. Болтовня о самообороне рассчитана на доверчивых простачков. Какая оборона, извини, в средствах массового уничтожения?

Я построил себе дом под землей. Бетонные стены с антирадиационным покрытием гарантировали мне безопасность. Универсальный генератор, работающий практически на любом топливе, обеспечивал мне все бытовые удобства, а также существование растений, что необходимо. У вас, насколько мне известно, идет постоянная борьба за выживание. Едите вы биомассу из водорослей, единственно, что можно вырастить в условиях нехватки энергии. Количество людей увеличивается, а чистой воды мало. Витамины вы синтезируете химическим способом. Но они малозффективны и плохо усваиваются организмом. Помимо всего этого, у вас идут мутации. Незначительные, правда, для внешнего облика, но срок жизни, например, резко уменьшился. Раньше люди жили порой до ста лет. А теперь? Ты говоришь, что твои родители умерли, не дожив и до сорока лет, а твои коллеги по работе в тридцать пять выглядят глубокими стариками.

Я все предусмотрел. У меня есть маленькие, но вполне достаточные для меня плантации, где растут обогащенные необходимыми витаминами травы. В одном из бункеров расположен гимнастический зал с набором тренажеров. У меня несколько отменных, герметичных радиофицированных скафандров, в отличном состоянии, и я без опаски хожу туда, куда вы и подумать боитесь.

Я все предусмотрел. Хочешь чаю?

Лена равнодушно махнула рукой:

— Ладно уж, неси. Уговорил...

Они пили чай с хрустящими солеными галетами и слушали божественную музыку, медленно выплывающую из акустических систем, обволакивающую, уносящую в даль, в невероятную даль, когда на земле не было еще никаких глобальных катастроф, а были величественные музыкальные инструменты — из тысячи разных труб, и жили люди, извлекающие из этих инструментов чарующие галлюциногенные звуки.

Когда музыка кончилась и магнитофон отключился, вернув слушающих из прекрасного прошлого в существующую реальность, Лена неожиданно вздрогнула и спросила:

— А ты не боишься мутантов?

— А чего их бояться?
— У них есть оружие, и они пытаются убить всякого, кто встречается им на пути.

Александр рассмеялся:

— Я все предусмотрел. Леночка, милая, мои скафандры пуленепробиваемы, огнеупорны и водонепроницаемы. Когда я совершаю вылазки в город, мне абсолютно нечего бояться. Вдобавок я нашел небольшой бронированный вездеход, на котором и вожу все мне необходимое. Хорошо, что здесь неподалеку чудом сохранилось громадное нефтехранилище. По крайней мере, классным горючим я обеспечен еще лет на двести. Кстати, не хочешь ли съездить со мной туда? Ты ведь ничего подобного еще не видела.

Лена поежилась:

— Страшно.

— Конечно, страшно. Страшно-престрашно, но ни капельки не опасно. Поехали. Заодно и на мир посмотришь.

III

Двигатель вездехода работал ровно, не ревел, не взвизгивал, не тархтел; вполне приемлемый гул не мешал разговору, и Лена не чувствовала какого бы то ни было беспокойства от этой первой в ее жизни большой вылазки.

Нельзя сказать, что раньше она никогда не выходила на поверхность земли, просто случалось это не часто и выражалось в основном переходами из одних подземных жилищ в другие. Таким образом она однажды и познакомилась с Александром.

Тусклое солнце тонуло в серых сугробах, никаких признаков жизни вокруг не наблюдалось, на горизонте маячило какое-то странное сооружение, увеличиваясь все больше и больше, по мере приближения к нему вездехода.

— Нефтехранилище, — ткнул пальцем Александр.

— А там есть кто-нибудь? — спросила Лена, жадно всматриваясь в растущую на глазах махину.

— Мутанты могут быть.

— А они страшные?

— Обычные, только черные, как сажа, говорят непонятно и, похоже, не мрут от радиации.

— Странно. Мне про них такие ужасы рассказывали, что они с хвостами, шерстью покрыты или, наоборот, лысые, с шестью руками и друг друга едят. Брр-р.

Лена зажмурилась.

— Ерунда. Никого они не едят. Убить могут, что правда, то правда, оружие у них есть. За последний месяц я раза три с ними встречался, обменивались очередями из автоматов, на этом все и кончилось. Я в принципе так же мало о них знаю, как и вы, но то, что друг друга они не едят, это точно.

— А если все-таки едят?

— Тогда бы они трупы не оставляли. Помнишь из древней истории ди-карей-людоедов? Так вот они после боя всех убитых съедали, а эти бросают.

Нет, их больше продукты из хранилища интересуют. Из-за этого и в перестрелку со мной вступали. Конкурента, видимо, почувствовали. Одного не соображают, что я-то в скафандре, а они голые.

— Совсем-совсем голые?

— Совсем. И мороз им не страшен. Может, у них кожа толстая? Я не знаю. Близко не подходил. И не страшно, знаешь, но как-то неприятно: вроде люди, а вроде и нет. Короче, в лапы к ним попасть бы не хотел.

Лена задумалась. Мрачная морщинка, образовавшись под носом, сделала милое личико серьезным и в то же время каким-то тусклым, как будто оно вдруг сразу постарело на несколько лет.

— Что с тобой? — спросил Александр. — Ты боишься встречи с ними?

— Нет, Саша, не встречи. Просто я подумала, что...

Она замолчала.

— Вобщем... что если мы все потихоньку вымрем, а они останутся? Может быть, за ними будущее земли?

— Не думаю, Лена. Нет. Во-первых, они уже подверглись мутации. Во-вторых, они постоянно получают дозы, и если даже для них самих это не смертельно, то на потомстве отразится обязательно. Превратятся постепенно в человекообразных обезьян. Я где-то читал, что нечто подобное однажды уже было на земле. У какого-то фантаста, кажется. Кстати, двадцать лет назад наверняка почти все обезьяны погибли, а многие виды исчезли навсегда, так что, вполне возможно, в далекой перспективе, конечно, пополнение выбитых рядов новыми видами из деградирующих человеков.

Лена мечтательно вздохнула:

— Вот если бы всю земли облететь, посмотреть... Ведь раньше люди летали, а теперь...

— Теперь, Лена, сидят все по норам, как мыши, и, что особенно удивительно, размножаются, да еще на лучшее надеются. Конечно, если бы трагедия не произошла так внезапно, все было бы по-другому. У всех бы имелись скафандры и еще много чего, что, увы, сегодня, наверное, есть только у меня.

Я все предусмотрел. А вы нет. У вас один выход — сидеть под землей и ждать, все помыслы направляя на то, чтобы накормить и напоить увеличивающееся население.

Когда-нибудь фон станет меньше, и можно будет обследовать землю. К тому времени и атмосфера восстановится, а значит, снега растают. Только сколько тысяч лет потребуется на реанимацию погибшей природы?

Лицо Лены преобразилось. Из печально задумчивого оно вдруг стало злым и возмущенным, что совершенно ей не шло.

— Хорошо, Саша. Мы не можем, но ты-то, ты! Вездеход у тебя есть, скафандры тоже. Ты бы мог сделать кучу дел. Ты просто индивидуалист, если не сказать больше. До меня только сейчас дошло, какая ты эгоистичная дрянь, думающая только о своей шкуре! Оставшиеся люди мучались, умирали. А ты жил двадцать лет припеваючи и пальцем не пошевелил, чтобы помочь страдающим.

Александр усмехнулся:

— Ну и что бы я сделал? Вездеходу, Леночка, горючее необходимо. Без горючего он ехать не хочет. А кто знает: сохранилось где еще нефтехрани-

лише? Ну проехал бы я несколько миль и все. Застрял бы и ни туда, ни обратно. Даже если цистерну с горючим за собой везти, все одно — далеко не уедешь. А продукты, которые я нашел, они не в безграничном количестве. Одному мне их хватило надолго и еще хватит на какое-то время, а если бы все набросились, за несколько месяцев умели бы подчистую. И кому от этого хорошо? Да вдобавок из-за трех скафандров и куска ветчины передрались бы все, перебили друг друга, на враждующие группы разделились бы. А так, без всего этого, сплоченные одной бедой, дружно живете, придумываете способ за способом, чтобы и дальше жить, и впредь. Так что не горячись. Я все предусмотрел. Но в одном ты безусловно права. Да, я эгоист. Я всегда любил хорошо и вкусно поесть. Жить в красивой и уютной обстановке. Не стеснять себя за счет других в чем-либо, но и не мешать никому. У всех, между прочим, тоже есть аналогичное право. А я никому не мешал и не мешаю. Зла я не совершил. И потом, в конце концов, я заслужил условия, в которых живу. Я все предусмотрел. Я, может быть, единственный человек на земле, предугадавший ход событий. Так разве не полагается мне награда за это? И кто мне ее вручит, если не я сам? К тому же, милая, все это досталось и достается мне собственным трудом и трудом немалым. В моей позиции, безусловно, есть и слабые стороны, но в целом она справедлива. И не дуй свои губки, тебе не идет.

Лена молчала. Все это надо было как следует обдумать.

Вездеход стремительно и довольно плавно скользил по серому снегу, разрезая его, как нож масло; цель была все ближе и ближе.

IV

Уже отчетливо видны были громадные серые резервуары с бесценной черной жидкостью, извлеченной некогда из недр земли трудолюбивыми самоубийцами, забывшими, что сила, созданная ими, их же и уничтожит; уже можно было разглядеть сплетение толстенных труб, опутавших гигантские баки, как питон свою жертву; уже ничто вокруг не волновало Лену, кроме приближающегося колосса, отчего она нетерпеливо приподнялась на сиденье и Александр увеличил скорость, когда большая черная тень, метнувшись из-за сугроба, глухо ударила в капот вездехода, забрызгав красными звездами лобовое стекло.

Александр резко затормозил, машину развернуло, и Лену отбросило на дверь. К счастью, все обошлось, если не считать ушибленного плеча.

— Что это? — с ужасом прошептала Лена.

— Сейчас разберемся, — смущенно закашлялся Александр. Такого с ним еще не случалось.

Метрах в семи от вездехода валялось окровавленное серенькое животное, довольно крупное, с длинными ушами и еще более длинными задними лапами, вывернутыми от удара в разные стороны.

— Да это же заяц, — удивленно сказал Александр, — настоящий заяц, только раз в пять больше тех, что водились в этих местах раньше.

— Он, может быть, еще жив. — Лена повернулась к двери и попыталась открыть ее.

Александр бесцеремонно дернул Лену за плечо, откинув на спинку сиденья, и больно сжал хрупкое запястье девушки.

— Ты с ума сошла! Ты уверена...

В это мгновение из-за сугроба показалась мощная фигура животного с красными и черными полосами поперек гибкого туловища. Пасть его была оскалена. Самое жуткое впечатление производили громадные белые клыки, не меньше полуметра, свисающие вниз, и горящие глаза, круглые, навывкате, в которых пылала такая ярость, что Лена и Александр следили за происходящим, абсолютно онемев, в каком-то гипнозе, зачарованные этим полосатым кошмаром.

Зверь не спеша подошел к неподвижной тушке зайца и на всякий случай резко ударил по ней когтистой лапой.

Вздыход его не интересовал.

Через минуту на сером снегу осталось только алое пятно, а насытившаяся тварь глухо рыкнула в тусклое небо и одним гигантским прыжком скрылась за ближайшим сугробом.

— Это тигр, — констатировал Александр, — представляешь, что стало бы с твоим сердечком, если бы ты вышла?

Лена поперхнулась. Ее тошнило.

— Ладно, ладно, успокойся. Все кончилось, — гладил ее по голове Александр, все еще глядя в сторону исчезнувшего хищника.

Лена пришла в себя:

— Только не говори, пожалуйста, это свое "я все предусмотрел".

— Я и не говорю, — улыбнулся Александр, — но ведь и на этот раз...

— Да, да! — оборвала Лена. — Если бы не ты, со мной бы ничего не было, вернее, меня бы не было, то есть...

Ее опять затошнило.

Александр задумался, продолжая механически поглаживать каштановые волосы девушки.

— Ты знаешь, — вдруг заметил он, — а ведь эти клыки ему нужны скорее всего, чтобы раскапывать снег и долбить лед. Обеспечить себя пищей он мог бы и без них. Силища-то какая! И красив, гад. А прыжок какой? Метров на тридцать, не меньше. Раньше таких не было. Мутант, видимо. Все-таки, как жизнестойка природа. Ко всему приспосаблиется. А заяц? Ты заметила, какие у него задние ноги? Я вот только не понял, что на них: сросшиеся когти или костяные наросты наподобие копыт.

— Не знаю, — ответила Лена, — поедем отсюда.

Александр развернул вздоход, и, плавно набирая скорость, машина вновь помчалась в направлении нефтехранилища.

V

— Хорош бочоночек! — Лена стучала по стенке резервуара, задрав голову, насколько это было возможно сделать в скафандре. — Какие грандиозные штуки все-таки умели делать в прошлом, с ума сойти!

— То ли еще будет, — пропел Александр, подгоняя небольшую цистерну к стоковому отверстию. — Вот поедем в город, там покруче. Это тебе не

картинки в книжках разглядывать. Один небоскреб чего стоит! Раз в десять повыше, чем эта консервная банка.

Он подсоединил шланг к цистерне и, поднатужившись, открыл вентиль. В цистерне загудело.

Лена, не переставая вертеть головой в разные стороны, размахивала руками и, восхищаясь увиденным, без устали несла что-то оптимистичное, когда над головой у нее раздалась не то барабанная дробь, не то звук, сопровождающий падение сухих горошин на деревянный пол, и на металлической поверхности резервуара появилась цепочка аккуратных круглых вмятин.

— Назад! — крикнул Александр. — Быстро в машину!

Ничего не понимающая Лена долго не могла открыть дверь, толкая ее от испуга в обратном направлении.

Александр открыл дверь изнутри и, втащив Лену, шумно выдохнул:

— Обошлось.

Из-за соседнего резервуара выступила группа голых людей, человек двадцать, с автоматами. Они размахивали руками, показывая на вездеход, и что-то решали, видимо, продолжить обстрел или нет.

— Сейчас мы им покажем, — сказал Александр, доставая из-за сиденья ручной пулемет.

Приспустив боковое стекло, он прицелился и нажал на гашетку. Несколько человек упали. По вездеходу застучала мелкая, частая дробь.

Александр дал вторую очередь, и, оставив на земле еще несколько раненых, обнаженные фигуры спрятались за резервуар.

— Наверно цистерна уже наполнилась, — вспомнил Александр, — надо закрыть вентиль, отсоединить шланг и мотать отсюда, пока эти придурки не появятся снова.

Он вылез из вездехода и, закинув на спину пулемет, сделал несколько шагов по направлению к цистерне.

В этот момент появившиеся вновь мутанты дали залп в его сторону, и с десяток маленьких черных фонтанчиков хлынули из пробитого шланга.

— Ах, вы сволочи, — пробормотал Александр, — такую вещь нужную попортили.

Он привстал на колено и, не обращая внимания на стучащие по скафандру пули, тремя очередями уложил противника в снег.

— Ага! — Александр удовлетворенно потер руками. — Получили! Не фиг лезть куда не надо. Еще сунетесь — еще получите.

Но в это мгновение из-за резервуара показалось что-то странное, какая-то бесформенная тележка с зеленоватой трубой, торчащей из-под нагромождения железных плит.

Труба неуклюже развернулась в направлении Александра и плюнула длинной огненной лентой.

— Кретины! — проорал Александр; в два прыжка достиг вездехода и, не закрыв дверь, с места дал полный газ.

Машина с ревом дернулась и, сбив решетку ограды, понеслась напрямик, не разбирая дороги.

— Что это? — кричала Лена.

— Огнемет! Огнемет где-то нашли, идиоты! — отвечал Александр, подпрыгивая на сиденье и выжимая из охрипшего двигателя все его потенциальные силы.

Через заднее стекло вездехода Лена видела, как огненная лента, попавшая в лужу, вытекающую из пробитого шланга, побежала вверх, превратилась в бушующий рыжий столб с черной дымной шевелюрой, а затем...

Мощный взрыв содрогнул воздух, и все небо за вездеходом окрасилось в алые, багровые и черные тона. Клубы огня и дыма переворачивались, расширялись, падали, взлетали, сталкивались и отскакивали в разные стороны, чтобы вновь сойтись и продолжить свой дьявольский, все уничтожающий танец.

К счастью, машина находилась уже на приличном расстоянии, и опасаться было нечего.

Александр заглушил двигатель и молчаливо уставился на это бешеное торжество получившего свободу огня.

Оглушительно рванул второй резервуар, за ним третий, четвертый. Земля гудела. По серым сугробам пробегали розовые тени, почти все небо заволело черными тучами дыма, которые разносил гуляющий и радующийся неожиданному развлечению атмосферный ветер.

VI

Сколько времени провели они, наблюдая это страшное и одновременно восхитительное, чарующее зрелище, ни Александр, ни Лена точно сказать не могли.

На обратном пути они подавленно молчали, думая каждый о своем, по-разному переживая случившееся.

Лена первая нарушила тишину:

— Ну вот и все... Скоро тебе придется переселяться к нам... Ничего... Биомасса, между прочим, довольно вкусная, а в скором времени еще чего-нибудь придумают, — успокаивала она Александра, который слушал ее болтовню, внимательно всматриваясь в дорогу.

Начинало темнеть, и сбиться с пути можно было без особого труда.

Вернувшись в бункер, Александр принял душ, сварил кофе и, благодушно развалившись в кресле, покуривая сигару, с умилением разглядывал Лену, явно переживающую последствие нервного шока, оживленно жестикулирующую, возбужденно рассказывающую ему о прелестях жизни в колонии, куда теперь они вынуждены будут вдвоем отправиться по причине уничтожения горячего, без которого вся эта райская обстановка в скором времени превратится в мертвый холодильник.

Скоро ему это надоело.

— Лена, — оборвал он, — ты не устала?

— Что не устала? — уставилась на него девушка, удивленная насмешливым выражением лица Александра.

— Не устала чушь молоть?

Лена задыхнулась от возмущения:

— Ну и нахал же ты! Я его успокаиваю, а он издевается.

Александр блаженно затаился, пустил кольцо дыма и медленно, как будто все это ему жутко скучно, произнес:

— Успокойся, дитя светлое. Я все предусмотрел. Нефтехранилище — не единственный источник энергии. Во-первых, предполагая какое-нибудь происшествие с этими дурацкими резервуарами, я сделал приличный запас нефти здесь неподалеку, НЗ так называемый, которого хватит еще на несколько лет, а во-вторых, за городом покоится целая гора каменного угля. Конечно, на угле вездеход не пойдет, но для этого нефть есть, а вот в качестве пищи для моего универсального генератора уголек — самое то. Так что пока ничего не изменится.

Он довольно рассмеялся. Впечатление было произведено сногсшибательное. Лена от огорчения закурила, закашлялась и, сказав только:

— Скотина ты все-таки. Я так волновалась, так старалась... — ушла в гимнастический бункер и, завалившись на желтый с зелеными кружками мат, заплакала.

Выплакавшись как следует, она попрыгала на мини-батуте, подтянулась на перекладине, упала, сказала перекладине все, что она о ней думает, и отправилась в ванную комнату.

VII

До двух часов ночи они смотрели телевизор.

У Александра был приличный запас пленок, а видеомэгнитофон, сделанный больше двадцати лет назад, работал так же исправно, как и после рождения.

— Да, — выдохнула Лена, — жили же люди. Будет ли еще когда-нибудь такая жизнь?

— Будет.

— Интересно знать, когда?

— Абсолютно неинтересно. Мы этого не увидим, и как там будет через сто тысяч лет, меня мало волнует.

— И все-таки. Саша, ну представь, пожалуйста, что жизнь наша длинная-длинная и мы год за годом, тысячелетие за тысячелетием наблюдаем происходящее, сначала сидя в этом бункере, а потом... Ну я очень тебя прошу.

Александр на мгновение задумался.

— А что? В этом что-то есть. По крайней мере любопытно. Значит, хочешь мою версию на будущее? Ну что ж, тогда слушай.

Он налил рюмочку коньяка, нагрел ее в ладони и с удовольствием выпил.

— Скорей всего, — начал он, — со временем радиация самоликвидируется, атмосфера восстановится, и солнце будет светить так же ярко и греть так же сильно, как это было до катастрофы.

Снега, этак через 30-50 тысяч лет, растают, на земле снова появится растительность, и людям незачем будет жить в подземельях. Но люди изменятся и далеко не в лучшую сторону. Мутации затронут всех, пусть не в такой степени, как этих голых скотов, сгоревших вместе с нефтехранилищем, но тем не менее. Поколение из поколения возьмут и увеличат в себе признаки, выработанные жизнью под землей. То, что произошло, и дальнейшая жизнь не смогут не вызвать со временем деградации человека. Интеллектуальный

уровень его снизится чрезвычайно. А когда появится возможность выйти на поверхность, он будет еще меньше.

— Почему? — спросила Лена.

— Потому что на первое место по степени важности выйдет выращивание растений, охота и приручение диких животных. На это будет уходить все свободное время.

Одна защита от хищников, вроде сегодняшнего тигра, отнимет у части населения массу энергии.

— А оружие? Ты забыл про оружие: автоматы, пулеметы. — напомнила Лена.

— Какое оружие? К тому времени оно проржавеет и разрушится, если не на атомы, то на молекулы по крайней мере. Да и за тысячи лет люди, за ненужностью, забудут, что это вообще такое. Какой-нибудь новоявленный гений изобретет топор или копье и получит в награду за это берцовую кость мамонта.

И вообще, в процессе жизни, сначала под землей, а потом и на земле, все достижения цивилизации сперва превратятся в предания, затем в сказки и наконец забудутся, забудутся совсем.

— А потом?

— А потом людям придется заново постигать мир, строить хижин, писать на коре деревьев первые книги, воевать друг с другом из-за красивых женщин и богатого зверьем леса.

— Ты уверен, Саша, что все разрушится? Прямо все-все?

— Почти все. Время не жалеет ничего. Камень превратится в песок, железо в руду. Дожди размоют, земля засыпет, перегной из растущих и умирающих растений покроет останки многометровыми слоями. И даже если что-нибудь чудом сохранится, то будущий археолог, откопав это что-нибудь, один хрен, не догадается, от чего оно и для каких надобностей предназначалось.

— Что же, по-твоему, они будут такими глупыми?

— Нет, не глупыми. Уровень непременно повысится в процессе постижения веков, но цивилизация-то вырастет иной. Условия развития погибшей цивилизации наверняка отличались от условий, в которые сегодня поставлены мы. А значит, и само развитие окажется не таким.

Вполне возможно, что за основу они возьмут какие-нибудь другие системы отсчета, и, хотя развитие пойдет по тем же законам, взгляд на них будет принципиально отличаться.

К примеру, найдет этот будущий археолог наш календарь и не поймет, что это за штука, потому как у нас поступательное движение дней идет сверху вниз, а у них, допустим, оно будет по concentрической системе. А скорей всего, он вообще не примет его за календарь, поскольку у них таким образом будут изображаться какие-нибудь таблицы химических элементов.

И будут они выдвигать гипотезы, спорить до хрипоты о происхождении, скажем, человека от обезьяны до тех пор, пока у них не произойдет то же, что у нас.

— А почему ты думаешь, что с ними случится то же самое?

— А почему бы и нет? С нами же произошло. Или ты думаешь, что они будут лучше: добрей, умней? Кто вообще знает, сколько раз на земле уже это

происходило? Наши ученые ни бельмеса толком не знали ни о земле, ни о космосе, ни о самом человеке. Как будто какой-то барьер был поставлен: вот до этого места все знаем, а дальше, как туман. Может быть, это тоже следствие каких-то мутаций, происшедших на ранней стадии развития нашей цивилизации после аналогичной катастрофы, если она была, конечно? Кто это знает?.. Да и неинтересно уже мне это. Плевать я хотел, было это или не было. Вот сказал я тебе, что меня будущее не интересует. Сказал и соврал. Только оно меня и волнует. Прошлого нет. Настоящее скучно. А будущее, будущее...

И причем интереснее всего именно вот этот самый вопросик: сколько раз еще будет погибать и возрождаться из пепла человечество? Когда оно сможет уничтожить в себе зверя? Когда оно, наконец, научится не бояться самого себя?

Александр возмущенно треснул ребром ладони по ручке кресла:

— Кретины! Все кретины! Неужели нельзя жить так, чтобы не причинять вреда живущим рядом с тобой? Плевать на моральный. Физического не причиний! Тогда и бояться нечего. Тогда и оружие ни к чему. А когда страх побежден будет, тогда и в башке все перевернется, новые углы освободятся для того, чтобы заполниться новым содержанием.

Нет, Лена, когда-нибудь так обязательно будет. И космос понятным станет, и сам человек, и многие процессы, происходящие внутри и вокруг. Но это все нас уже не коснется, это все случится не сейчас. А сейчас, милая, пошли-ка спать. Время позднее. Завтра в город смотреть надо, за продуктами. Спать, спать!

VIII

Утром, надев скафандры, они вышли на поверхность. Солнце светило по-прежнему тускло, и серый снег поскрипывал под ногами.

Александр обернулся к Лене:

— Сегодня вездеход поведешь ты.

— Почему? Я же не умею, — удивилась Лена.

— Научишься, — невозмутимо ответил Александр, — еще пригодится. Мало ли что может случиться?

— Ты стал мнительным, Саша, — улыбнулась Лена, — а как же твоё знаменитое "я все предусмотрел"?

— Одно не противоречит другому. Скорее наоборот. Взрыв нефтехранилища дал хорошую пищу для размышлений. Если бы пламя огнемёта сразу попало на продырявленный шланг, мы бы с тобой вряд ли сейчас шли по этой тропинке.

Двери вездехода захлопнулись. И Лена, совершив ряд несложных движений, радостно закричала:

— Поехали! Поехали!

— А теперь вот так, плавнее, плавнее старайся, — учил Александр, — не надо рвать, ты не бутылку открываешь. Машина, она ласку любит.

Однообразный пейзаж сменялся однообразным пейзажем, влево и вправо волнами расходились неподвижные в безветрие снежные барханы, изредка

то там, то тут вырастали обглоданные, разной величины и формы бетонные столбы. Когда-то здесь пролегалo шоссе, связывающее город с аэропортом.

Вскоре показался и сам город, а вернее то, что Александр в силу привычки называл городом.

Сначала Лена увидела впереди черную, невысокую и довольно длинную гору с тремя вершинами. Постепенно гора превратилась в сотни разрушенных зданий, среди которых торчали останки трех небоскребов, монументально возвышающихся над развалинами.

— Теперь поведу я, — сказал Александр, и они поменялись местами.

Вездеход въехал в город и, продвигаясь по вздувшимся и засыпанным снегом мостовым, лавировал между обломками строений, периодически преграждающими путь.

Мертвыми пустыми глазницами смотрели на Лену сохранившиеся кое-где стены. Унылое, мрачное чувство вызывали бездонные дверные проломы, занесенные снегом.

Иногда, вползая на очередной сугроб, машина с хрустом проваливалась, оставляя за собой смятые останки шикарных некогда легковых автомобилей.

— Привет, Любка! — неожиданно произнес Александр и помахал кому-то рукой.

— Ты что? — удивилась Лена.

— Смотри, — сказал он, — это Любка. Мы с ней друзья. Она единственная, кто выжил в этой каменной могиле.

В разбитой, искореженной витрине бывшего магазина, на краю чудом уцелевшей пластиковой тумбы сидела стройная голубоглазая кукла с пышными локонами, в ослепительно алом сарафане. Правая рука куклы была приподнята, как будто она приветствовала неожиданных покупателей. Козырек завалившегося на витрину перекрытия предохранял куклу от снега. Она безмятежно улыбалась.

— Иногда мне кажется, — продолжил Александр, — что мы с ней вдвоем только и остались такими же, как прежде. Хотел было забрать ее, но потом подумал и оставил. Я каждый раз приезжаю сюда, а она каждый раз встречает меня. Тепло как-то становится. Пока она здесь, я жив.

— Привет, Любка! — еще раз сказал он, и машина тронулась дальше.

За два квартала от витрины с куклой Александр заглушил двигатель, перекинул через плечо ручной пулемет и, подхватив за лямки пару вместительных рюкзаков, вышел из вездехода и направился к пролому между развалинами.

Лена поспешила следом.

Войдя в треугольный пролом и засветив переносные фонари, они стали спускаться вниз по довольно хорошо сохранившейся гранитной лестнице и вскоре оказались в просторном помещении с большими металлическими шкафами, до потолка громоздящимися вдоль серых бетонных стен.

— Вот здесь и лежат продукты. — сказал Александр. — Консервация была рассчитана на пятнадцать лет, но фактически это все может лежать здесь еще столько же, без каких-либо нежелательных изменений. Впрочем, ты сама ела и, надеюсь, почувствовала, как все вкусно и свежо. А главное — радиация сюда не проникла.

В следующем помещении шкафы были чуть поменьше и стояли по всей площади, образуя замысловатые лабиринты.

Лена и Александр заполнили рюкзаки, передохнули, выпив по банке апельсинового сока, и тронулись в обратный путь.

Но мелькнувшие в свете фонарей голые фигуры и застучавшая по скафдрам барабанная дробь заставили их отступить и спрятаться за шкафами.

— Мутанты проклятые! — раздраженно воскликнула Лена. — И откуда они только берутся?

— Оттуда же, откуда и мы, — сострил Александр, вступая в перестрелку.

Сообразив, что пули не причиняют противнику никакого вреда, мутанты отступили за шкафы, оставив убитых на месте сражения.

— Вроде смылись, — осторожно произнесла Лена.

— Сейчас появятся. Они тупые, но настырные, — шепнул Александр.

— Mamochka! — воскликнула Лена. — Ты посмотри, что эти голые козлы придумали!

Голые козлы действительно проявили максимум сообразительности и, появившись в пролете, на сей раз были недосыгаемы. Перед собой они тащили массивную железную плиту, от которой пули отскакивали, как горох, щелкая по стоящим вокруг шкафам.

— Саша! — заорала Лена. — Они же сейчас нас этой штукой задавят!

— Не бойся, девочка, — успокоил Александр, — я все предусмотрел.

Он вытащил из бокового кармана скафандра какой-то неизвестный Лене предмет, дернул за торчащую из него металлическую скобку и с криком:

— Лена, ложись! — бросил штуку по дуге, так, что приземление ее произошло как раз за плитой, продвигаемой вперед довольными мутантами.

Оглушительный взрыв потряс помещение. Шкафы содрогнулись. У некоторых распахнулись дверцы, и оттуда посыпались разноцветные банки с консервами.

Плита прекратила свое поступательное движение и с грохотом рухнула на пол. Мутантов не было.

— Эта штука называется гранатой! — радостно проорал Александр оголошшей Лене. — Работает безотказно!

Лену мутило.

— Какая впечатлительная, — остывая пробурчал Александр, — ну ладно, пойдем отсюда.

— Я не пойду в ту сторону, — округлив глаза, отрезала Лена, — мне страшно.

— А я тебя в ту сторону и не приглашаю. Я все предусмотрел. Пойдем через запасной выход.

Он взвалил на плечо один из рюкзаков, подхватил второй и двинулся по лабиринту, уверенно поворачивая то вправо, то влево, пока они не оказались у небольшой двери, обитой никелированными чешуйками.

Александр опустил один мешок на пол, ухватился за ручку и дернул. Дверь не поддавалась. Выругавшись, он собрался с духом и рванул ее изо всех сил. Дверь со скрипом откатилась в сторону, открывая выход на узкую лестницу, уходящую вверх.

— Эта лестница ведет к свету, — сказал он, — от запасного выхода до вездехода еще ближе.

Они вышли. Александр решил закрыть дверь, но от резкого открытия ее заклинило и она не желала больше двигаться ни в какую сторону.

Рассвирепев на эту проклятую железяку, Александр стал дергать ее взад-вперед со словами:

— Пойдешь, дрянь такая! Пойдешь! Никуда не денешься. Дверь оказалась упрямой.

Тогда он отошел и, сконцентрировавшись, резко ударил ногой около ручки. Дверь дрогнула и сдвинулась.

Он прикрыл ее, вздохнул и, подняв брошенный рюкзак, попытался забросить его на свободное плечо.

Внезапно лицо его исказила судорога, он охнул и, выронив рюкзак, медленно осел по чешуйчатой двери на пол.

— Сашенька, что с тобой. — прошептала Лена.

— Ах ты, паскудство какое, допрыгался... — скривившись от нестерпимой боли, выдохнул Александр.

— Да что? Что?!

— Сердце...

— Сашенька, — несвязно залепетала Лена, — я сейчас сбегая, там, в вездеходе, там аптечка, я сейчас, потерпи, нитроглицерин, он поможет, подожди, я сейчас...

Переборов дьявольскую боль, Александр поднял руку:

— Не надо.

— Почему, Сашенька?

— Поздно, Лена, поздно. Не выдержал моторчик нагрузки.

Он попробовал улыбнуться, но по лицу пробежала только жутковатая гримаса.

— Иди наверх, — простонал он, — я не хочу... чтобы ты видела... как я... мучаюсь... Иди... Да иди же! — почти крикнул он.

— Я унесу тебя, мы доедем до клиники, — в трансе бормотала девушка, с надеждой глядя в лицо Александру.

— Ты смешная, — он с усилием сводил растягивающиеся непослушные губы, — а еще медик... любое движение убьет меня... впрочем... все равно... Иди... Пока мутанты не появились...

Лена сделала несколько шагов по лестнице и остановилась.

Необратимость происшедшего лишила ее сил и воли.

— Лена, — вдруг отчетливо спросил Александр, — ты, кажется, сказала вчера, что у тебя будет ребенок?

— Да, — ответила девушка.

— Лена, там в третьем бункере, в шкафу, — он замолчал на мгновение, переводя дух, — там, в шкафу есть... два комплекта для новорожденных... для мальчика и... для девочки... Я все предусмотрел...

Шатаясь, ничего не видя перед собой, Лена поднялась по лестнице, дошла до вездехода и, механически врубив двигатель, тронулась с места.

На обратном пути она заметила витрину, единственную уцелевшую в мертвом городе витрину. Когда Лена проезжала мимо нее, кукла Любка, сидящая на краю пластиковой тумбы, соскользнула вниз и, подняв свои резиновые ручки, упала лицом в рыхлый серый снег...

Эльдар РЯЗАНОВ

СМЕНА ВОЗРАСТА

Из книги стихотворений

Кинофильм — это сплав способностей многих людей разных специальностей: и сценариста, и актеров, и композитора, и оператора, и художника. И хотя главенство кинорежиссера в процессе создания ленты общепризнано, и автором фильма, как правило, называют постановщика, кинематограф, тем не менее, искусство коллективное. Может быть, именно поэтому я начал уже в зрелом возрасте сочинять стихи, ибо они выражают только мои чувства, только мои настроения, только мои ощущения.

Думаю, желание высказаться о личном, стремление поделиться заветным и толкнули меня к стихотворчеству. Стихи — ближе всего к исповеди, а именно к этому жанру тяготеет любое искусство...

Я надеюсь, читатели нового журнала "Мы" снисходительно отнесутся к моему сочинительству в рифму. А редколлегии журнала я желаю, чтобы они сделали "Мы" популярным, прогрессивным, искренним и человечным изданием, чтобы журнал завоевал десятки миллионов читателей.

С уважением

**кинорежиссер
Эльдар РЯЗАНОВ**

* * *

*"Правые" — это армия...
Души их, как мундиры.
Бесцветны они, бездарны,
но вместе — бойцы, задиры.
Комплекс неполноценности
сплачивает их в гранит.
Неправая "правая" армия
противников громит.*

*Зато на "левом", на каждом,
особая выткана метка.
"Левые" не ходят маршем,
поют на отдельных ветках,
выводят рулады,
иль странные строчки...
И их убивают поодиночке.*

Как постепенна смена возраста,
и как расплывчаты приметы.
В усталой и осенней зрелости
бушуют отголоски лета.

Но вот придвинулось предзимье...
И, утренним ледком прихвачено,
вдруг сердце на момент застынет...
А в нас еще весна дурачится.

Такая вот разноголосица,
смешные в чем-то несуразности:
и детства отзвуки доносятся,
и смерть кивает неотвязная.

Не множу я число друзей,
поменьше стало их с годами.
Пусть мало, тем они верней,
есть связь незримая меж нами.

Зато растет число врагов,
их умножать — владею даром.
Я будоражу вражью кровь
и, стало быть, живу не даром.

Бывает иногда, что средь зимы
природа вдруг являет свою милость:
морозов нет, нет вьюжной кутерьмы,
снега сошли, поникли, растворились.

И градусник показывает плюс,
нежданная теплынь стоит неделю,
и оживают мошकारа и гнус, —
мол, климат изменился в самом деле.

Боюсь я, что фальшивая весна
того и ждет, чтобы набухли почки.
Ударит холодком, коварна и страшна!
И вымрут дерева поодиночке.

Природу так не трудно обмануть,
её создания доверчивы, открыты.
Все бьет и бьет тревога в мою грудь,
что слишком слабы силы для защиты.

Нам снится, будто мы живые,
что притаились мы пока, —
живем в листах черновика,
а будут годы чистовые.

Поскольку что-то мы жуем,
нам кажется, что мы живем.
Мы даже ходим на работу
и вроде делаем чего-то.

Нам мнится, будто мы живые,
и что реальны миражи...
Но наши раны ножевые
покрыты толстым слоем лжи.

Мы вроде плачем и страдаем,
но лишь взаправду умираем.
И если оглянуться вслед,
то нас и не было, и нет.

Касса справок не дает,
фирма веников не вяжет...
Нам всего не достает,
нам всегда везде откажут.

Запрещен проезд и въезд,
все, что нужно, дефицитно.
Только кто-то что-то ест
вкусно, дешево и скрытно.

"Накось — выкуси" живем,
главное для нас — бороться!
Если ж плохо... Ясно, в том
виноваты инородцы...

Ржавые иголки на снегу...
Значит, ветер после снегопада
сдунул с елок, словно шелуху,
то, что на ветвях держалось слабо.

Мы ведь тоже держимся едва...
Пожили... порядком проржавели.
Как на карауле, дерева
ждут последней, губительной метели.

ЖДУ И ВЕРЮ

В конце 8-го класса я стала встречаться с парнем, которого любила больше себя. Я убегала к нему каждый день. Он тоже любил по-своему, по-мальчишески. Почему я пишу об этом в прошедшем времени? Уже почти год, как его нет рядом. В армии он вначале забыл меня, писал другой, ждал писем от неё. Если бы вы знали, как страшно, что ты знаешь о любимом человеке больше, чем он знает о тебе. Мы и сейчас с ним переписываемся, но он от меня очень далеко, и тоже не знает о том, что случилось за это время со мной. Не знает, что я стала близка с его братом. В письмах я разговариваю с ним как с хорошим другом. А сама жду, верю, что он вернётся ко мне и одарит меня счастьем, пусть не очень радостным, но верным и добрым. Иногда мне кажется, что жду напрасно, ничто не может в жизни возвратиться, тем более первая любовь.

Хочу сказать девчонкам, чтобы не повторяли моих ошибок. Девочки! Запомните, пока вы чисты! Вы всё успеете, не спешите только!

И ещё. Я хотела бы переписываться с "афганцем", пусть инвалидом, но человеком, понимающим меня. Мне 17 лет, характер мягкий, не пью, не курю, не прин-

имаю наркотики. Очень люблю маленьких детей, порядок, аккуратность, уют во всём.

Вы спросите, что я думаю делать дальше? Прежде всего свернуть с неверного пути, но это удастся мне только тогда, когда я встречу человека, которому буду нужна. А пока буду жить по-другому, имея цель в жизни.

Много пожеланий у меня к журналу "Мы". И самое первое, самое главное: пообширнее пишите! Не бойтесь! Пусть молодёжь узнает об отношениях полов не из уличных анекдотов и "бабских" рассказов. Пишите, не стесняясь, ведь некоторые из нас больше знают о жизни, чем любой взрослый. Пусть ваш журнал станет популярным во всём мире!

По ясной причине не могу назвать своих имени и фамилии. Извините, прошу вас, П.Б.

И МЫ НАШЛИ ВЫХОД...

Я очень застенчивый, робкий парень. И вот о чём хотелось бы вам рассказать. Мне всегда было больно, что у меня, как у других, нет подруг, приятелей. На улице молодые люди свободно общаются, обнимаются, даже целуются, а я, как всегда, в стороне. Молчаливых и застенчивых никто не замечает. Признаюсь честно, мне очень хотелось бы общения с жен-

щинами — ведь я молодой парень, что же тут зазорного?

Не знаю, что бы со мной было и что бы я дальше делал в своей одинокой жизни, если бы не одна встреча с таким же, как я, одиноким парнем. Мы поняли друг друга с первого же взгляда. Он, как и я, просто не мог видеть этих донжуанов, которые без всякого труда "снимают" девушек на любом углу. Да, мы завидовали им, и нам надо было компенсировать свою ущемлённость и наверстать упущенные годы. И мы нашли, я считаю, великолепный выход! Равнодушные — на равнодушные, жестокость — на жестокость! Ведь в нашей волчьей жизни кто силен и жесток, тот и прав. И вот мы с приятелем разыскали одного мужика, который был корифеем по части кун-фу. За то, чтобы он занимался только с нами и не тратил время на других, мы платили ему хорошие деньги. Но и тренировались, как одержимые... После работы — на тренировку, и так изо дня в день. Мы не знали усталости, вырабатывая в себе ловкость, силу, жестокость, каждый день по капельке прибавляя в мастерстве. И вот, наконец, наступил торжественный день...

Мы шли по вечерней улице, ничем не отличаясь от других ребят, крепкие, не очень высокого роста, спортивного вида парни. Подошли к подонку, обхаживающему девчонку, по виду шлюху, обматерили обоих. Кавалер,

увидев, что парни "борзеют", полез в драку. И вот тут-то началась игра "в поддавки". Мы "получали" удары, падали на землю, стонали от боли. А тот прямо-таки лез из кожи, чувствуя себя королём перед подружкой и не понимая, что для нас это просто лёгкая разминка. Поиграв ещё так немного, мы взялись за него как следует. Пересчитали все до единого ребра. Может, при этом и почки отбили, не знаю. А потом по-хорошему поговорили с девушкой, сказали, чтобы не занималась развратом, а вела себя скромно. Женщина — ведь это чудо земное!

Такую же сцену мы проигрывали потом много, много раз. И с каждым разом всё больше крепло в нас желание мести и справедливости. Немало поклонников женских прелестей мы сделали полунвалидами. Не было недели, чтобы наш "патруль справедливости" не выходил на улицы города.

Как-то на дискотеке я увидел, как парень ударил свою девку. Я подошёл поближе, парень упал, никто даже не заметил, что я с ним сделал. Но он-то видел... Когда мы вышли на улицу, нас уже поджидали с десятка его друзей. Пошли в соседний парк большой компанией, а вернулись вдвоём — я и мой друг. Мы шли и говорили друг другу слова благодарности за то, что выполнили

ОТКРОВЕННО ГОВОРИМ

свой долг до конца. Ненавижу тех, кто женщину не считает за человека! Наш тандем, я считаю, делает доброе дело, защищая девушек и женщин от скотов всех мастей.

Славик.

...В НАПАДЕНИИ? ИЛИ В ЗАЩИТЕ?

Письмо Славика не кончается вопросом к редакции. Вроде и отвечать незачем. Зачем же, однако, оно написано? Видимо, автору очень хотелось получить одобрение своих действий. Вот, мол, какие мы смелые и хорошие! "Наш тандем, я считаю, делает доброе дело, защищая девушек и женщин от скотов всех мастей". Но вдумаясь, так ли это? Защищает ли? Разве — не нападает первым?

На танцах "парень ударил свою девку" (словцо-то какое! Уважительно ли говорить так о девушках и женщинах, которых берётся защитить "патруль справедливости"?), Славик бьёт хулигана. Возникает драка, из которой победителями выходят, естественно, профессионалы. Ну, ладно, этот эпизод — ещё куда ни шло... Всё-таки доказали, что нельзя обижать девушку. А вот когда речь идёт об игре в кошки-мышки с "подонком, обхаживающим девчонку, но по виду шлюху", — тут уже дело иное.

Что значит по виду шлюха? Может, она лишь показалась тебе девицей лёгкого поведения, а на самом деле — самая что ни на есть застенчивая и робкая? Страдая от этого, она решила одеться по-вульгарней, чтобы и к ней "приставали" мальчишки?.. И в тот самый момент, когда, преодолев свой комплекс, она приблизилась к своему "подонку", появляются два храбрых рыцаря, спешащих вступить за честь, на которую никто пока не покушался!

А вот ещё интересный вопрос: просила ли она двоих незнакомцев вступить за неё или те влезли в её дела самовольно? И стала ли она счастливее от их вмешательства?

Однако всё это разговор, скользкий по поверхности. Справедливо или не справедливо — кто теперь разберёт? Хуже другое. Двое молодых, сильных людей, получивших специальную спортивную подготовку, систематически калечат юных парней — что это как не уголовщина и самосуд? Мало того, оба друга получают от своих "подвигов" нескрываемое наслаждение. Вчитываешься в письмо и видишь, что перед тобой далеко не робкие и застенчивые парни, какими они себя представляют, а обыкновенные преступники. Чем же тут гордиться-то? Тем, что сознательно воспитывали в себе жестокость? Что научились бить и не чувствовать чужой боли? Что не

сут свое "добро" в мир сильными и грубыми кулаками?

Всё это, Славик, уже было. И заслужило всеобщую ненависть, получив имя фашизма. Неужто и ты хочешь топтать с автоматом по дорогам мира, распевая марши и насилюя девушек и женщин, о которых ты так печёшься?

Впрочем, не хочу тебя учить. Как сказал поэт Александр Аронов, "думайте сами, решайте сами..." Моё дело — напомнить о том, что человек должен оставаться человеком даже в очень сложных, тупиковых, порой страшных обстоятельствах. А по волеизъявлению закона пусть живут волки. Это их жизнь.

Игорь.

P.S. Кстати, нам всем неплохо бы кое-чему поучиться у волков. Они дерутся из-за самки — это да, но убивают — для еды. И никто из них не воспитывает в себе жестокость, не вмешивается в любовные игры своих товарищей и подруг.

ВЫ НАМ ПИСАЛИ,

пишите — мы этому рады. Трудно кричать "ау" в пространство, не зная, слышно ли твой голос и кто тебя слышит. Знакомство с читателем, как воздух, необходимо

журналисту. Он узнает своих единомышленников и оппонентов, разговор становится конкретной, интересней.

Правда, в письмах немало законных упреков в наш адрес — на дворе буйствовало лето, а первого номера "Мы", который должен был скользнуть в почтовый ящик морозным январем, все не было. Можно рассказать в ответ весьма драматическую историю об объективных обстоятельствах, непредвиденных препятствиях и невиновности редакции, но приходится лишь извиниться, потому что читатель в любом случае прав: он должен получать журнал вовремя. И мы постараемся сделать все зависящее от нас, чтобы впредь так и было.

Тех, кто написал нам о своих трудностях (первой любви, оказавшейся "мукой", "проклятой застенчивости", мешающей построить отношения с окружающими так, как хочется, и проявить себя, о собственном "приспособленчестве", которое "самому противно"...), в надежде получить совет, поддержку, мы благодарим за доверие и постараемся его оправдать. Пользуясь случаем, хотим сказать читателям: личные проблемы — проблемы в масштабе одного "я", не считаем менее важными, чем проблемы вселенские, и готовы откровенно обсуждать все, что вас волнует.

ОТКРОВЕННО ГОВОРИМ

Содержание "Мы" редакция и читатели должны определять вместе, это исходит из самого названия журнала.

Политика, место и роль в обществе, выбор профессии, духовная жизнь, мир чувств... В этой необъятности бытия нам нужно выйти на самые волнующие темы и найти нужный тембр нашего разговора.

Должны сразу заметить, не каждый адресат получит от нас письмо в конверте, но это вовсе не значит, что тот или иной его вопрос останется без ответа. Он прочтет его на страницах журнала, адресованный сразу многим и, конечно, ему лично.

Но, не умолчим, на некоторые письма, к сожалению, отвечать совсем не хочется. И не будем! Судите сами, как бы вы поступили в таком, например, случае: "Дорогая редакция! Мы поспорили с ребятами: Монна Лиза Джаиконда (орфографию автора сохраняем. — "Мы") с ребенком или без. Марина, она все знает, сказала, что Монна Лиза с ребенком, а Джаиконда без. Все ребята согласились, а я засомневалась — разве это две разные женщины?"

Не беремся попрекать пятнадцатилетнюю корреспондентку уровнем образованности, но уж, коли проснулась похвальная любознательность, могла бы и сама заглянуть в энциклопедию, тем паче, что живет в культурном городе Орле, где, по нашим сведениям, имеются библиотеки — и хорошие! — в которых можно най-

ти книги о Высоком Возрождении, Леонардо да Винчи и его шедевре — портрете Моны Лизы, так называемой Джоконды.

Предоставим нашим корреспондентам самостоятельно решать и подобные вопросы: "Куда мне лучше идти — в театральное училище или в торговое? В первое очень хочется, а во второе проще попасть. Как скажете, так и будет". Тут одно только и скажешь: надо бы уже быть посерьезнее. А вообще-то актерские данные не помешают и в профессии продавца. Представляете, если бы каждый продавец попробовал сыграть роль доброжелательного, предупредительного чело-века, насколько бы приятней стала наша жизнь даже при пустых полках.

На просьбы сообщить ("срочно") адрес Аллы Пугачевой, Юры Шатунова тоже ответа не будет. Они не давали нам своих домашних адресов, а выяснять их мы считаем нескромным.

**ИТАК, ВЫ НАМ ПИСАЛИ...
ВСЕГДА ЖДЕМ
ВАШИХ ПИСЕМ.**

Валерий АЛЕКСЕЕВ

ПАРОВОЗ ИЗ ГОНКОНГА

ПОВЕСТЬ

15

В ту ночь ни с того, ни с сего ему приснилась Аниканова Валентина – в такой ужасной близости, что он проснулся в холодном поту. Сестренка спала рядом с ним под пологом, приоткрывши рот и беззвучно дыша, на соседней кровати бурно храпел отец. Дверь в предбанник была открыта, там горел пристроенный на холодильнике ночник, мама Люда в длинной белой рубаше стояла возле тумбочки и, сердясь, открывала банку консервов. Ах да, подумал Андрей, прислушиваясь к биению собственного сердца, мы же идем за мясом...

Короткий сон с Валентиной был страшен, как бред, но еще страшнее было мучительное желание его вернуть. Почему-то эта женщина была вся обрызгана водой, то ли после купанья, то ли с дождя, мокрый сарафан облепил ее плечи и грудь, она звонко смеялась и лопотала непонятное, насчет того, что Гонконг прислал инвойс и что надо срочно, немедленно, сейчас же что-то делать. "Ну? Ну, что же ты? Ну?" – все теснее прижимаясь к нему, говорила Валентина, а он был в панике, потому что понятия не имел, что от него требуется, и совсем ему не нужна была эта тетка, хвастливая, возбужденная, с бесстыжими остекленелыми глазами. И при чем тут Гонконг? Уж лучше бы ему приснилась тогда Кареглазка... Но Кареглазка упорно не желала сниться, берегла себя для кого-то другого...

Мама Люда заглянула в комнату.

– Сыночек, – прошептала она, – рано еще, поспал бы!

– Нет уж, дорогая, – буркнул Андрей, привычно удивившись, когда же сама она просыпается. – Вода идет?

Окончание. Начало в №№ 1, 2, 1990 г.

– Идет, идет, миленький, только что пошла! Душ можно принять, лет-
ненький! – "Летней" мама Люда называла воду комнатной температуры. –
Ступай, головку помой.

Эндрю Флейм так и сделал. Стало хорошо. Съев без хлеба банку шпротов
и запив ее стаканом кипяченой воды, он надел красную безрукавку, которую
давно мечтал обновить, обулся в кеды, потопал ногами и сказал:

– Самое то.

Поднялся отец, молча позавтракали, спустились в тускло освещенный
вестибюль. "Пещера царя Соломона" была темна и пуста, только в кресле
под аркой дремал босой дежурный, фирменная фуражка с золотым околы-
шем сползла сму козырьком на нос. Засылав шагн, он встрепенулсн, дико
поглядел на постояльцев, потом, опомнившись, вскочил и побежал к дверям
вынимать металлический засов.

Была еще ночь, теплая и прозрачно-коричневая, как спитой чай. Звезды
сияли в светлеющем небе, ковш Большой Медведицы, странно опрокинутый,
как бы выливал из себя теплынь, и череда палым на набережной похожа была
на вереницу худых печальных беженцев, которые бредут невесть куда, на-
клонившись вперед, трудно переступая тонкими темными ногами, и впло-
голоса переговариваются на лопочущем языке: "Кто мы такие? Зачем мы
сюда попали? Куда мы идем?" Ощущение бессмысленности происходящего
было настолько неприятным, что по спине у мальчика пробежала дрожь.

– Может, за джемпером вернуться? – спросил отец.

– Да что ты, тепло, – с преувеличенной бодростью ответил Андрей.

И они зашагали по темным пустым кварталам, зорко поглядывая под
ноги, чтобы не споткнуться о выпирающий из земли корень акации или о
приподнявшуюся тротуарную плиту. Совершенно неожиданно, даже не раз-
мышляя об этом, Андрей понял, как его делают, этот плиточный тротуар,
и отчего он такой взгорбленный и неровный. Просто укладывается ровным
слоем бетон – и по сырому расчерчивается на квадраты. Почва здесь буйная,
насыщенная семенами и корнями, где пробивается новое растение – там
бетонная плитка обламывается и приподымается, как квадратный люк. Эта
догадка очень его обрадовала – может быть, как свидетельство разумности
окружающего мира.

– Жалко, – сказал он, подлаживаясь под длинный шаг отца, – жалко, что
Матвеев твой начальник. Такая дрянь человек.

Имя недруга он произнес специально – и с жестоким любопытством по-
смотрел при этом на отца. Но лицо отца было спокойным и ясным: он шел
и наслаждался прохладой и тишиной. Этому, кстати, у него следовало поу-
читься: никогда не спешить с ответом, даже если ответ уже на языке. А может
быть, не "даже если", а "особенно если". Готовый ответ нехорош уже тем,
что он готов.

– Ты не должен так говорить, – сказал после долгой паузы отец. – Это
взрослый человек, кандидат наук, мой коллега, в конце концов. И, оскорбляя
его, ты задеваешь также и меня. Кроме того, ты принципиально не прав. Если
исходить из допущения, что хороший человек – это тот, кто не причинил нам
зла, тогда в этом мире слишком много хороших людей.

– В том числе и диктатор Стресснер, – снисходительно поддакнул Андрей.

– Я понимаю.

– Понимаешь, а спрашиваешь, – укоризненно сказал отец. – Хороших людей на свете мало, на них охота идет постоянная, их травят и отстреливают, как пушных зверей. Все беззакония и войны затеваются именно для истребления хороших людей.

Как ясно говорил отец! Речь его была чиста и печальна. Андрей даже сбился с шага и вопросительно на него посмотрел.

– А ты? – спросил он.

Похоже, этот немудрый вопрос слугнул летевшего над ними тихого ангела. Отец вдруг озаботился, потускнел лицом, и ответ его был привычно невнятным.

– Сам к поврежденным нравам с излившейся быв поврежден. Тем и упасся.

Некоторое время они шли молча, шагая в гору, и все светлело. Воздух вился вокруг них длинными цветными шарфами.

– Надобно еще учесть, – продолжал отец, – что здесь особенные собралась. Флуктуации своего рода.

– А что это такое? – спросил Андрей, зная заранее, что ответ отца никакой ясности не внесет.

– Отклонение от средних значений, – объяснил отец, – вызванное, допустим, сбоем параметров...

Очень трогательно было это "допустим": студенты от таких объяснений должны были звереть.

– Смотрим друг на друга, как будто мыла наелись, – отец тихонько засмеялся. – Тертые, вываренные, всем угодные. Иначе как подслужами почтения не смогли приобрести. Каждый таков – и другим ту же цену назначает.

Отец говорил без обиды и ожесточения, со спокойной привычной горечью, даже как будто бы этой горечью упиваясь. И сколько ни вслушивался Андрей, нарочитых "княжих" интонаций в голосе отца он не улавливал.

– Да, но это рядовые, – сказал после паузы Андрей. – Есть же головной вагон, в конце концов.

– А головной вагон идет в ту же сторону, – ответил отец, и Андрей, пораженный простотою этих слов, не нашел, что возразить.

Небо было совсем уже голубым, когда они услышали издали шум толпы. Широкий проспект в этом месте перекачивался с горки на горку, и сверху видно было гигантский пустырь в низине, заполненный тысячами местных людей. Тюрины знали, что будет очередь, но увидеть такое – не ожидали. Это было как озеро темной запекшейся крови. По мере приближения толпа стала зерниться, рассыпаться на фрагменты. Темнокожие люди сидели на ступеньках окрестных домов, на бровке тротуара, женщины лежали ничком на траве, накрывшись цветастыми простынями, кормили грудью детей, судачили. Дети постарше бегали друг за другом, играя в пятнашки, маленькие дремали. Над толпой стоял веселый ярмарочный гомон. Самые нетерпеливые, разбившись на десятки и обхватив друг друга сзади за плечи, со смехом, прибаутками и песнями приплясывали, чтобы согреться и скоротать время. Эти фаланги, мельтешащие по всему пустырю, делали сцену похожей то ли на каплю воды под микроскопом, то ли на живую схему сражения.

Двери магазина были забраны раздвижной решеткой. Там, внутри, уже маячили мясники в белых кителях и поварских колпаках, они развешивали на крюках разодранные кровавые туши. За ними зорко присматривал хозяин – тучный седой мужчина в серебристом дакроновом костюме, больше похожий на президента республики, чем на владельца мясной лавки.

У дверей с карабином наперевес стоял солдатик в долгополой суконной шинели, на голове у него была шапка с опущенными наушниками, а ноги босы, и в носу у солдатика хлюпало: видимо, утро для него было очень холодное. В стороне у решетки особняком стояли пятеро европейцев, и среди них – Савельев, тот самый, задавший отцу вопрос о цели командировки.

Савельев поздоровался с Тюриным дружелюбно: общие заботы сближают. Он объяснил, что для иноземцев устанавливается особая очередь: их отоваривают по одному через десяток местных.

– Пройдете шестьдесят шестым и семьдесят седьмым, – сказал он. – Раньше надо было вставать.

– Па, а школа? – с беспокойством спросил Андрей. – Я с Элиной договорился, она придет к девяти.

Отец виновато развел руками.

– О школе надо было раньше думать, в Союзе, – холодно сказал Савельев, и очки его зеркально блеснули. – И вообще, как это у вас получилось, что приехали вы всей семьей, да со старшеклассником-сыном, да в обход ленинградцев? И холодильник большой привезли. Как будто идете вне конкурса.

Иван Петрович заморгал глазами. Такой прокурорской атаки он не ожидал. А Андрей вдруг почувствовал странную радость – и не сразу сообщил, что слова сказаны, а он не покраснел. Значит, все-таки отпустило?

Он раскрыл было рот, чтобы достойно ответить, но в это время сзади крикнул клаксон, он обернулся и понял, что рано торжествовал победу над собою.

Сквозь толпу, нещадно рыча и напирая на людей бампером, медленно, рычаками, как трактор, двигалась автомашина с брезентовым тентом. Даже еще не осознав, что это "субару", Андрей начал неудержимо краснеть. В затылке у него что-то лопнуло, и горячие пятна стали медленно проступать на лице, надвигаясь из-за ушей.

Возле самой решетки машина остановилась, из кабины вышла Тамара, она была в ярко-зеленой рубашке, по-разбойничьи подпоясанной черным кушаком, и в черных узких брючках. Скользя подслеповатым взглядом по группе европейцев и никого, видимо, не признав, она отодвинула решетку и вошла в магазин. Хозяин, почтительно кланяясь, вышел к ней из-за кассы.

– Вот, обратите внимание на эту бабенку, – сказал Савельев. – Русская, между прочим. Невозвращенка. Вертится вокруг наших, как муха, все знакомства пытается завязать...

"Да что ж такое? – тоскливо думал Андрей, отворачиваясь от него. – Заразные мы? Проклятые? Почему к нам все липнет? Не надо, не надо, пожалуйста, не надо, чтоб она нас замечала..."

Но некого просить единственному в мире: ни у кого к нему нет жалости. Разговаривая с хозяином, Тамара надела очки, посмотрела сквозь стекло –

и седые, щеточкой, брови ее поползли вверх. Она вопросительно улыбнулась Андрею и показала своей сухонькой ручкой, что сейчас, через минуту выйдет. Делать вид, что он не видит человека, который ему улыбается, Андрей еще не умел.

– Хорошо, – пробормотал он, кивая, – да, да, хорошо.

– По Союзу знакомы? – поинтересовался Савельев. – Или здесь записались?

– Здесь познакомились, – буркнул Андрей.

– Нич-чего себе... – протянул Савельев и, ловко достав из нагрудного кармана одну сигарету (в точности, как Бородин), отодвинулся в сторону.

– Что я вижу! – воскликнула Тамара, появляясь в дверях. – Андрюша, Иван! Чем вы тут занимаетесь?

– Да вот, мясо австралийское... – улыбаясь застенчиво, как девочка, проговорил отец. – Проходили мимо, видим – дают...

– Хорошенькое "проходили мимо"! – засмеялась Тамара. – В такую-то рань! Кстати, мясо не австралийское, а мое. Как славно, что я вас тут перехватила! И не надо больше сюда приходить. Садитесь в машину, поехали.

– А как же с мясом? – спросил отец.

– Да будет у вас мясо, целая тонна!

Нужно было видеть, каким взглядом, полным укоризны, провожал их Савельев, оставшийся у магазинных дверей.

16

Прием гостей в "Эльдорадо" был в номерах запрещен: для этих целей существовала гостиная на втором этаже. Когда Иван Петрович сказал об этом Тамаре, она засмеялась:

– Это вас Дени страшит? Толстый разбойник и вымогатель. Должна же я посмотреть, как устроились?

Надменно и рассеянно оглядывая вестибюль, дама с Переяславки прошла мимо конторки администратора. Мистер Дени приподнялся со своего кресла и проводил ее почтительным взглядом. Тамара царственно повернула к нему голову и, дождавшись его поклона, едва заметно кивнула.

Мама Люда, естественно, меньше всего ожидала появления гости, она была в странном рабочем наряде (купальник и фартук с оборками). Приоткрыв на стук дверь номера, она ойкнула, взмахнула кухонным полотенцем и заперлась в душевой.

Отец, взволнованно бормоча "У нас тут, понимаете ли, не прибрано", провел Тамару в клетушку, усадил на одну из кроватей, на другой, разметавшись под пологом, спала Настасья. Сразу стало безобразно тесно. Андрей не знал, куда себя деть: хоть иди в коридор и стой столбом.

– Господи, Дюймовочка! – восхитилась Тамара, увидев Настасью. – Вот – невеста для моего Рудика, надо их поскорее помолвить.

Тут отворилась дверь душевого отсека, и мама Люда, одетая в ситцевый домашний халат, остановилась на пороге. По-видимому, она догадалась, кого привели мужики, однако ее волнение можно было заметить лишь по рукам, странно сложенным на животе.

Тамара медленно поднялась, сделала шаг, другой по направлению к маме Люде – и вдруг, всплеснув руками, кинулась ей на шею. Мама Люда была настолько растеряна, что даже не догадалась ответить на объятия и стояла, как истукан.

– Именно такой, – глухо, уткнувшись лицом в мамино плечо, проговорила Тамара, – именно такой я вас и представляла. Доброй, простой, сердечной...

Непонятно было, когда мама Люда успела продемонстрировать свою доброту и сердечность. И почему, собственно, Тамара должна была как-то заранее ее себе представлять? Вот у мамы Люды имелись основания представлять себе Тамару совсем другою.

Во всей этой сцене было что-то неловкое, чуждое, зарубежное – особенно когда Тамара, отстранившись от мамы Люды и отворотив лицо, судорожно полезла в сумочку за платком.

– Простите, нервы, простите меня... – пробормотала она, вытирая глаза и сморкаясь. – Вы не можете себе вообразить, вы просто себе не представляете... какая я неприкаянная...

И тут мама Люда всхлипнула, обхватила свою новообетенную подругу, и обе женщины заплакали навзрыд... Случись такое с Андреем, он бы всю жизнь стыдился своих слез и тяготился воспоминанием об этой сцене, он постарался бы более никогда не встречаться с этим человеком.

Но женщины, должно быть, не так устроены. Отплакавшись, они уселись рядом на кровать и дружно, в два голоса, то и дело перебивая друг друга и стараясь досказать до конца свое, стали толковать обо всем сразу: о детских болезнях, о пустоте на базарах, о том, как трудно жить на белом свете вообще. То, что Тамара изголодалась по русской речи, было очевидно. А мама Люда – возможно, она была благодарна Тамаре за то, что та ничуть не похожа на зловещую Хилену...

– Боже мой, Люсенька, и я когда-то блины могла печь! Теперь разучилась, конечно. Никому они тут не нужны: дочь отвыкла, сыновья и не привыкли, мужу рис подавай, хоть вари его ведрами. Да как я варю рис – его не устраивает. А свекровушка свою песню поет: "Выбрал женщину, называется, даже рис приготовить не может, только и знает свою картошку!" Картошки в нашем доме не водится: здесь ее только за доллары можно купить, в дипшопе. Если свекровь увидит, что я доллары на картошку перевожу, – съест меня вместе с мундиром. Представляешь, Люся: тайком покупаю, украдкой отвариваю и с крутой солью ем...

Тамара стала бывать у них в "Эльдорадо" чуть ли не ежедневно. Снабжались мясом и продуктами, а заодно и овощами от пригородных соседей: она наладила, как заправская сестра-хозяйка, привозила и печенку, и языки, и прочие деликатесы, о которых в Щербатове и думать забыли.

– Вы только дайте мне знать, в любое время дня и ночи я буду тут у вас. В любое время!

Андрей терпеть не мог эти каждодневные гостевания. Возвращаясь из школы пешком, по жаре, и завидев стоящий у подъезда "Эльдорадо" тускло-зеленый пикап, он готов был завывать от тоски: духота, теснота в номере, до трусов раздеться нельзя, сиди, как дурак, в рубаше и в брюках да слушай бесконечные "жалобы турки".

– Старовата я стала, Люся, сестричка: никому не нужна, в этом климате женщины быстро изнашиваются. Жора мой коноплей стал баловаться, девочек себе заводит, мне это как-то все равно... Дети? А что дети? Трое их у меня, а поговорить не с кем. Линдочка красавица, умница, дитя любви, у нее своя жизнь. Работает в частной компании, о России и слышать не хочет, мечтает выйти замуж за шведа. Руди, озорник, по-русски едва лопочет, а младший вообще не знает ни одного русского слова, живет под опекой бабушки. Вот такой, Люсенька, итог жизни. Возвращаться в Союз – не с кем, да и не к кому. Хорошо бы, конечно, съездить, по Переяславке погулять, маминной могилке поклониться... Рудика бы пристроить учиться в Москве, он стесняется языка своего, а поговорить ему, кроме матери, с кем? К русским детишкам не подступиться, шарахаются от него, как от заразного. Я сама слышала, как мамы учили: "К этому паршивцу – не подходить".

Андрею было ясно, куда она клонит: еще одна Иришка одичалая, только мужского полу, срочно нуждается в компании. Международная идиотка! Вольно было ей выходить за иностранца, какое-то извращение, честное слово.

А Тамара, как нарочно, вновь и вновь заводила речь о том, что в молодости ее Жора был неотразим.

– Глазки бархатные, носик точеный, а уж кожа смуглая – прелесть, а фигура, а ноги длинные, а как двигался – божественно, гибко!

Андрей видел "дядю Жору" лишь издали, на террасе "Эльдорадо": тучный мужчина со щеками, как бы нарочно свешенными, с длинными смоляными волосами и с воловьими глазами в опухших веках, сидел в одиночестве за столиком и курил длинную сигару, по-хозяйски, словно на телок, прямо под хвост, поглядывая на проходивших девиц.

Предположения Андрея подтвердились: в один прекрасный день Тамара привела с собой Руди. Широколицый, смуглый, кучерявый, Руди ничем не отличался бы от местных мальчишек, если бы не странный эмалевый блеск светло-желтых глаз. Десятилетний ребенок этот не привык церемониться: заглянул, как кот, во все углы тесного номера, высунул, морща нос, во внутренний двор, постоял, посвистал, глядя поочередно на Андрея и на Настю, потом скорчил Насте зверскую морду, чем поверг ее в ужас и восхищение, – и обратился к Андрею с вопросом на каком-то тарабарском наречии: это был английский, но такой английский, на котором говорила разномаястная городская ребятня. Андрей, разумеется, не понял ни слова.

– Ты по-русски, по-русски, – попросила Тамара. – Ведь ты же умеешь!

Руди надул щеки и отрицательно замотал головой.

– Ну, ладно, – снисходительно сказал Андрей, – мы сперва по-английски, а уж потом, постепенно...

Поднатужившись, Андрей построил дежурный вопрос, – что-то о школе, внятно повторил его два раза. Руди сделал издевательски-глуповатое лицо, повернулся к матери и забормотал:

– Чо он вякнул? Что он там твякнул?

Так, по крайней мере, можно было понять смысл его бормотания. Естественно, никаких дружеских отношений на этой основе завязать было не-

льзя, и Андрей раскрыл книгу и демонстративно завалился на кровать лицом к стене.

Мама Люда увела огорченную Тамару в предбанник. Руди потоптался в клетушке, полистал детские книжки, потом, должно быть, дернул за волосенки Настасью, потому что Настасья пискнула. Андрей обернулся, и Руди, глядя на него своими странно белесыми на смуглом лице глазами, очень чисто спросил по-русски:

– Уроки дейлайш?

Андрей неохотно ответил.

– В каком классе кончил? Трудно у вас учиться? А потом как работать пойдешь? Как слесарь, да, нет? Я хочу как слесарь. В Стокгольм слесарь очень много заработок получает, а у вас? А у вас, как здесь?

Настя смотрела на Руди с восторгом и трепетом: заговорил!

– А чем ты недовольный? – не унимался Руди. – Ты недовольный, что я мешаю тебе стараться? Так? Ты очень старательный школьник? У вас в Москве каждый так?

Право, Тамара напрасно боялась, что Руди пропадет в Союзе с языком. Языка у него было даже больше, чем надо.

Мама Люда открыла дверь, и Тамара, заглянув из тамбура в клетушку, радостно сказала:

– Ну, вот, пожалуйста. Разговорились.

Увидев ее, Руди снова надул щеки и замотал головой. Видимо, напоказ он не хотел говорить по-русски: ведь для этого его Тамара сюда и привела.

17

Иван Петрович сдержал свое слово: он п о с т а р а л с я на свою голову. Без ведома начальства пробился на прием к декану-голландцу – и бог знает, какими доводами, но убедил его поделиться часами. Голландец уступил Ивану Петровичу историю математики ("Только для вас, мистер Тьюринг, чтобы вы не теряли формы") – курс второстепенный, факультативный, а главное – не читанный Иваном Петровичем ни разу в жизни.

– Как нарочно придумано, – жаловался Иван Петрович. – И отказаться нельзя: сам напросился. Прямо ума не приложу, с чего начать, как подступиться. Где книги взять? А где словари большие, специальные? Это ж почти гуманитарная лексика!

Часов ему было выделено не так уж и много, всего шесть в неделю, однако подготовка к каждой лекции занимала не меньше, чем трое суток. По ночам он сидел между кроватями на полу, обложившись словарями и энциклопедиями, письменный стол ему замесила низенькая тумбочка, и, развесив локти над нею, сутулый и тощий, до пояса мокрый от пота, как шахтер в дореволюционном забосе, он писал текст каждой лекции до последнего словечка, двадцать пять страниц на два лекционных часа. В университете готовиться было, конечно, удобнее, но Филипп забирал преподавателей в четыре, и отец не укладывался.

– А может и правда, Ванюшка, зря ты это затеял? – шептала, глядя на

него с кровати, мама Люда. – Сидел бы в своем кабинетике и ждал бы лучших времен...

– Не мешай, Мила, – отмахивался отец. – Я умею делать только то, что умею. и не надо меня учить...

Старания Ивана Петровича принесли неожиданные плоды. На факультете раз в неделю проводились опросы аудитории ("Пережиток колониализма", – то ли в шутку, то ли всерьез говорил отец), по стобальной системе студенты оценивали содержательность лекции, форму подачи материала и знание языка. За содержательность отцу на первом же опросе выдали восемьдесят баллов, небывало высокая оценка, что отметил, выступая перед преподавательским корпусом, сам голландец-декан. "Это они от неожиданности, – как бы оправдываясь, говорил о своих студентах Иван Петрович, но на лице его при этом светилась тихая гордость. – Вместо цифирь – вдруг на тебе, разговорный жанр". Форму изложения профессора Тьюринга студенты оценили в шестьдесят, а языковый уровень – в пятьдесят пять, что для первого месяца пребывания не так уж и плохо: только профессора-англичане получали по девяносто баллов, да и то не все, сам голландец держался на семидесяти и был этим доволен.

– А у Звягина сколько? – допытывалась Людмила. – А у Матвеева?

Иван Петрович чужими баллами не интересовался, и любопытная мама Люда никак не могла поверить этому: все ей казалось, что тут кроется служебная тайна.

– Во засекретились! Кого ни спросишь – молчит, как партизан. От кого скрываете? От собственного народа.

Действительно, свой языковой балл звягинцы предпочитали не то что держать в секрете, но – не выносить за пределы университетского кампуса. Один лишь Горошук как-то невзначай намекнул маме Люде, что прошлый год по весне ему давали девяносто пять, а в этом году, скорес всего, должно вообще "зашкалить", – но говорил он это с оглядкой, когда поблизости не было никого из старичков. Вроде бы лучше всех (на шестом-то выезде) обязан был владеть языком Ростислав Ильич, читавший лекции на юридическом факультете. Рассказывали, что на каком-то приеме Ростик даже вызвался переводить самому главе государства, и язва Горошук сочинил по этому поводу эпиграмму: "Так ворвался в историю Дицкий, уловив подходящий момент, но язык у него юридический, и не понял его президент".

Как бы то ни было, акции Ивана Петровича в университете поднялись. Декан был настолько любезен, что обещал поделиться часами и на будущий год.

– С готовыми конспектами – это ж райская жизнь! – радовался Иван Петрович. – Вот тогда и отдохнем, Милочка. Будем всем семейством по садикам гулять...

Однако Звягин несколько охладил его радость:

– Ты, любезный мой, не слишком полагайся на голландские комплименты, – выговаривал он Ивану Петровичу, словно нарочно выбрав время перед началом киносеансов в офисе, при большом скоплении людей. – Они в демократию играют, а игра эта – против нашей группы, учти. Приручают тебя для того лишь, чтобы опытных наших товарищей уесть. Вот в какую игру ты

ввязался, а все почему? Потому, что действовал через мою голову. Кто тебе разрешил без моего ведома к голландцу ходить? Не по-товарищески ты поступаешь. А продлевать командировку тебе будут не в Голландии, прошу запомнить и понять.

В школе у Андрея все шло как положено. Каждое утро Андрей собирался туда, как отец в свой кампус, и снисходительно принимал ухаживания мамы Люды, которая так же заботливо его провожала. Ходить, правда, приходилось пешком, поскольку школьный автобус в связи с каникулами посольство отменило. Но зато в школе, при кондиционере, было приятно работать. До двух часов дня Андрей рисовал стенгазеты, "классные уголки", вычерчивал графики дежурств, таблицы давно прошедших чемпионатов и заполнял казенную школу свидетельствами бурной общественной жизни. Темы для карикатур ему подсказывала Элина Дмитриевна, она же печатала на машинке статьи. Коронной выдумкой своей Андрей считал спортивную стенгазету: заголовок ее ("Бодрость") был выполнен из фигурок человечков в синих тренировочных костюмах с красными лампасами. Лампасы Элина Дмитриевна осуждала "Да ну, как генералы. Еще подумают что-нибудь...", и все посматривала на этот заголовок и хмурилась, а в один прекрасный день "Бодрость" и вовсе исчезла. Но если не считать этого пустякового разногласия, сотрудничали они с Андреем дружно и ладно, Элина очень хвалила его манеру работать с гуашью, а способность выводить буквы плакатным пером без предварительной разметки приводила ее в восхищение. Как-то, расчувствовавшись, она даже погладила его, склонившегося над ватманом, по голове и сказала: "Какой ты все-таки... мастеровитый!" Андрей не стал оборачиваться, чтобы ее не сконфузить.

Он все надеялся, что в один прекрасный день возле школы остановится белая с голубыми стеклами "королла" и в учительскую войдет Кареглазка.

Осмотрится – и скажет: "Откуда все это? Ведь раньше ничего не было!" Впрочем, что делать дочке советника во время каникул в школе, к которой она давно уже не имеет отношения? Общественные нагрузки – это для таких, как мы, для работаг. Даже на территории офиса, куда Андрей приходил по вечерам три раза в неделю смотреть советские фильмы, он Кареглазку ни разу не видел: дочка советника не для того явилась за три моря, чтобы смотреть кино на летней площадке, она приехала купаться в океане, играть в теннис, вести южную жизнь.

В отличие от мужчин, Людмила не преуспела в своих начинаниях. К школе пристраиваться насчет работы Андрей ей запретил: "Там только твоего гуманитарно-технического образования и не хватало! У отца – кампус, у меня – школа, не нужно портить мои дела". Представительские склады прочно держали в своих руках жены старожилов, и все попытки подступиться к этой твердыне встречали холодный отпор. Звягин с насмешкой говорил Ивану Петровичу: "Ох, как супруга твоя скребется в закрытый распределитель, просто беда!" Некоторое время неумная женщина носилась с идеей проскочить в женсовет посольства, для этого она считала достаточно взяться за доклад к международному дню детей и тем самым заявить о себе. Однако до посольства, на тот берег рски, даже добраться было непросто, а когда Людмиле Павловне это наконец удалось, то она обнаружила, что вокруг

вакансии докладчицы вьется целый рой соискательниц, среди которых последнее место занимают жены дипломатов. Пришлось и с этой задумкой расстаться. Осталась еще библиотека посольства, закрытая из-за отсутствия кадров. Людмила Павловна без особой охоты пошла туда – великодушно предложить свои услуги, и была прямо-таки оскорблена, когда в объединенном местном посольстве ее кандидатуру отклонили по гуманным причинам: слишком далеко ходить от "Эльдорадо", транспорт не предусмотрен, желательны дамы, мужья которых имеют служебные автомашины.

– Ладно, – решила наконец Людмила Павловна, – буду домработницей у своих мужичков.

Про себя она прибавила, однако: "... а там поглядим".

Жара между тем крепчала, она перемежалась тяжелыми ливнями, после которых из-за высокой влажности в номере создавалась такая парилка, что сердце начинало колотиться об зубы. Как-то раз отца привезли с лекции раньше времени: пошла носом кровь. Помня предостережение Валентины, мама Люда беспокоилась, как бы не узнали наши: заставят обратиться к врачу. Но наши не узнали: Ивана Петровича довез сам голландец. Не только довез, но и собственноручно проводил на третий этаж: чтоб на лестнице чего не случилось.

По вечерам, чтобы не мешать отцу заниматься, мама Люда гуляла с детьми по набережной – от порта до маяка. От залива, мелкого и грязного, неприятно пахло. С набережной видно было здание университета: длинное, белое, похожее на губную гармонику, оно стояло на крутом берегу лицом к открытому океану. Белизна этого здания с розовым отсветом вечернего солнца казалась ужасной: как будто за день оно раскалилось добела и теперь медленно остывало.

– Вот они, денежки-то, как достаются, – вздыхая, говорила мама Люда.

Получение первой зарплаты было несколько омрачено. На подхвате в бухгалтерии сидела Галина Сергеевна Звягина, женщина неговорчивая. Справку из "Эльдорадо" о питании она принимать отказалась:

– Что вы мне лапшу на уши вешаете? Я сама десять дней в "Ройяле" прожила, порядки гостиничные мне известны. Там не то что готовить в номере, чайник вскипятить не дадут. Идите к советнику. Если он решит, что все чисто, пусть вашу справочку завизирует.

Однако Букреев на эту тему даже не пожелал разговаривать.

– Знать не знаю ни о каком питании, – сказал он. – По мне – вы хоть свиноферму заводите в "Эльдорадо", меня это не касается.

Брезгливо отодвинул справку на край стола и углубился в свои бумаги, давая понять, что аудиенция окончена.

В полной растерянности Тюрины топтались возле калитки – и тут подошел Ростислав Ильич. Выслушал сбивчивую жалобу Ивана Петровича, взял у него злосчастную бумажку и ушел. Через пять минут вернулся с подписью советника.

– Ступай, – весело сказал он Ивану Петровичу, – получай свои кровные – помни обо мне.

– Ты смотри! – восторженно зашептала мама Люда, когда Ростик удалил-

ся. – Я всегда говорила, что с этими сорока процентами дело нечисто. Нет такой статьи, чтобы их у нас забирать! Расходы Тюриных на питание? А при чем тут наш аппарат? Афера какая-то.

– Но-но, ты полегче, – одернул ее Андрей. – Не трогай советника, ясно? Все у тебя кругом аферисты. А главная аферистка – ты сама.

Как бы то ни было, денежная сторона командировки, очень до сих пор волновавшая Тюриных, прояснилась: не обманули их, не передернули, и первая зарплата ушла в Союз.

По ночам не умолкало бормотание. Впрочем, насколько Андрей мог сквозь дремоту судить, тональность изменилась: если раньше мама Люда восторгалась и ахала ("Деньги-то какие! Деньжищи! Жить да жить!"), то теперь она все чаще стала сердиться, споря неизвестно с кем и доказывая, что заработки не такие уж и лихие. Своим оппонентом она, естественно, выбрала отца:

– Ладно, Ванюшка, не молись! "Тысячи, тысячи"! Какие еще тысячи?

Иван Петрович даже слова этого не произносил: он сидел между кроватями на полу и, косо разбросав локти по тумбочке, писал лекцию о великой теореме Ферма.

– Какие еще тысячи? – настойчиво, как безумная, приподнявшись и опершись на локоть, шептала мама Люда. – А подарки ты учел? Клавье с Сергеем надо? Надо, принимали они нас хорошо, что бы там ни было. А щербатовским скольким надо? Нам туда возвращаться, не век же мы здесь будем сидеть.

– Ну, не век, а года три проторчим, – после паузы отвечал, не прекращая писания, отец. – Если не скопытимся.

– Ой, что ты, три года... – вздыхала мама Люда, лукавая: сама-то она прикидывала, что меньше пяти никак нельзя. – Вон, у тебя вчера опять кровь носом хлыстала, я же знаю. Хоть бы годика два посидеть, это ж раз на всю жизнь...

Полуголая, с круглым животиком, едва прикрытая простыней, она была похожа на Данаю с картины Рембрандта, ожидающую золотого дождя.

– А хоть и два, – поддавшись на провокацию, соглашался отец, – тоже заработок немалый.

И голосом Михайлы Михайлыча добавлял невнятицу:

– В захватчивости, зло, в подобоострастии стремительным своим хотением...

– Ну, прямо немалый! – яростно шептала мама Люда, пропуская мимо ушей последнюю фразу, как будто это пролетела басовитая муха. – Вон, Андрей растет, сколько будет расходов? Ему школу кончать, в институт поступать... Думаешь, это все за просто так?

– Я – за просто так учился, и серебряную медаль получил, и диплом с отличием.

– А сюда ты тоже за просто так приехал? – язвительно спрашивала мама Люда.

Отец молчал...

Вся вселенная, казалось, втиснута была в эту тесную клетушку, полную духоты, пропитанной густым запахом пота и гнили. Гнилью пахло с гости-

ничного двора... Это было настолько гадко, что Андрей чуть не плакал от тоски. Разве это жизнь? Разве люди имеют право так гадко, так временно жить?

— Вот то-то и оно, — с удовлетворением, как будто напившись прохладной водицы, шептала мама Люда, — то-то и оно, Ванюшка! Теперь какие времена? Прав Ростислав Ильич: вернемся — так и будут все в карман смотреть: дай, дай...

И однажды Андрей не выдержал.

— Слушайте, вы! — заорал он. — Я домой уеду, честное слово!

Шепот стих, заворочалась под боком у "Бати" сестренка, но остановиться Андрей уже не мог. Он вскочил и сел на постели, чувствуя, как стучат его колени одно о другое.

Мама Люда, приподнявшись, глядела на него со страхом, отец склонился над великой теоремой Ферма... Впрочем, нет, уже не математика это была: "Нац-осв. движ. после Вов", — значилось в подчеркнутом заголовке. Мало отцу было лекций, он тужился стать политинформатором, делал заготовки впрок...

— Зачем вы меня сюда привезли? — кричал Андрей. — Живно гнить в этой конуре и слушать по ночам, как вы чеки считаете? Почему вы не отпустили меня в Новороссийск, к тете Наташе? Ах, у вас из зарплаты тогда высчитывали бы двадцать процентов на мое содержание! Сэкономить решили?

— Тише, сыночка, тише, — шептала мама Люда. — Настю разбудишь.

— Настю! А о Насе вы думаете? Что она здесь видит? Через полгода превратится в идиотку! Ей нужно мультфильмы смотреть, в детский садик ходить, с ровесниками играть, а вы что с ней делаете? Подождите, еще придется ее вывозить отсюда с амебной дизентерией. Закопали вы ее живо!

Выговорившись, Андрей лег ничком на постель и крепко зажмурился. Жгло глаза, в голове было пронзительно светло, как будто под черепной крышкой у него горела двухсотсвечовая лампочка. Душно было по-прежнему, и в то же время он весь дрожал от озноба. Мама Люда поднялась, подошла и догадливо накрыла его простыней...

Настя, бедная, и вправду, маялась больше всех. От жары, от нехватки витаминов, от тоски... А главное, она никак не могла взять в толк, что это такое с ней делают. Словно тот карпик живой, которого они неделю держали в тазу на Красноармейской улице: он плавал там, все медленнее шевеля плавниками, все чаще заваливаясь на бочок, а потом и вовсе всплыл в теплой мутной воде кверху пузом. Наверно, он тоже недоумевал: что это такое со мной делают?

На другое утро Андрею было стыдно смотреть маме Люде в глаза. А она, не зная, как его задобрить, с наигранным простодушием сказала:

— И правда, деточки, скучно живем. Давайте по кинотеатрам ходить. Что мы, на самом деле, чего боимся? В гостинице наших больше нет, никто не докажет. В кинотеатре "Метро", я слышала, какой-то жуткий фильм идет. Пошли, посмотрим для начала? Андрюша будет нашим переводчиком.

Лицо у нее при этом было жалкое, заискивающее, виноватое.

Настасья запрыгала на постели, захлопала в ладоши. Андрей молчал.

— А папа? — спросила сестренка. — Когда же он будет к лекциям готовиться?

– А папу мы с собой не возьмем. А то он очень уж осторожный.

По голосу мамы Люды можно было понять, что этот вопрос с отцом уже обговорен и что мама просто лукавит.

И в тот же вечер они впервые оказались в местном кино. Зал кинотеатра "Метро" был не хуже, чем в щербатовском "Лебеде": просторные ряды, мягкие кресла, толстый голубой ковер под ногами. Пока горел свет, играла тихая музыка, на экране менялись неумело нарисованные бледные диапозитивы, прославлявшие национальные вооруженные силы и рекламировавшие средства борьбы с тараканами. Эти рисунки похожи на увеличенные этикетки со спичечных коробок. Настя решила, что это и есть кино, и начала ругаться, даже укусила маму Люду со злости. Еле удалось ее уговорить.

Между рядами ходили разносчики в белых курточках, они продавали кока-колу, сигареты, жевательную резинку. То и дело слышались их требовательные, хоть и негромкие возгласы, как будто они искали приятеля: "Коля! Коля!"

Впереди расположилась группа местных подростков, ровесников Андрея. Один, курчавый, с металлическими зубами и с темными от въевшихся опилок и масел руками слесаря угощал своих приятелей кока-колой. Наверно, и в кино их пригласил на свои средства. Приятели молча потягивали через тростинки напиток, а он заглядывал им в лица, беспричинно смеялся, передразнивал, как они пьют, подталкивал их локтями – и, видимо, втайне досадовал на себя за затраты. Ему хотелось, чтобы приятели были счастливы и довольны, а главное – чтобы они, преисполненные благодарности, шумно восхитались его щедростью.

Суетливое веселье подростка заразило Людмилу Павловну: ее состояние было похожем, она тоже страстно хотела, чтобы ее деточкам было весело и хорошо. Поманив разносчика, Людмила взяла у него бутылочку кока-колы для Насти и жвачку для Андрея. Кока-кола была ледяная, и у Насти ее пришлось отобрать, а жвачка оказалась местного производства, она плохо жевалась и отдавала мылом. Что же касается цены, то, по-видимому, здесь, в лучшем кинотеатре города, была установлена жестокая надбавка, да еще плут-разносчик накинул вдвое, и, когда Андрей сообщил маме Люде, сколько эта мелочь стоит, она смутилась и едва наскребла в своем кошельке нужную сумму.

Вдруг свет погас, слайды на экране пропали, появилось яркое изображение развевающегося национального флага и солдата в каске, стоящего на часах. Грянул гимн, все вокруг поспешно поднялись... это напомнило Андрею проезд броневику мимо "Эльдорадо". Он покосился на подростков, которые, выпятив кадыки, стояли навытяжку, в глазах их вдохновенно отражался киноэкран, – и тут кто-то как будто шепнул ему на ухо: "Смотри в оба". Мальчик обернулся: по проходу, пригнувшись, семенил служитель "Метро" с фонариком в руке, за ним в светлом "сафари" с погончиками вышагивал во весь рост Виктор Маркович, его пышная седина парила в полумраке, как шаровая молния, и электрически сухо потрескивала. Следом, темнолицая от загара, выступала мадам, а позади в белых брюках и белой маечке шла Кареглазка. Андрей стоял возле прохода, и от нее пахнуло такой свежестью и океанской солоноватой чистотой, что Андрей покраснел от радости. Странно краснеть и в темноте, когда тебя никто не видит: если бы он и в самом

деле начал светиться, как чугунная чушка, то Кареглазка, проходя мимо, наверняка бы его заметила.

Букреевы расположились тремя рядами ближе к экрану, и это обещало осложнения на выходе: если мать увидит советника, она, чего доброго, упадет в обморок. Вроде бы запрета на посещения местных кинотеатров не было, если не брать в расчет предупреждений Валентины Аникановой... но у Валентины за все высылают. Сама, в бытность начальницей, страшила людей – и себя же вконец застрашала. Подумав так, Андрей покосился на маму Люду, но она ничего не заметила: церемония предъявления флага захватила ее воображение.

Минут, наверно, сорок показывали рекламные ролики предстоящих фильмов: красивая брюнетка, щеголявшая в кожаном комбинезоне на молнии, лихо ездил на спортивном авто, отчаянно стреляла и дралась с мужиками, а в промежутках расстегивала молнию намного ниже пупка, обнажая сверкающее голое тело. Мама Люда стыдливо поглядывала на Андрея, потом в воспитательных целях прошептала:

– Тыфу, дрянь какая, бесстыдство!

Андрей, естественно, так не считал. Ему, конечно, хотелось бы, чтобы мать воздержалась от комментариев, но он не стал ее одергивать. Мальчика занимало новое и довольно странное чувство: ему доставляла удовольствие мысль, что Женечка Букреева тоже смотрит на эту деваху. Так ей и надо, пускай не заносится. Пусть знает, что не одна она на свете, вот так.

Фильм, на который они пришли, назывался "Бесстрашные убийцы вампиров" и требовал куда более квалифицированных переводческих услуг, чем те, которые мог предложить Андрей. Жуткий замок мертвецов, которые притворяются живыми людьми и лишь в нужный момент обнажают свои длинные зубы, от укуса живой человек неизбежно превращается в вампира, профессор-вампиролог и его молодой спутник попадают в этот замок и, освободив молодую девушку, увозят ее на санях, а вампиры преследуют их по снегу в самодвижущихся гробах. Наконец погоня осталась далеко позади, профессор на облучке, молодой человек, держа в объятиях возлюбленную, дремлет под меховой полостью, и вдруг красotka медленно открывает глаза, тихо, медово улыбается и, приподняв верхнюю губку, обнажает два страшных голубых клыка...

Как ни странно, Настю все эти ужасы совершенно не напугали. Пару раз она, правда, с любопытством спросила:

– А зубки кажет зачем? Кусать будет, да? А это больно?

И где-то в середине фильма, когда начались самые страсти, она перелезла на колени к своему "Бате", положила голову ему на грудь и блаженно заснула. Зато мама охала, ужасалась, переживала и изводила Андрея вопросами:

– Чего это он говорит? А зеркало тут при чем? Ай, ну тебя, ничего ты не знаешь!

Зеркало было как раз очень даже при чем: вампиры не умели в нем отражаться – и этим кардинально отличались от настоящих людей. Самая жуткая сцена в фильме связана была именно с зеркалами. В разгар танцевального вечера в замке герой, не подозревающий, что угодил в самое гнездилище кровопивцев, смотрит на зеркальные стены зала – и вместо пестрой толпы танцующих видит себя одного...

Когда зажегся свет, Андрей занял маму Люду поисками Настасьиной сандалиии (которую заблаговременно стащил у нее с ножки и задвинул подальше под кресло) и, только когда Букреевы прошли мимо, дал команду подниматься. Мама Люда, потрясенная фильмом, молчала, Андрей нес Настасью на руках, откуда у него берется лишний вес, – и изредка поглядывал на идущую впереди, в пяти шагах от него, Кареглазку. Золотистая шерстка, спускавшаяся у нее от затылка вдоль позвоночника и между лопатками и о существовании которой он до сих пор не подозревал, делала рыжую девушку похожей на инопланетное существо. Вдруг, почувствовав взгляд, Кареглазка обернулась – и приветливо махнула ему рукой. Андрей энергично замотал головой: приложить палец к губам он не мог, поскольку обе руки его были заняты. Женечка удивленно подняла брови, он показал взглядом на голубую спину ее отца, и она усмехнулась, довольная, видимо, тем, что папочка имеет такую власть и что специалисты его боятся. Андрей как раз не боялся, но маму Люду лучше было не волновать.

У подъезда Букреевы уселись в свою белую "короллу" с голубыми стеклами и укатили, а Тюрины побрели через весь город пешком. Мама Люда все переживала:

– Ну, как же можно такое показывать? Я прямо со страху чуть не умерла! А эта девка непотребная в кожаном, она потом куда подевалась?

Андрей снисходительно растолковал ей, что непотребная девка совсем из другого фильма. Он думал о том, что с кошмаром Валентины Аникановой покончено: теперь уж если кто явится к нему во сне, так это кинобандитка в кожаном комбинезоне. А это намного упрощает жизнь: вряд ли она когда-нибудь предстанет перед ним вживе.

На другой день Тамара стала ревниво допытываться, где это они пропали вчера. Привязанность ее, крепчая день ото дня, начинала приобретать самовластные формы, и Андрей не переставал удивляться, отчего маму Люду это не тяготит. С детским простодушием мама Люда стала пересказывать Тамаре вчерашний фильм о вампирах. Но Тамару все эти страсти мало тревожили, ее возмутило другое:

– Как, и вы с Дюймовочкой шли туда и обратно пешком? Через весь город? Какое варварство! А я? А "субару"? А мой телефон? Неужели так трудно было поднять трубку и сказать: "Отвези нас в кино?" Ладно, "субару" недостаточно для вас хороша. Кто запрещает вам купить здесь машину? Подержанную, в рассрочку. Деньги тратить, как видите, некуда. Хотите, я вам устрою? И права тоже можно купить.

– Права есть у Вани, – растерянно сказала Людмила. – Он все документы с собой притащил, даже билет в читальню.

– Ну, тогда какие проблемы? – обрадовалась Тамара. – Завтра же подыщу вам дешевенький "псжо".

Андрей смутился: зря он называл ее международной идиоткой.

– Мама, давай! – сказал он, покраснев. – Давай купим, а, мам?

– Не знаю, – задумчиво ответила мама Люда. – Конечно, хотелось бы по-людски. Вон, гдээрровцы все на машинах, болгары тоже, а уж капиталисты – само собой разумеется. Но у наших-то нету ни у кого. Может быть, нам не положено?

– Что значит “не положено”? – рассердилась Тамара. – Не за казенные деньги, а за свои. Глупости какие ты говоришь, Люся! Я понимаю, моей машиной вы пользоваться брезгуете...

– Да нет, да что ты, голубушка! – смущенно залепетала Людмила. – Просто не хочется тебя обременять. Но все-таки непривычно как-то... надо будет у начальства спросить.

Право, не в добрый час подсказала Тамара эту идею.

– Ну, хорошо, – кротко сказал отец, – я спрошу. Только смотрите...

Было это вечером на киноплощадке офиса, ждали из культурного центра фильм с пророческим названием “Берегись автомобиля”. Все специалисты, человек полтора, явились с женами и детьми: посещение киносеансов считалось здесь обязательным. Звягинцы толпились на своем традиционном месте – под фонарями у стенда “Лучшие среди нас”.

– Ну, Ваня, ты даешь! – изображая крайнюю степень удивления, даже отступив на два шага, чтобы лучше этого чудака рассмотреть, громко сказал Григорий Николаевич. – А я-то держал тебя за разумного, обстоятельного мужика! Удивляюсь я этим щербатовским... Это что же, мы, дураки сиволапые, будем бродить по городу пешком, а ты мимо нас будешь ездить на своем студебеккере?

Убедившись, что Иван Петрович достаточно пристыжен, Звягин вывел его на самый свет и, поправив ему узел галстука, проникновенным голосом заговорил:

– Кстати, Иван, есть просьба у меня к тебе. Точнее, не просьба, а предложение кое о чем подумать...

От слова “кстати” Андрей не ждал ничего хорошего. Притертое это слово и было той самой стеклянной пробочкой от флакона, полного серной кислоты. “Сейчас, – сказал себе Андрей, – сейчас...” – и инстинктивно отвернулся, оберегая свое лицо.

– Не первый раз видят тебя в городе с одной... назовем ее старой задрыгой. Куртизанка, понимаешь ли, мелкая предпринимательница... Социальная база реакции. Ребята жалуются: Тюрин выгоды ищет, а с подозрением смотреть будут на всех нас. И я каким-то дураком начинаю выглядеть: представь, кто-нибудь сбегает к советнику, советник вызовет меня, и что я буду ему лопотать? Давай договоримся: не-на-до. Не надо телодвижений. Ты меня понял? И актив группы тебя очень просит: не бросай на нас тень. Мы не хотим.

По мере того, как он говорил, лицо Ивана Петровича становилось все прозрачнее и одновременно темнее, пока не приобрело цвет промасленной бумаги. И когда Звягин, потрепав его по плечу, отошел, Иван Петрович дрожащей рукой снял очки и устремил невидящий взгляд на сына. Маленькие серенькие глаза его были как будто обведены огненными кругами...

Предупреждение Звягина, как гром среди ясного неба, застало Тюриных врасплох, и сразу обнаружилось, что никакого плана действий на такой случай у них не имеется. Отказать Тамаре от дома они не решились: ну, как за-

хлопнуть дверь перед носом человека, который не сделал тебе ничего, кроме хорошего? А объяснить ей реальное состояние дел тоже невозможно, получается разглашение наших внутренних секретов.

– Так что же делать, Ванюшка? – шептала ночью Людмила. – Утром она наверняка явится. Обещала машину нам показать.

– Машину... – бормотал Иван Петрович. – А ведь я предупреждал тебя, Милочка: будет у нас еще хлопот с этой заявкой. Предупреждал или нет?

– Ну, предупреждал, предупреждал, не молись, – сердилась Людмила. – Речь не о том, какой ты у нас мудрый и предусмотрительный. Я спрашиваю тебя, что з а в т р а делать.

– Ну, что значит "что"? – возмущенно начинал Иван Петрович, и по каким-то обертонам в его голосе чувствовалось, что он не в состоянии ответить на этот вопрос. – Любим мы создавать сложности на пустом, понимаете, месте...

Молчание.

– Ладно, – вновь начинала шептать Людмила. – Я знаю, что делать. Не открывать ей дверь – и все. Пусть стучится. Постоит – и уйдет. Может, нас дома нет. Может, мы по делам в городе.

– А ключ внизу, у мистера Дени? – напоминал отец. – Раз ключа у него нет – значит, вы в номере.

– Ну и что? – возражала после паузы мать. – Дело какое.

– Да он же скажет, что вы дома.

– Пусть говорит. А мы все равно не откроем.

– Нет, Милочка, так нельзя, – со вздохом говорил Иван Петрович. – Нельзя безнаказанно унижать человека, и ты это знаешь.

Людмила знала. Но она прекрасно знала и то, что у них нет другого выхода: еще одно свидание с Тамарой – и все полетит кувырком. Ей было жалко Тамару, которая ни задрогой, ни куртизанкой вовсе не была, и она хотела, чтобы тяжесть решения легла на плечи мужа... однако Иван Петрович был не настолько глуп, чтобы брать на себя эту ответственность.

Утром, уходя на работу, Иван Петрович конфузливо сказал Людмиле:

– Ты умная женщина, Милочка. Как надумась – так и поступай. Я на тебя полагаюсь.

– Ванюшка, не беспокойся, – кратко ответила она.

Андрей уже не спал, он лежал и думал. Предупреждение Звягина представлялось ему резонным: наши люди за рубежом – не то, что, скажем, голландцы или даже поляки, их оберегают от чуждых влияний, в определенном смысле их держат под колпаком, поскольку они – носители высшей морали, эта мораль имеет чистоту почти лабораторную и потому уязвима. А в нашем случае – уязвимость двойная. Тех, кто не слишком достоин, – особенно берегут. "Да, но почему, собственно говоря? – подумалось Андрею. – Что мы, особая ценность для государства? Самородные друзья? Редкоземельные элементы? Чего над нами так трястись? Какой с нас прок, если мы порченный товар?" Найти ответ на этот вопрос Андрею было не под силу.

– А, проснулся. – буднично сказала, входя в клетушку, мама Люда. – Ну и хорошо. Вставай, умывайся, я приготовлю завтрак. Будем менять режим.

– Что, переходим на осадное положение? – усмехаясь, как взрослый, спросил Андрей.

– Что делать, сынок, приходится, – со вздохом ответила мама Люда. – Приходится прятаться от доброго человека.

– Мама, но если все про нее так говорят?.. Может, она себя чем-нибудь запятнала?

– Да ничего она не запятнала, – сердито сказала мама Люда. – Я ее вижу насквозь, как стеклянную. А говорят потому, что мы народ мнительный. Ты ведь мне тоже доказывал, что она – агент трех разведок.

Андрей почувствовал себя задетым.

– Мало ли что я доказывал...

– Нет, не мало, – сказала мама Люда.

И сказала так, что Андрей не стал ни о чем больше спрашивать. Мама Люда была не так проста, как он привык считать.

Тем не менее, когда мама Люда, одевая Настасью, сообщила, что они идут к Анкановым, Андрей взбунтовался.

– Ну, нет! В этот сумасшедший дом я не пойду. Сиди там, выпучив язык...

Он хотел сказать "выпучив глаза", но уж так получилось. Даже лучше, яснее. Настолько ясно, что ни мама Люда, ни Настасья не заметили оговорок.

– Мамочка, мама, – залепетала Настя, – я не хочу к Иришке, пойдем еще куда-нибудь! Ну, пожалуйста!

– Господи, дурные какие-то! – обозлилась мама Люда. – Да куда же нам идти? Некуда.

– Вот что, мать, – подумав, сказал Андрей, он отлично знал, что суровый мужской тон, столь редкий в их доме, производит на маму Люду впечатление.

– Вот что, мать, пойдем-ка мы лучше на стадион. Там садик есть, можно гулять хоть до вечера.

– Ну и хорошо, ну и ладно, – согласилась мама Люда, – я водички с собой возьму лимонненькой, покушать чего-нибудь, книжки, игрушки...

Так и началась их жизнь на свежем воздухе, которую мама Люда называла цыганской. Каждой утро после ухода отца они быстренько собирались и, нагруженные сумками со снедью и снаряжением, отправлялись в садик при стадионе, где цвели олеандры, магнолии и другие растения, названия которых Андрей не знал. Там имелась даже беседка, в которой можно было укрыться от ливней. В этой беседке Андрей и оставлял своих женщин, а сам уходил в школу. При известном усилии воображения садик мог сойти за лагерь в джунглях, а под школой можно было понимать неприятельские казармы, где Эндрю Флейм в одиночку выполнял рискованное задание. Впрочем, в школу он ходил скорее по привычке, чем по обязанности, так как Элина Дмитриевна потеряла интерес к совместной работе: сперва стала предупреждать накануне, что, может быть, завтра не придет, потом пропустила несколько дней без предупреждения и не потрудилась даже объяснить свое отсутствие, а после и вовсе перестала являться, предоставив Андрею право поступать, как ему заблагорассудится.

Когда он возвращался, в лагере шла мирная партизанская жизнь. Мама Люда вязала либо читала Настасье вслух. Помня о предупреждении доктора Славы, копошиться на земле мать сестренке не разрешала, вообще не давала слезать со скамьи, и Настасья с нетерпением ждала возвращения "Бати". Андрей выводил ее на прогулку в сад, и Настасья расспрашивала его про цветы и кишевших вокруг жуков и букашек. Над цветущими кустарниками

порхали огромные бабочки, в зарослях то и дело взлетывали толстоногие пестрые птицы. Все бы ничего, но среди садовых букашек оказались мелкие, почти микроскопические, похожие на летучих муравьев, они больно кусались, предпочитая нежную Настасьину кожу, и на месте укусов появлялись круглые язвочки, которые мама Люда щедро замазывала зеленкой.

Первое время Тамара приезжала в "Эльдорадо" ежедневно: вместе с ключом мистер Дени, глядя в сторону и всем своим видом показывая, что дела гостей его не касаются, вручал Людмиле записку. В очень трогательных выражениях Тамара сообщала, что была, не застала и завтра обязательно зазаскочит. "Целую всех, больших и маленьких, есть приятные для вас новости". Позднее поцелуи из записок исчезли, а на второй неделе пропали и сами записки. Людмила привыкла их получать и даже зачем-то хранила, и когда первый раз Дени выдал ключ, она расстроилась: поднявшись в номер, долго сидела на кровати и глядела в маленькое окошко, в которое почти не попадал предвечерний свет.

— А на что же ты рассчитывала? — грубо сказал ей Андрей, единственно для того, чтобы привести ее в чувство.

И мама Люда встрепетнулась и поспешила к плите.

Вообще-то мистер Дени не должен был ухмыляться, тут он явно превышал свои полномочия. Как-то раз мама Люда решила его задобрить и пошла к нему вниз с тремя баночками консервов, но вернулась сконфуженная: мистер Дени этот запоздалый знак доброй воли с большим негодованием отверг, и вдобавок Андрей сурово отчитал бедную женщину.

В "Эльдорадо" было много иностранных специалистов: многие исправно питались в ресторане за казенный счет (а от квартир, которые им предлагались, отпихивались под разными предлогами), иные, занимавшие роскошные трехкомнатные "люксы" с видом на набережную, не утруждали себя даже тем, чтобы спускаться к столу на второй этаж, обеды им подавались прямо в номера, а некоторые в интересах здоровья стряпали у себя в предбанниках, никого не стесняясь и ни у кого не спрашиваясь. Со всеми этими клиентами мистер Дени был равно почтителен и никаких ухмылок себе не позволял. Но к Тюриным счет у него был особый. Видимо, гордый толстяк никак не мог им простить того, что принял их с поклонами, как гостей доблестных вооруженных сил. Всякий раз, когда Тюрины появлялись в вестибюле, мистер Дени с отвращением отворачивался, и приходилось долго стоять у конторки в ожидании, пока он соизволит выдать им ключ.

С ключом наловчились поступать очень хитро: уходя по утрам на стадион, отдавали его, естественно, мистеру Дени, возвращаясь — забирали, но было уже время вечернее, толстяк удалялся в ресторан, и, пользуясь его отсутствием, Андрей спускался, вручал ключ меланхоличному младшему клерку, выходил на улицу и минут через пять возвращался, уже не спрашивая ключа. Получалось, что ключ все время в ячейке, и, кто бы ни приходил к Тюриным, администратор, оглянувшись на шкафчик, отвечал: "Их нет дома".

Каждодневные хождения на стадион стали Андрею надоедать, и в скором времени он заметил, что перестал удивляться бабочкам и цветам: все вокруг для него стало черно-белым. Развлечений на стадионе не было никаких, по футболному полю целыми днями маршировали солдаты-новобранцы. Про-винившихся в полном обмундировании выставляли на солнцепек, и они

должны были стоять навтыжку, пока не падали от изнеможения на колени... Но смотреть на то, что происходит на футбольном поле, было опасно: за такое любопытство могли выставить из сада, а то и отвести в жандармерию.

В глубине сада была натянута высокая сетка, сплошь увитая зеленью, время от времени она содрогалась от ударов теннисных мячей. В сетку была вделана железная калитка, всегда приоткрытая, но Андрей не рисковал в нее входить. Прохаживаясь с сестренкой вдоль ограды корта, он размышлял о том, что теннис – это, должно быть, игра молчунов. Играющие давали о себе знать лишь топотом и шарканьем ног да шумными вздохами. Редко кто-нибудь из невидимых игроков вскрикивал "Найс!", отмечая хороший удар, либо "Сорри!", извиняясь перед партнером за какую-то оплошность.

Настя этой ограды опасалась: для нее густая шуба зелени поднималась до самого неба, и все время ей, покусанной насекомыми, казалось, что там что-то "шубуршит". Но Андрея тянуло к калитке, ему представлялось, что там, за зеленой стеной, царит какая-то другая жизнь, чистая и здоровая, упорядоченная и осмысленная, свободная от обмана, стыда и страха, и что его место, наверное, все-таки там.

И вот однажды в черную сырую землю у самых его ног глухо ударился ярко-зеленый теннисный мячик, подскочил пару раз и покатился по дорожке. Настасья выпустила братнину руку, побежала за мячиком, схватила его и тут же бросила.

– Ой, мохнатый, – сказала она испуганно.

Мяч в самом деле как будто оброс пушистой шерсткой. Андрей поднял его, постоял, склонив голову к плечу и поглядывая на верхнюю кромку зеленой стены, потом размахнулся, и в этот момент из калитки вышла Кареглазка. Она была в белом платье, невероятно коротком, в белых теннисных туфлях и голубых носочках, ее пушистые волосы были схвачены, как обручем, вязаной голубой лентой. В руке у нее была сверкающая ракетка с металлическим хромированным ободом. На фоне пышной зеленой стены Кареглазка казалась неправдоподобно прекрасной. Как серебряный голавлик на сырой зеленой траве. В первую минуту Женечка не узнала Андрея, она бегло посмотрела на него, потом перевела взгляд на Настасью, и на загорелом тугощекм лице ее появилась гримаска безразличия. Видно было, что Кареглазка колеблется: не махнуть ли на мячик рукой? Рассудительность, однако, победила. Вновь взглянув на Андрея, она вскинула на Андрея голову и что-то повелительно сказала ему по-английски.

Андрей стоял в оцепенении. Потом встрепенулся, сделал шаг к Кареглазке и протянул ей мяч.

– А, это ты. – сказала она с безразличной усмешечкой, впившейся в его сердце, как кривой осколок тонкого, почти невидимого лабораторного стекла. – Гуляешь?

Взяла мяч, умудрившись при этом не коснуться руки Андрея даже кончиками пальцев, повернулась и, выставив вперед плечо, стала бочком двигаться в полураскрытую калитку.

Сделалось тихо и пусто вокруг, даже свет померк, Андрей почувствовал себя стоящим на дне глубокого замшелого колодца, и все вокруг него, как в заброшенном колодце, пахло сыростью и чернилами.

Но тут Карглазка, словно зацепившись платьем за проволоку, приостановилась, помедлила в неловкой позе и, извернувшись, вновь оказалась лицом к лицу с Андреем.

"Как мы ее... выдернули!" – машинально подумал Андрей.

Какие еще нужны доказательства? Достаточно было ему подумать: "Не уйдешь" – и Карглазка затрепыхалась на крючке его взгляда. Он был уверен, что мысленно произнес "Не уйдешь", и разубедить его было некому.

– Ты здесь один? – упираясь ракеткой в землю, как фехтовальщица рапирой, спросила она.

Андрей покосился на сестренку, которая умильно (чем очень напоминала сейчас маму Люлу) глядела снизу вверх на ослепительную повелительницу мохнатых мячей, потом зачем-то обернулся и, чувствуя себя дураком, пожал плечами.

– Да нет, ты меня не понял, – сердито сказала Карглазка. – Экая бестолочь. Я имела в виду: ты должен отвести ее домой или можешь на кого-нибудь здесь оставить?

"Отвести ее домой" было произнесено так выразительно, что Андрей догадался: перепачканная зеленкой Анастасия Женечку раздражает. Карглазке было неприятно даже то, что эта маленькая девочка, запрокинув разукрашенное лицо, просто на нее смотрит.

– Мы с мамой, – глядя в сторону, буркнул Андрей.

Ему уже и самому хотелось избавиться от некрасивой сестренки, и он, устыдившись этого желания, злился на Карглазку и на себя. Выдумка не только жила своей жизнью, но и навязывала ему поведение.

– Видишь ли, – усмехаясь, сказала Женечка, – я в интересном положении. Папончик обещал забрать меня в десять, но вот уже двенадцатый час, все мои партнеры разъехались, а я, как мазохистка, одна на корте играю сама с собой.

Уставившись на ее ноги в белой обуви и голубых носках, Андрей молчал. Ему пришла в голову нелепая мысль, что его приглашают сделаться... как это у них называется? спарринг-партнером. Ну, это уж дудки. Андрей никогда не брался при людях за то, чего не умел: даже на велосипеде он учился кататься вечерами по дну оврага, где его никто не мог увидеть. А теннисных кортов в Щербатове вообще не было... то есть, может, они и были – на закрытых базах отдыха по ту сторону озера.

– Во-первых, мне не разрешают ходить одной по городу, – продолжала Карглазка с небрежностью в голосе, позволявшей судить, что это обстоятельство ей нравится, – а во-вторых, я не взяла с собой ничего переодеться. В такой спецодежде...

Она переступила с ноги на ногу и коротко, очень по-взрослому, даже бесстыдно произнесла:

– Ха-ха.

Андрей невольно взглянул на ее загорелые крепкие бедра, на левом был круглый темный синяк. и это повергло его в смятение. А Женечка очень понимающе и даже сочувственно переждала этот приступ конфуза и непрекращаемым тоном сказала:

– В общем, так. Отведи ребенка к маме и возвращайся, проводишь меня домой. Понял? Жду. И поскорее, пожалуйста, мне тут надоело.

Мама Люда была очень взволнована таким поворотом дел. Отложив в сторону вязанье, она попросила Андрея повторить все сначала и выслушала его так внимательно, как будто он зачитывал заявление ТАСС.

— Ну, что ж, сынок, — сказала она несуместно торжественным тоном, и носик ее покраснел от подступающих слез, — ты уже взрослый мальчик, иди. Нельзя бросать девушку в таком виде. Это, как говорится, святая мужская обязанность.

Она помолчала и совсем уже некстати прибавила:

— Ведите себя прилично.

...Кареглазка, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, стояла у зеленой калитки, на ремне у нее через плечо висела желтая сумка с ракеткой. Приближаясь, Андрей чувствовал, что она внимательно и оценивающе, в точности как мама Люда минуту назад, оглядывает его одежду. По-видимому, отметка была выставлена удовлетворительная, потому что, когда он подошел, Женечка капризно и в то же время по-свойски сказала:

— У, как долго.

Этой репликой, словно касанием руки, Кареглазка сняла с него напряжение. Сделала она это, скорее всего, бессознательно, так ей было проще самой.

Они протиснулись сквозь прижавевшую к косяку калитку, прошли вдоль кортов (одну из площадок протирал широкой шваброй седой служитель, он прекратил свою работу и отвесил Кареглазке низкий поклон, она небрежно помахала ему рукой), пересекли лужайку с живописно расставленными столиками и пестрыми зонтами, был там еще голубой бассейн, словом — все как на рекламной картинке, призывающей жить просто так.

Вышли на людную улицу, ведущую в Верхний город. Кареглазка шагала легко, словно золотоногая лань, не глядя на Андрея и не говоря ему ни единого слова. Голубую вязаную ленту, которая ее очень красила, она сняла и надела синюю заливчатскую кепку с крупными белыми буквами "Джей-Би", означавшими то ли "Джейн Букреева", то ли "Джеймс Бонд". Для прогулок по городу платьишко ее было и в самом деле коротковато, из-под него выглядывали трусики. Завсегдатаи кофейен как по команде опускали свои газеты на столики, провожали Кареглазку восхищенными взглядами, качали головами и цокали языком, следом бежали мальчишки, для них это было бесплатное развлечение, живой ролик из фильма, и они старались выжать из ситуации все, что только возможно.

— Кисс ми, пусси! — крикнул один, самый дерзкий, забегай вперед и заглядывая Кареглазке в лицо.

Заслоняя свою спутницу, Андрей плечом вперед пошел на обидчика. Кареглазка испуганно схватила телохранителя за рукав.

— Только без драки, — быстро проговорила она. — В жандармерию захотел?

Мимо, бряцая амуницией, проходил военный патруль: три темнокожих тиранозавра, побрякивающих пластинами панцирей, глаза их свирепо блестели из-за надвинутых касок. По многозначительным взглядам, которыми обменялись солдаты, можно было догадаться, что, если бы представился случай задержать Кареглазку, они бы не заставили себя просить.

– Сумку, между прочим, и ты бы мог понести, – мило улыбаясь патрульным, сказала Карглазка. – Тоже мне, кавалер из Моршанска.

Андрей взял у нее сумку, повесил себе на плечо.

– Я не из Моршанска, а из Щербатова, – ответил он.

– Это одно и то же, – сказала Карглазка.

Андрей не стал с нею спорить: он видел, что Женечка трусит, и понимал, что у нее есть основание остерегаться военных патрулей. По местным понятиям она была зрелая девица, и как ребенка ее здесь никто не воспринимал. А как солдаты, когда им никто не мешает, поступают с девицами, Андрею было известно. Карглазке, видимо, тоже.

Чтобы отвязаться от мальчишек, выжидавших в отдалении, пока пройдет патруль, они перебежали на другую сторону улицы, свернули в переулок, потом еще раз свернули. Здесь было глухо и пустынно, сплошные ограды особняков, совершенное безлюдье, у тротуара стояли легковые машины, и на запыленные тусклые крыши их, глухо тюкая черенками, падали желтые фикусовые листья.

– Ну, ситуация! – облегченно смеясь, проговорила Карглазка. – Совершенный тащ.

– Что значит "тащ"? – спросил Андрей.

– "Тащ" – значит "отпад", – объяснила Карглазка.

Вдруг она умолкла, шагая, и Андрей почувствовал, как на щеке его играет золотистый отблеск ее пытливой взгляда.

– Слушай, – сказала Карглазка, с легкостью заводя разговор на единственную тему, которая у них могла быть названа общей, – Элинка что, тебя подтягивает?

– В каком это смысле? – удивился Андрей.

– А зачем ты в школу ходишь?

– Стенгазеты рисую, стенды в порядок привожу.

– С какой стати?

– А делать все равно нечего.

Карглазка помолчала.

– То-то я и гляжу, – проговорила она, – вид у тебя не дебильный, значит, что-то здесь не так...

– А в чем, собственно, дело? – Андрей остановился. – Выражайся ясней.

Карглазка, вскинув голову, весело глядела на него из-под лихого козырька.

– Значит, ты не отстающий? – спросила она.

Школьными успехами в Щербатове хвастаться было не принято, и Андрей лишь пожал плечами. Это произвело на Женечку должное впечатление.

– Понятненько, – сказала она. – Благодарность посольства выколачиваешь. Ну-ну. Рисуй дальше. Только знай, хороший мой, что не те времена, наглядности теперь далеко не уедешь. Естественный отбор.

– Если естественный – тогда за меня можешь не волноваться, – ответил Андрей.

– Я? За тебя? Волноваться? – Карглазка засмеялась. – Да кто ты вообще такой?

Они стояли у широких решетчатых ворот, за которыми виднелся сад с подстриженным газоном. Посреди газона в качалке сидел темнокожий че-

ловек в расстегнутом офицерском мундире и с большим интересом глядел на спорящих.

– Я бы ответил тебе, кто я такой, – медленно проговорил Андрей, и лунная кровь в его сердце тяжело колыхнулась, – да боюсь, что ты испугаешься. Пойдем, на нас смотрят.

Вскоре путаница переулков кончилась, перед ними открылась широкая площадь. Дети вышли на самую ее середину, на горбатое открытое пространство – и, как это здесь часто случалось, налетел ветер, поднялась ржавая пыль, в небесах заворочалась невеста откуда взявшаяся толстая сине-белая туча, и хлынул плотный ливень. Пока бежали до ближайшего козырька над каким-то административным подъездом – промокли насквозь.

– Черт его знает, где он мотается, – проговорила Женечка, утирая ладонью залитое дождем лицо. – Выбрал дыру, могли бы в Дании жить...

Сейчас она была похожа не на дочку советника, а на простую шербаатовскую девку, застигнутую дождем: так же ругалась, не заботясь о подборе слов, так же отфыркивалась и обжимала платье, потемневшее в тех местах, где оно прилипло к телу. Стало видно, что под платьем, кроме ничтожных трусиков, на ней ничего нет.

Вдруг она повернулась к Андрею, взглянула ему в лицо. Золотистые глаза ее блеснули, как будто тоже были забрызганы дождем. Волосы промокли, и оттого головенка ее стала маленькая и темная, как, как у рыжего сеттера.

– А ты что губы распустил? – спросила она. – Есть, да не про вашу честь. Достань полотенце.

Андрей исполнил приказание и отвернулся, чтобы не видеть, как она, сунув полотенце за ворот, обтирает плечи и грудь.

– Все равно как голая, все облипло, – приговаривала Кареглазка. – Ну, куда он пропал? Может быть, за Гонконгом поехал?

– Может, и за Гонконгом, – чтобы только ее успокоить, сказал Андрей.

Но, должно быть, это прозвучало недостаточно убедительно, потому что Женечка вдруг перестала обтираться и обошла Андрея кругом, глядя на него, как на чудо света.

– Ой, какой дикий! – нараспев произнесла она. – Ой, какой крутой! Совсем папа. Ты не знаешь, что такое Гонконг?

– Почему не знаю? – возразил Андрей. – Гонконг – это выписка.

– Правильно, выписка, – сказала Кареглазка. – Вообще-то я Гонконг не очень люблю, ширпотреб, дешевка, лучше выписывать напрямую из фирмы. В фирмах сидят такие лапочки! Представляешь: забыла размер указать... ну, там одного дела. Присылают – как влитое, и приписочка: "Просим нас извинить, но нам кажется, что эта вещь вам будет впору. Примите ее без включения в инвойс как скромный знак нашей благодарности". Хитрецы! Вычислили меня на своих компьютерах. Кстати, "Неккерман" свой летний каталог прислал, скоро будем заказывать. Если хочешь, я тебя подключу. "Неккерман" – это моя любимая выписка, я и приехала к летнему каталогу. Многие у нас так и живут – от выписки до выписки. Ну, так что насчет "Неккермана"?

– Нет, спасибо, – пробормотал Андрей.

Объяснение Женечки не прояснило картину, он так ничего и не понял. Ясно было только одно: это – совсем другая жизнь. Совсем другая. Вникать

в нее – позабыть обо всем остальном. Все равно что учить язык суахили.

– А ты тоже от выписки до выписки? – спросил Андрей.

– Конечно, ответила Кареглазка. – Я же выездная. Как говорит папончик, на чью-то беду.

– В Москве, наверно, из "Березки" не вылезает? – усмехаясь поинтересовался Андрей.

Сам он в столичную "Березку" не заходил: ждал маму Люду у выхода. Ему запомнились окна, затянутые пустой холстиной (ну, хоть бы написали на ней для виду: "Храните деньги в сберегательной кассе"), и девочки, спующие взад и вперед, все миловидные, неуловимо похожие, с тупенькими носиками и остренькими глазками, раскрашенные, как жужелицы: тронь – взлетит и с фирчанием унесется.

– Ну, прямо, – пренебрежительно сказала Кареглазка. – Вся торговня одета из "Березки". "Березка" – это для таких, как ты.

Она усмехнулась и добавила:

– Извини.

Ох, как легко ей давалось это "извини".

– Ну, хорошо, – сказал Андрей, – это пока твой отец выезжает. А как на пенсию уйдет?

– Папончик у меня еще молодец, – беспечно ответила Женечка.

– Но рано или поздно...

– Рано или поздно – выйду замуж за фирмача. Лучше за новозеландца.

Кареглазка сказала это так спокойно, что Андрей отшатнулся. Как будто она окаменела у него на глазах, обратилась в соляной столб.

– А что? – засмеялась Кареглазка, приближая к нему лицо и открывая ровные голубоватые зубки. – Не за тебя же, убогого! Алый шелк – рыбий смех – новый почин.

Андрей ошеломленно молчал. Ливень между тем настолько усилился, что все вокруг стало мутно-белым, у самых их ног заплескался поток желтопенной воды, в котором, кружась, уносились к океану мириады голубых цветов.

– Не понимаю, – проговорил Андрей, – почему за новозеландца лучше. Круглый год ходить вниз головой...

– Ну, раз уж ты такой патриот своего полушария, – сказала Кареглазка, – то отвези меня домой. Я замерзла.

Губы у нее и в самом деле стали сиреневыми.

Андрей огляделся. На площади не было ни души, только у соседнего здания жались к стене несколько женщин с плетеными сумками, да из переулка на Площадь Единства медленно выплывал большой темно-синий автомобиль с широким бампером: именно выплывал, подымая коричневые волны воды. Номер у него был белый, дипломатический. "Бог простит" – сказал себе Андрей и, выскочив из-под навеса на мостовую, бросился наперерез, выставив большой палец правой руки, как это делал Ростислав Ильич.

К его удивлению, автомобиль остановился. Водитель, наклонившись, протянул руку и открыл переднюю дверцу. Это был африканец, круглолицый, улыбчивый, в ярко-синем, под цвет своего "вольво", костюме с пурпурным галетуком.

– Мэй ю гив ас э лифт? – произнес Андрей заранее заготовленную фразу и указал рукой на стоявшую под козырьком Кареглазку.

– Шуар! – улыбаясь, ответил африканец.

– Ну, ты дасшь, – сказала Кареглазка Андрею, усаживаясь. – В Моршанске все так умеют?

В машине было мягко, сухо и тепло, мерно работали "дворники", разгонявшие по зеленоватым стеклам широкие потоки воды. Африканец оказался очень разговорчивый. Он посетовал на непредсказуемую погоду, похвалил английский язык юной леди и справился, откуда молодые люди прибыли. Женечка ответила, что из Финляндии. Потолковали о суровой северной зиме, о катании на лыжах и на коньках. Вопрос о том, какие фрукты растут в Финляндии, Кареглазку не смутил. Она ответила в том смысле, что фрукты-то есть, однако их названия не переводятся на английский. Африканец сочувственно покачал головой: надо же, это ж надо.

Андрей в разговоре не участвовал. Ему было горько, как будто его обобрали – да еще надсмеялись.

Тут африканец бросил на него веселый взгляд через плечо и спросил:

– Брат и сестра?

Кареглазка ответила отрицательно: признавать мальчика из Щербатова своим братом она не хотела.

Когда миновали многоэтажный центр и въехали в район дипломатических миссий и вилл, дождь уже кончился, и за кромкой уходящей тучи влажно поблескивало солнце. К самому офису Кареглазка подъезжать не захотела. попросила высадить их на углу.

– Спа-си-бо, – произнес Андрей, когда они стали вылезать из машины.

Кареглазка метнула на него гневный взгляд, но он сделал вид, что ничего не заметил.

– Спа-си-бо, ха-ра-шо! – радостно проговорил африканец.

И добавил по-английски:

– Как прекрасны эти скандинавские языки!

Когда он уехал, Кареглазка холодно осведомилась:

– Ты нарочно? Или все-таки умышленно отсталый?

– Не вижу причины стесняться, что я из Союза, – ответил ей Андрей. – Ты в Новую Зеландию, а мне – домой.

Но Кареглазка его уже не слушала. Раздувая ноздри (в точности как советник), она глядела куда-то поверх его плеча, и глаза ее мстительно шурились. Андрей обернулся: белая "королла" Виктора Марковича как ни в чем не бывало стояла возле офисных ворот.

– Ах, так! – свирепо сказала Кареглазка. – Ну, он у меня сейчас получит.

– Ладно, я пошел, – буркнул Андрей. – Отсюда тебя уже не украдут.

– Ну, нет! – взвилась Кареглазка. – Пусть знают, что я притащилась пешком.

– А я-то тут при чем? – удивился Андрей.

– Ты – вещественное доказательство.

Калитка распахнулась прежде, чем Женечка успела коснуться черной кнопки, и дети ступили на желто-красную дорожку, толсто пропитанную дождевой водой. На фоне темно-синей уплывающей тучи, в цветах и сверкающих каплях дождя дом Кареглазки казался прекрасным, словно дворец принцессы Шиповничек... и в то же время было в нем что-то отчаянное,

что-то от заваленного свежими венками могильного холма. Так казалось сейчас Андрею, потому что Кареглазка для него навсегда умерла...

Когда приблизились к зеркальному окну, за которым, изумленно глядя на них, сидел тот самый переводчик с почти бесцветными усами под розовым накладным носом, Андрей замедлил шаги.

– Все, дальше не пойду.

– Ай, перестань кобениться! – с досадой проговорила Кареглазка и, схватив его за руку, втащила в приемную. – Ты мне нужен.

Во внутренних коридорах офиса стены были отделаны темным деревом, тихо гудели кондиционеры. Наверх вела деревянная лестница с резными перилами и скользкими ступенями.

– Иди на цыпочках, – шепотом сказала Кареглазка. – Вообще-то мы через приемную не ходим, но я хочу застать их врасплох. Чем они там без меня занимаются? Склоку, наверно, опять развели. Катька давно уехала, а им все нейдет.

Она остановилась, поглядела Андрею в лицо и сварливо добавила:

– Да брось ты прикидываться. Все в колонии знают.

Лестница привела их в просторный зал, устланный мягким фиолетовым паласом. Если бы не этот палас, можно было подумать, что Кареглазка завела его в какое-то складское помещение: в центре зала в три яруса громоздились большие картонные ящики, по полу были разбросаны обрывки желтых упаковочных лент и фигурные прокладки.

– Ха-ха! Гонконг пришел! – радостно воскликнула Женечка. – А я тебе что говорила?

Действительно, все ящики и коробки были покрыты крупными синими надписями: "Хонг-Конг-Монхэйм".

– Дженни? – послышался издали голос советницы. – Кто это с тобой?

Все еще держа Андрея за руку, Женечка обошла картонную баррикаду.

– Ах, вот они где! – сказала она злобно. – Без меня делить начали! А я отстающего привела.

Советница в широком балахоне с зелеными попугаями на розовом фоне, похожая на королеву-мачеху, сидела за журнальным столиком, на котором, в футлярах и без, были разложены подвески, цепочки, кольца и броши, все усыпанные мелкими красными камнями. Рядом и в то же время на некотором отдалении расположились две дамы: пожилая Ляля, неотрывно и завороченно, как первобытный человек на костер, глядевшая на кровавые сокровища, и Элина Дмитриевна, которая, увидев Андрея, зарделась, словно девочка, в своем всегдашнем белом вицмундире с рюшами и оборочками, и видно было, что у нее покраснели даже шея и грудь.

"Влюбилась она в меня, что ли? – в замешательстве подумал Андрей.

– Зачем ты лишнее говоришь? – вполголоса сказал он Кареглазке. – Какой я отстающий?

– А кто же ты? – лукаво спросила Женечка. – Кто же ты, если Элина Дмитриевна с тобой дополнительно занимается? В отпуск, бедная, не едет, и все из-за тебя. Вот – Гонконга дождалась. Может, теперь...

Андрей побледнел. Да, это была подлость, первый раз в жизни его так предавали. "Мастеровитый..." И никаких оснований сомневаться в словах

Кареглазки у него не было. Лицо Элины залилось свекольным румянцем, таким густым, что даже глаза ее сделались белыми.

Удовлетворившись содеянным, Женечка сменила тему.

– А почему за мной никто не приехал? – капризно спросила она. – Я что, должна ходить по городу пешком? Под дождем да еще в таком непотребном виде? Если бы не Андрей, меня бы два раза уже изнасиловали.

– Ну-ну, расшалилась, – проговорила Надежда Федоровна, она повернула к Андрею свое туго накаченное загорелое лицо со светлыми мохнатыми бровями и посмотрела на него зорким медицинским взглядом – в точности как доктор Слава.

В это время заскрипели ступени, и на винтовой лестнице, ведущей на третий этаж, появился советник. Он был в желтом махровом халате, с мокрыми прилизанными волосами и совершенно не похож на себя. Только когда он заговорил, Андрей его узнал.

– А, ты уже здесь, – сказал советник дочке. – Прости, мумзик, не смог: задержался со всей этой дрянью в таможе. Хотел послать за тобой дежурную машину.

– Долго хотел, – ответила ему Кареглазка. – Я сама пришла.

– Ты, кажется, делаешь мне выговор? – спросил Букреев.

– Нет, я выношу тебе благодарность.

Тут советник заметил Андрея, и ноздри его зашевелились.

– Позвольте, – сказал он тонким голосом, – а этот парень как здесь оказался?

– Он меня проводил, – ответила Кареглазка.

– Это хорошо, – помедлив, обронил советник и повернулся с намерением уйти наверх.

Ноги у него были голые и босые, что-то барское и в то же время низменное придавала его фигуре эта деталь. Когда Андрей сообразил, что советник вышел к людям босой, он вдруг страшно смутился и с отчаянием почувствовал, как горячая кровь медленно и неотвратимо начинает стучаться в его щеки, глаза и уши, как будто это он оказался в исподнем перед посторонними, неприязненно глядящими людьми.

– Папончик, отвези его домой, – требовательным тоном балованной дочки сказала Кареглазка.

Советник остановился на полпути. По тому, как медленно он повернул голову, видно было, что просьба Женечки ему неприятна. Но отказать любимому "мумзику" он, должно быть, не мог.

– Внизу дежурная машина, – сказал советник, глядя через плечо. "Ж" и "Ш" он произносил как "Ф", выставляя нижнюю губу ложечкой, как это делают дети. – Пусть скажет Ляле и едет.

И, шлепая босыми ногами, он удалился.

– Нсчего их приваживать, – сказала мадам Букреева. – Дай ему что-нибудь – и пускай идет пешком. Дождь уже кончился.

– Мамончик, ты гений! – облегченно проговорила Кареглазка и, наклонившись над одной из коробок, достала из нее что-то похожее на ярко начищенный медный, с большими колесами самовар. – Вот сувенир от фирмы. Бери, пока я добрая!

Она протянула эту странную вещь Андрею, он отступил на шаг и спрятал за спину руки.

– Не надо, не хочу, некогда! – умоляюще пробормотал он.

Вся беда в том, что, когда он краснел, он терял способность к осмысленному сопротивлению: или уж "не надо", или "не хочу", а "некогда" обесценивало и то, и другое. Так отец сопротивлялся выездному варианту. И Женечка Букреева будто об этом знала.

– Да ты посмотри, что за прелесть! – сказала Кареглазка, уговаривая его, точно ребенка.

Она присела на корточки и поставила п р е л е с т ь на пол. Это был паровоз с двумя трубами и несоразмерно большою, с хороший будильник величиной, желтой стеклянной фарой. Все в этой игрушке, и тендер, и колеса, и шатуны-кривошипы, и медные трубы, было сделано из добротного металла и добротво прилажено. А на том месте, где полагалось находиться кабине, установлена была четырехгранная бутылка того же желтого стекла с широкой медной пробкой.

– Ну, смотри же сюда! – глядя на Андрея снизу вверх и сердито смеясь, говорила Кареглазка.

– Бесстыдница, встань с колен! – быстро сказала ей мать. – Сколько надо повторять, чтоб не забывалась?

Вот откуда шел новозеландский фирмач, вот чьи неутоленные желания угнездились в Кареглазке, как в румяном яблочке поселяется приползший извне червячок, для фирмача мадам советница ревниво берегла те сокровища, которые Кареглазка сейчас с наивным бесстыдством выставила напоказ. До этого соображения Андрей, естественно, не дорос, он только уловил в голосе Надежды Федоровны дикую, биологическую ревность, – и спину ему окатило мурашками такого же животного страха.

– Я кому говорю? – Надежда Федоровна повысила голос.

Но Кареглазка ее не слушала.

– Ну, пожалуйста! – упрашивала она Андрея. – Смотри сюда!

И Андрей сдался. Он присел рядом с Женечкой, покатав паровоз по полу. Шатуны и кривошипы исправно двигались.

– А теперь подними бутылку! – радостно сказала Кареглазка.

Андрей приподнял штоф – послышалась тихая музыка, меланхолично вызывавшая: "Гим-на-зист-ки румяные, от мороза чуть пьяные, грациозно сбивают рыхлый снег с каблучка".

– Ну, что? – заглядывая Андрею в лицо, спросила Кареглазка. – Правда, прелесть? Нравится тебе? Скажи, нравится?

Игрушка была нелепая, громоздкая, но поди скажи что человеку, который так тебя уламывает. Получится, что претендуешь на что-то иное.

– Очень модная штучка, – обиженным голосом поставленного в угол ребенка проговорила издали Элина Дмитриевна. – У нас дома уже есть такая, только в виде автомобиля. И играет другое. Как же это...

И, мучительно похрустев пальцами, Элина Дмитриевна фальшиво и жалобно запела:

– "Слушай. Ленинград, я тебе пою..."

Это было уже слишком. Все окна оскалнились на Андрея и заржали, хватая железные решетки золотыми от солнца зубами...

И, бормоча несусразицу, Андрей схватил паровоз, поднялся и побежал по лестнице вниз.

20

Вот уж кто порадовался подарку Женечки Букреевой, так это мама Люда. Натура у нее была сорочья, и она питала пристрастие к блестящим, ярко начищенным металлическим вещам. То и дело она подходила к паровозику, установленному на единственной свободной поверхности в номере – на холодильник "Смоленск", и, склоняя голову то к правому, то к левому плечу, умиленно любовалась игрушкой.

– Какая красота! – тихо приговаривала она. – Нет, как сделано, подумать только! Какая красота!

Андрей угрюмо на нее косился. Он, разумеется, не мог рассказать маме Люде обо всех обстоятельствах, при которых ему навязан был паровозик, и потому приходилось терпеть. Мама Люда настойчиво и пристрастно расспрашивала его о том, где был вручен ему этот ценный подарок, какими словами сопровождалось вручение, кто при этом присутствовал и даже какие были у свидетелей выражения лиц. Волнующий рассказ о паровозике она готова была слушать бесконечно и очень огорчалась, что Андрей так неохотно рассказывает.

– Какой ты у меня бурчей! – жалобно говорила она. – Пару слов клещами не вытащить...

Выводы из происшедшего мама Люда сделала решительные и для Андрея совершенно неожиданные: если так – не нужно больше прятаться от Тамары, зачем обижать человека, который сделал нам столько добра?

– Нет за нами никакого следа, – внушала она отцу, – иначе советница вовек бы такого не допустила. Звягин пикнуть теперь не посмеет, поверь, я людей знаю. Что такого мы сделали? Никого не обманываем, никаких правил не переступаем, работаем на совесть – и на тяготы не жалуемся. Мы – честные, порядочные люди, страна оказала нам доверие, и аппарат тоже должен нам доверять. Не может быть у нас с тобой порочащих связей! погоди, я еще пойду к Букрееву и скажу ему: "До каких пор Звягин будет клеветать на хорошую бабу, кто ему дал право отпугивать от нее людей? Она такая же советская гражданка, как и мы все!"

– Храбрый ты зайчиха, – с сомнением говорил ей Иван Петрович, – а смысл какой? Какая цель?

– Пускай хоть разрешат ей приходить на кинофильмы в офис, это для начала. Потом мальчишечку в школу пристроит. Она, Ванюшка, в долгу не останется.

Намерения эти были прекрасны, но нужно было еще, чтобы о них узнала Тамара, а Тамара перестала заходить в "Эльдорадо" и, видимо, махнула на Тюриных рукой.

Город, однако, был невелик, и однажды вечером, возвращаясь после фильма из офиса, Тюрины повстречали "субару". Первым ее заметил Андрей и если не обрадовался, то, во всяком случае, почувствовал облегчение: постыдные прятки его тоже тяготили.

– Вот твоя, – нарочно грубо сказал он матери, – лягушонка в коробчонке...

– Где, где? – мама Люда завертела головой.

Пока она оглядывалась, Тамара проехала в двух шагах от нее, глядя прямо перед собой со скорбной улыбкой. Мама Люда запрыгала и замахала руками. "Субару", горбясь, доползла до угла, притормозила, помедлила, словно оглядываясь, – и вдруг, вспыхнув, как от счастья, яркими белыми огнями, дала задний ход.

– Где же ты пропадала, голубушка? – спросила мама Люда после первых объятий, поцелуев и слез.

Тамара с упреком посмотрела на мать и ничего не ответила. Она крепко, по-мужски тряхнула руку Андрея и наклонилась к Насте.

– Кто тебя так разукрасил, золотая моя? – спросила она.

– Мама, – ответила Настя. – Меня мурашки покусали, а мама замазала.

– Мурашки? Где же ты на них набрела?

– А в садике, где мы от вас прятались.

Мама Люда застрекотала:

– Не слушай ты ее, Тamarочка, не слушай! Болтает невесть что, дуреха нелепая!

– А почему ж вы от меня прятались? – не слушая ее, спросила Тамара Настю. – Разве я такая страшная?

– Нет, вы не страшная, вы хорошая, – простодушно отвечала Настя. – Только Звягин так разрешает с вами водиться. Говорит, у вас плохой репутет.

– Репутет? – смеясь и плача, проговорила Тамара.

– Да глупости она говорит! – Мама Люда так и плясала вокруг Тамары. – В садик мы гулять ходили, нельзя же все время сидеть в номере.

– Я все понимаю, Люсенька, – со вздохом сказала Тамара и поднялась. – Все понимаю. А девочку надо на пляж вывозить. Окунется пару раз в соленую водичку – и все ее болячки пройдут, лучше всякой зеленки. Вы ж на "Сэнди-бич" еще ни разу не были?

– Да какое там! – жалобно сказала мама Люда. – Возле самого моря живем, а только глазами его и едим, это море.

– Я могла бы вас каждое воскресенье туда возить, это двадцать километров от города. Ваши там бывают, но на культурном участке, где шезлонги и зонтики. А мы выберем дикое место, шашлыки будем жарить, хотите?

– Ой, мамочка, мама! – Настя запрыгала, заплескала руками. – Ну, пожалуйста!

Иван Петрович отнесся к этой идее с большим сомнением:

– Авантюристка ты, Мила! Ну, подумай сама: мне же у Звягина нужно отпрашиваться – или у самого Букреева. А они спросят, на каком транспорте мы туда собираемся.

– А если не отпрашиваться?

– Ну и вышлют в двадцать четыре часа.

– Ты же сам говорил, что за пустяки не высылают.

– А это не пустяки, Милочка. Это нарушение режима.

Настасья слушала этот разговор, сидя на родительской постели и переводя сосредоточенный взгляд с отца на мать и обратно. В номере стояла влажная духота, лицо девочки, отекавшее и болезненно лоснящееся, казалось старообразным и вызывало тревожное представление об иконах и церковных свечах.

– Неправда это все, – вдруг тихо, но очень убежденно сказала она.
– Что неправда, дочка моя? – повернулась к ней мама Люда.
– И не дочка я тебе, и не Дюймовочка, – отвечала Настасья. – Я Бельмочка, вот кто я. И Дерьмочка, я знаю.
– Слушай, мать, – вмешался Андрей, – она сейчас непечатно выражаться начнет.

– И начну! – сказала Настасья.

И начала. Право, жутко было слушать, как иконописный ребенок изрыгает богохульства и мерзости, которые в семье Тюриных не произносились никем и никогда: общение с Иришкой Аникановой принесло обильные плоды. Ужас и оцепенение родителей, видимо, напугали девочку, потому что она вдруг умолкла, уткнулась в колени матери и безутешно зарыдала. Успокаивать ее пришлось почти до утра...

И вопрос о выезде на море был решен.

В первое же воскресенье в семь часов утра выехали. "Субару" могла вместить хоть десять человек. В кабине рядом с Тамарой ехали мама Люда и Настя, сзади, под тентом, на мягких, пускай драных диванчиках сидели мужчины: Иван Петрович, Андрей и Руди.

Дорога на "Санд-бич" была хорошая, асфальтированная, под эвкалиптами, среди цветущих олеандров. Синь морской воды весело проглядывала за деревьями, то был еще не океан, а узкий пролив между материком и островами. Но вот распахнулась оливковая в белых шапках валов пустыня открытого океана, и даже небо над ним было не голубое, а светло-зеленое.

Свернули с шоссе, поставили машину в тени под кустами, чтоб не перегрелась для обратной дороги. Выгрузили мангал, связку шампуров, бидон с замаринованным мясом, мешок легкого и звонкого древесного угля. Еще в неисчерпаемой "субару" оказались складные стулья и складной же алюминиевый стол, все старенькое, пользованное, но добротное.

– Раньше мы с Жорой каждую неделю сюда приезжали, – сказала Тамара. – И Линдочку брали с ее молодежной компанией. На трех машинах, с кассетчиком...

Тамара говорила по-русски очень чисто, но некоторые слова, усвоенные ею уже на чужбине, никак ей не давались. Кассетный магнитофон она называла "кассет", а когда ее поправили – стала говорить "кассетчик". Слово "кассетник" она почему-то произнести не могла.

Пока взрослые разбивали лагерь, Андрей повел Настю к воде. Руди двинулся было за ними, но передумал и с неестественным азартом принялся гонять по песку Настин мяч.

"Ну и черт с тобой" – подумал Андрей, оглянувшись.

Он посадил сестренку на плечи и осторожно, бочком к прибою, стал заходить в воду. Когда ему было по под мышки и худые Настины ноги уже бултыхались в воде, океанские валы вдруг перестали быть опасны, они гремели за спиной, ближе к берегу, а здесь колыхалось корыто тихо и ласково вогнутой воды, но зато песок под ногами стал вкрадчиво жидким и поплыл в разные стороны. Встревожившись, Андрей развернулся спиной к океану, но тут меж лопаток ему звонко ударила волна, Настю подшлепнуло так, что она чуть не перелетела через его голову, а вода, внезапно поднявшись, оказалась у Андрея выше бровей. И в это время все вокруг отхлынуло, мощно

потянуло прочь от берега, и Андрей, отфыркавшись и с удивлением обнаружив себя стоящим всего лишь по пояс в воде, почувствовал, что он то ли пьется, то ли падает навзничь – с Настасьей на загорбке. В голове у него пронеслась мысль, что если это случится, то Настасья разожмет руки, и ее унесет в открытый океан. Преодолевая сопротивление воды, Андрей наклонился вперед. Тут новый вал подтолкнул его в спину, и он, с трудом переступая ногами в плывущем навстречу донном песке, пошел по груди в кипящей белой пене.

Все это продолжалось не более чем полминуты, и Настя, не успевшая даже понять, какой опасности они подвергались, облегченно засмеялась: она впервые в жизни окунулась в соленую воду. Тут Андрей услышал отдаленный крик:

– А-аа-а!

Руди, носившийся по пустынному пляжу с красно-желтым мячом, сейчас оставил свое занятие и бежал к ним издалека, бодая воздух головой и яростно двигая локтями, как будто пытался разорвать опутавшие его силки. Судя по его раскрытому рту, кричал именно он, хотя этот вопль не принадлежал никому, он просто плыл над пляжем, как газовый оранжевый платок.

Взрослые тоже бросили свою возню с мангалом, они стояли у полосы голубой жесткой травы и смотрели на Андрея и Настасью.

– С ума сходил, да? – запыхавшись, Руди подбежал к Андрею и крепко схватил его за локоть своей шершавой, как наждак, перепачканной в песке рукой. – Смотри туда! Быстрее смотри, видишь?

Андрей, спустив Настасью с плеч, обернулся к океану. Вначале он ничего не увидел, кроме взлетающей белой пены и стеклянной толщи пропитанной солнечным светом зеленой воды. Блеск и плеск, ничего больше. Но потом, проморгавшись, вдалеке, за пенистыми валами, где покачивалась спокойная вода, он увидел толстый темный предмет, косо торчавший из воды, как рубка атомной подводной лодки. Меньше всего это походило на рыбий плавник в нашем понимании слова, но это был рыбий плавник, он двигался живо и туго, и вода, отколыхиваясь, то и дело открывала скат темной блестящей спины. Рыбина сделала круг и вновь со стремительной быстротой проплыла вдоль берега, совсем невдалеке, за грядой прибоя. Потом плавник исчез под водой, вновь появился, опять исчез, и так, ныряя, стал удаляться, пока не пропал среди волн.

– Видел, да? Видел? – настойчиво повторял Руди.

– Ну, и что? – неуверенно проговорил Андрей, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. – Дельфин, я думаю.

Руди, презрительно захохотав, повалился навзничь и перекувыркнулся через голову.

– Ха! Долфин, долфин! Прыгает! Ам-ам! Кушать хочет!

Руди как будто нарочно коверкал отдельные слова, другие же у него получались очень чисто, с естественными модуляциями: "Ку-у-шить хоч-т!" Должно быть, те, которые Тамара повторяла особенно часто.

Отсмеявшись, он поднялся, приблизил к Андрию свое странно асимметричное лицо с неправильно, как бы на разной высоте, расставленными глазами, и страшным шепотом сказал:

– Это шарк, понимаешь? Как это будет – шарк? Очень опасно!

Андрей представил себе, как рядом в зеленой воде взбучает белесая холодная туша, обдирает ему бок своей чешуей, и бедная Настасья, не пикнув, оказывается со своими ручками и ножками в скорбной и мерзкой рыбьей пасти, – и у него похолодели кишки. Как дальше жить тогда? Вот это горе так горе. А то, что кто-то уезжает в Новую Зеландию, – разве это беда? Царство небесное!

– Акула? Да не может она так близко к берегу, – неуверенно сказал он. – Ей, чтобы схватить, надо еще пузом вверх перевернуться.

– Пузом вверх? – глядя на него своими слепыми эмалевыми глазами, переспросил Руди. – Это как?

Андрей объяснил. Руди залопотал, как безумный, то и дело гортанно вскрикивая, размахивая перед носом Андрея руками и повторяя по-русски:

– Понимайшь? Понимайшь?

Он втолковывал, что акуле совсем не обязательно переворачиваться плаванием вниз, достаточно слегка завалиться набок.

– Испугалась? – спросил Андрей, наклоняясь к Настасье.

– Не-а, – простодушно ответила девочка. – Ты бы меня защитил.

Шашлыки на Жориных шампурах, хоть и свиные, получились на славу. Дети были накормлены первыми и, осоловев, разлеглись на подстилке. Взрослые отнесли столик в тень и неторопливо разговаривали за едой.

– Не надобно нам роскошу и приправ чужестранных, – благодумствуя, сказал Иван Петрович, – дабы придать вкус доброте мяс и рыб...

Узкие плечи его, ноги и цыплячья грудь стали ярко-розовыми, на лицо он надвинул свой белый полотняный картуз.

– А мой, – ни с того ни с сего проговорила Тамара, – с утра накурился, сидит остекленелый... глядит перед собой и молчит.

Вислогрудая и узкобедрая, в черном глухом купальнике, Тамара стеснялась своей худобы, она похожа была на маленькую терракотовую фигурку первобытной женщины, и круглые очки, закрывавшие половину ее обезьяньего лица, этому впечатлению не противоречили. Рядом с Тамарой мама Люда выглядела даже упитанной. Впрочем, купальник ее ярко-красный "бикини", по мнению Андрея, мог бы быть и поскромней: мать семейства, не девочка.

– Ребята, – сказал Иван Петрович, – пошли бы вы, погуляли по бережку.

Но дети настолько разомлели от еды и солнца, что никто не тронулся с места.

– Я б никогда не вышла за иностранца, – понизив голос, сказала мама Люда, – ты уж меня, Тamarочка, извини. Человек в других условиях сформировался, все объяснить ему – жизни не хватит. В лес за грибами пойдешь – он тебе такого насобирает! Ужас подумать!

– Мама, ну что за глупости ты говоришь! – лениво подал голос Андрей. – При чем здесь грибы?

– Нет, Андрюша, не глупости, – сказала Тамара. – В том-то и дело, что не глупости...

Лицо ее еще больше сморщилось, она сняла очки и полезла в сумку за платком. Руди, приподняв голову, за нею наблюдал.

– А у Андрюши что мать ни скажет – все глупости, – обиженно промолвила мама Люда.

– Не сердись на него, – сморкаясь и вытирая слезы, сказала Тамара. – Если бы ты слышала, как дочка со мной говорит! "Всю печенку ты мне проела со своей Россией! Не знаю я твою Россию – и знать не хочу. Было бы там хорошо – ты бы оттуда не убегала..."

– А ты бы ей сказала: "Поезжай, посмотри".

– Не хочет. Боится, я думаю.

– Чего боится?

– А что наденут на нее ватник и заставят, как в кино, рельсы укладывать.

– Ребята, – вновь подал голос Иван Петрович, – ступайте, побегайте у воды. Раскиснете лежа на солнце.

Руди, как будто и ждал второго призыва, вскочил и, схватив Андрея за руку, стал его поднимать.

– Пойдем, пойдем! – бормотал он при этом. – Фламинго покажу, много фламингов, кр-ра-сивые!

– Только далеко не заходите! – крикнула вдогонку детям Людмила.

Оглядываясь на оливковую даль океана, по которой неправдоподобно белый на солнце плыл сухогруз, Андрей и Настя шли по глубокому песку вслед за неутомимым Руди. По недомыслию пустились в путь босиком, и приходилось все время смотреть под ноги, потому что песок был усеян острыми ракушками, клешнями, обломками панцирей, ореховой скорлупой. Андрей вначале подбирал ракушки, самые крупные валялись у кромки воды, где песок был мокрый и плотный, как асфальт: конические, губастые, разлапистые и гладкие, похожие на больших пестрых жуков... это было целое богатство, но Руди, оборачиваясь, подгонял:

– Не надо, брось! Там лучше! Много-много!

И Андрей с сожалением положил все собранное на песок – потому что Настя наколола себе пятку, и ее пришлось посадить на плечи.

Ладно, в следующий раз, беззаботно подумал он, не зная еще, что следующего раза не будет.

Вдруг Андрей почувствовал где-то рядом опасность и, замедлив шаги, огляделся. Невдалеке, у самых кустов, стояли широкие и приземистые, ниже человеческого роста, деревянные зонты, крытые сухим пальмовым листом, вначале Андрей принял их за хижины рыбаков. Под этими зонтами расставлены были полосатые шезлонги, раскиданы по песку пестрые полотенца. Там расположилась большая компания европейцев: кто лежал в полном изнеможении, кто сидел развалившись и надвинув на глаза кепи с длинным козырьком. На детей, проходивших мимо, эти люди не обращали внимания. Приглядевшись, Андрей увидел среди них могучего здоровяка с пышной черно-голубой шевелюрой и застыл на месте, как будто ноги его завязли в песке. Он узнал советника. Подставив солнцу мускулистую грудь, обильно поросшую седым волосом, Букреев держал в руке зеленую жестяную банку и разговаривал с шефом "Сельхозтехники", молодежавым дядечкой с наголо выбритой безукоризненно круглой головой. Скаля белые зубы, сельхозник подобострастно слушал советника, и время от времени, подергивая кожей головы, тихонько ржал. Рядом, держа спину в позе божка, сидела плоскогрудая Ляля, ее лицо было жирно смазано чем-то, тщательно взбитая и даже,

кажется, опрысканная лаком прическа на фоне буйного непричесанного пейзажа казалась атмосферным образованием. А в отдалении, накрыв лицо большой белой шляпой с мохнатыми краями, лежала, судя по дряблости подернутых жирком загорелых ног, сама мадам Букреева. Рядом с нею, опершись на руку, сидела фаянсовой красоты девушка в голубом купальнике бикини и в круглых радужных очках. По этим очкам Андрей ее и узнал да еще по круглому синяку на бедре. Кареглазка единственная из всех смотрела на бредущих по берегу детей и, заметив, что Андрей остановился, подняла руку ладонью вперед и часто и мелко замахала из стороны в сторону, то ли приветствуя, то ли предостерегая: "Уходите, уходите немедленно!"

Андрей растерянно оглянулся: они зашли далеко, родительский лагерь остался за лесистым мысочком.

Но в это время Руди, нетерпеливо переминавшийся с ноги на ногу впереди, громко крикнул по-русски:

– Почему стоишь? Пойдем быстрее!

У скверного мальчишки был такой пронзительный голос, что его все услышали. Виктор Маркович медленно повернулся, мадам советница приподняла шляпу и повернулась на бок. Вот и расплата, чувствуя холодное жужжание в животе, подумал Андрей.

Виктор Маркович перевел взгляд с Руди на Андрея и Настю, взгляделся, поставив зеленую банку на песок, и поманил мальчика к себе. Андрей спустил Настю с плеч, взял ее за руку и подошел. "А что такого? – говорил он себе. – Они-то здесь, а мы разве хуже?" Но страхи, впитанные с молоком матери, вскипели в его крови, как пузырьки азота...

Все смотрели на него со странным интересом.

– Это что такое? – тонким и даже веселым голосом спросил Виктор Маркович. – Почему ты здесь?

Глядя на его босые ноги, Андрей понуро молчал.

– Родители где? – осведомился Букреев.

– Там, – Андрей неопределенно мотнул головой в сторону мысочка.

– Что значит "там"? – Виктор Маркович гневно зашевелил ноздрями своего маленького носика. – На берегу? Или там, в городе?

Нужно было, конечно, ответить "В городе", и Андрей понимал это, но лгать не умел.

– Здесь, на берегу, – глядя под ноги, сказал он.

– И на чем же вы добирались? – спросил Букреев. – На лифте?

Он как будто подсказывал ответ.

– Да с этими они, как всегда, – лениво проговорила мадам Букреева, – с эмигрантами. Я давно говорила. Утекут они у тебя.

Могильным холодом пахнуло от этих слов.

Виктор Маркович помолчал, бросил взгляд на Руди, который подбоченясь стоял поодаль. Вытянул губы и сморщил их, как бы в задумчивости.

– Значит, так, – сказал он Андрею. – Передай отцу, чтобы завтра в восемь утра он был у меня в офисе. Ровно в восемь, понятно?

Андрей кивнул и отвернулся.

"Небо с овчинку..." Нужно было признать, что в этих словах заключен точный и грозный смысл. Все окружающее, и волнистый песок, и ясное небо, вдруг заворсилось, закудрявилось, завихрилось, как в картинах Ван Гога,

сьежилось в овчинную рукавицу и вывернулось наизнанку, так что Андрей и Настя оказались стоящими как бы на дне струящейся песчаной воронки, из-за верхней кромки которой на них глядели Виктор Маркович, мадам Букреева, Ляля, Женечка и моложавый сельхозник с круглой, как бильярдный шар, головой. Голова скалилась от солнца. А по линии горизонта, как по металлическому монорельсу, катился паровозик с бронзовыми колесами и ярко начищенной трубой.

– Все, ступай, – бросил Виктор Маркович и потянулся к своей зеленой банке, из которой курился беловатый дымок.

Андрей медленно повернулся и, с трудом переступая по сыпучему песку, повел Настасью назад, к мысочку, к своим. "Не слушались, не слушались, не слушались..." – шептал он себе по дороге. Это слово само шуршало, словно мелкий и жгучий песок. Жгучий, как толченное стекло, как стеклянная пыль.

– И зачем мы пошли? – глядя на него снизу вверх, проговорила Настя. – Давай не скажем!..

Андрей ничего не ответил. Скажем, не скажем – ничего не изменишь, все летит кувырком, все порушено. Ни на минуту он не сомневался в том, что лунный брат его по крови абсолютно и безоговорочно прав. С блатниками по-иному нельзя. С ними только так и надо. Только так. Только так.

Руди догнал их бегом и запыхавшись спросил:

– Ваши?

– Наши, – как можно более равнодушно ответил Андрей.

– Нельзя, да? Нельзя? – забегая вперед и заглядывая ему в лицо, допытывался Руди. – Они можно, а вы нельзя? Почему?

– Потому, – буркнул Андрей.

Руди замолчал, некоторое время он шел рядом и сосредоточенно о чем-то думал, потом сказал:

– Э! Не надо.

И, гикнув, побежал к воде, подпрыгивая и размахивая по-павианьи руками.

Взрослые отдыхали, ни о чем, разумеется, не подозревая. Женщины благоразумно пересели под хвойные кусты, в глубокую тень: Тамара совсем почернела от солнца, мама Люда тоже подрумянилась, как пампушка, хотя ее кожа была смуглая от природы, как будто она провела на пляже всю свою жизнь. Один лишь отец упрямо сидел на солнцепеке, он поставил целью в ы б р а т ь за сегодняшний день весь океанский загар. Видимо, отец подремывал, прикрыв лицо козырьком, потому что в ответ на мамину просьбу перебраться в теньчек из-под кепки донеслось невнятное:

– Ничего, так пройдет.

– А вот и деточки наши пришли, – сказала мама Люда. – Ну, как, хорошо погуляли? А Рудик где?

– Вон он там, у воды, – ответил Андрей.

Тамаре его тон, наверное, не понравился. Она пытливо посмотрела на Андрея, потом поднялась и, прищурясь, стала вглядываться в кромку прибоя, где по-прежнему шумно катились валы.

– Господи, – сказала она, – вот сумасшедший!

И побежала к воде.

Тюрины поднялись. Руди стоял по грудь в кипящей пене довольно далеко от берега, и голова его то и дело пропадала среди высоких волн. Хитрый

мальчишка нарочно приманивал к себе Тамару – естественно, для того, чтобы рассказать ей обо всем.

– Папа, – сказал, не глядя на отца, Андрей, – тебе завтра в восемь... надо быть у советника.

Иван Петрович снял кепку и медленно опустился на свой складной стул.

– Как? – резко, словно чайка, вскрикнула мама Люда. – Откуда ты знаешь? Ты его видел?

Андрей кивнул.

– Где? – шепотом спросила мама Люда и оглянулась. – Здесь?

И Андрей рассказал все как было, опустив лишь слово "эмигранты", произнесенное мадам Букреевой.

– Ванюшка, – запинаясь, проговорила мама Люда, – но ведь ты завтра не можешь? У тебя тесты.

– Какие там тесты, – тускло отозвался отец и, морщась, передернул плечами. – Кончилось все.

Добавить к этому было нечего. Все понуро умолкли. Отец поднялся, отошел в тень, надел рубаху с длинными рукавами, застегнул все пуговицы. На щеке у него вновь появилось и стало багроветь странное овальное пятно.

– Надо собираться, – глухо и невнятно проговорил он. – Собираться надо.

Все как по команде повернулись в сторону океана. Тамара уже выгнала Руди из воды, он стоял рядом с нею и, жестикулируя, что-то рассказывал. Ясное дело, что. Тонкая мальчишеская фигурка его казалась на зеленом фоне океана ярко-красной, ветер трепал короткие седые волосы его матери.

– Ай, к черту, – вдруг обозлившись, сказала мама Люда. – Вечно мы, как кролики, бегаем. Люди с нами, как с людьми, а что хорошего они от нас видят?

Никто ей не ответил: пустой это был разговор.

Тамара вернулась спокойная и серьезная, она ни о чем не стала спрашивать, предоставив Тюриным самим решать, как им поступать дальше. А Руди так и не подошел: сел на песок в центре пляжа, на самом солнце, и, не глядя в сторону Тюриных, принялся сосредоточенно пересыпать из руки в руку песок.

Посидели, поговорили о незначительных вещах. Настроение было скверное. Оставшиеся шашлыки казались мертвыми, на них не хотелось даже смотреть. Тюрины никак не могли решиться...

– Ну, что ж, – сказала Тамара, – пора собираться, не так ли?

– Да, пора, – торопливо ответила мама Люда.

В полном молчании компания свернула свой пляжный скарб. Руди не двигался с места.

– Что ж ты, мужчина мой? – сказала ему Тамара. – Иди, помогай.

Руди молча встал, взгляд его блуждал, губы подергивались. Потом он гневно фыркнул, произнес какую-то фразу и, резко отвернувшись, принялся копать ногой песок.

– Что он сказал? – спросила мама Люда.

– Так, глупости, – сердито ответила Тамара. – Он у мамы дурачок.

Но Андрей уже немного понимал жаргон своего приятеля. Смысл того, что сказал Руди, заключался в следующем: "Ты со мной по-русски больше не говори".

Беда никогда не приходит одна. Вернувшись в "Эльдорадо", Тюрины нашли на холодильнике две официальных бумажки. На красочном фирменном листе (еще колониальной печати, с отдельным написанием "Эль Дорадо") перечислялись правила для постояльцев, зеленым фломастером было заключено в рамку то место, где говорилось, что пользование электроприборами, как то электронагревателями, кипятилниками, утюгами, плитками и холодильниками, категорически воспрещается, равно как и приготовление в номерах пищи, поскольку в сеть можно включать только электробритвы, радиоприемники и фены. На другой цидулке, напечатанной на машинке, администрация гостиницы уведомляла, что при повторном использовании электроприборов, отмеченных в правилах, эти приборы будут конфискованы и копия акта о конфискации будет передана в консульский отдел соответствующего посольства. "Настоящее предупреждение является окончательным и последним, необходимые меры будут приняты незамедлительно".

Некоторое время все четверо молча сидели рядом на одной постели. Сразу навалилась духота, стало неприятно. Андрей чувствовал, как сердце колотится в самом горле, чуть ниже языка.

– А теперь мы поедem домой, в Щербатов, – полуутвердительно кивая себе, как будто беседуя с куклой, проговорила Настасья.

– Да что ж они, взбесились все, что ли? – жалобно произнесла мама Люда.

– Изжить нас решили совсем?

– Ну-ка, открой дверь холодильника, – невнятным голосом проговорил отец.

Эти слова прозвучали так странно, издалека, как будто он подал голос из погреба. Мама Люда на него поглядела.

– Ванюшка, ты что? – спросила она с беспокойством. – Плохо себя чувствуешь?

– Так, не особенно как-то... – пробормотал отец. – Перегрелся, должно быть, пройдет. Ну, открой холодильник, не бойся.

Андрей распахнул дверцу – внутри их доброго "Смоленска" была темнота.

– Все понятно, они силовую линию у нас вырубili. – с трудом проговорил отец. – Вон, на полу лужа натекла.

– Господи, – мама всплеснула руками и поднялась, – мясо к утру пропадет!

Она подошла к холодильнику, пошарила в морозильной камере, выпрямилась.

– Все разморозилось, – сказала она упавшим голосом. – Просто беда. Иван, возьми себя в руки. Иди к администратору. Да бутылку водки с собой захвати!

– Понедельник сегодня, – глухо сказал отец, потирая ладонью левый висок. Он имел в виду воскресенье, но никто его не поправил: и так было ясно – до завтра придется потерпеть.

– Так ведь жара! – ужаснулась мама Люда. – Все пропадет! Ну, вставай же! Беги, ищи электрика, он поможет. И Анджела сегодня как назло выходная. Ну, что ты такой раскислый! Мужик ты или не мужик?

– Голова как-то... – пожаловался Иван Петрович, не поднимаясь. – Как обручем схватило, и в глазах темно.

– Ах, не вовремя ты это затеял... – простонала мама Люда.

Наступила тишина.

– Ну, и что? – грубо сказал Андрей. – Похороны у нас, что ли? Все жи-
вы-здоровы. Черт с ней, с половиной зарплаты. Будем ходить в ресторан и
питаться всем назло этой, как ее, ставридой.

– Скумбрией, – неожиданно деловитым и спокойным голосом промолвила
мать. – Скумбрией с рисом. Ладно, пусть будет так, не умирать же мы сюда
приехали. Но сперва надо продукты пристроить. Ты, Ванюшка, лежи, от-
дыхай, что-то ты мне и правда не нравишься... Ох, не надо было сздить на
этот проклятый океан, чуяло мое сердце.

Ничегошеньки ее сердце не чуяло, но спорить с нею Андрей не стал. Он
принялся разгружать холодильник, время от времени поглядывая на отца.
А отец, как только услышал от матери "Ложись", тут же, как собака, лег, не
раздеваясь, даже не сбросив сандалии, и странно свернулся калачиком.

Продуктов оказалось три огромных сумки: тут были и мясо, и масло, и
колбаса, и сыр, и те консервы, которые, по мнению мамы Люды, не могли
выдержать жары.

– Как же мы все это попрем? – озабоченно спросил Андрей.

– Вопрос не "как", а "куда", – резонно ответила мама. – Сперва к Аника-
новым, потом к Ростиславу Ильичу, а дальше видно будет.

– Матвеева забыла, – угрюмо подсказал Андрей.

– А ты не остри, – обрезала его мама Люда. – Нашел время остри. Надо
будет – и к Матвееву пойдем на поклон. Какой-никакой, а все свой.

На это Андрей ничего не ответил.

И, взяв по сумке в руку, а третью, самую тяжелую, – за обе ручки, вместе,
мама Люда и Андрей вышли из номера и стали медленно, с передышками,
спускаться по лестнице. Андрей настойчиво внушал, чтобы мистера Дени не
оказалось на месте, чтобы этот человек не мог упиться своим торжеством.
И он почти добился успеха: за стойкой был другой служитель в желтом, он
с интересом проследил за тем, как мать и сын, оставляя дорожку кровавых
мясных капель, тащат через вестибюль тяжелую поклажу, и вежливо спросил,
из какого они номера. Андрей ответил. Но тут распахнулась глухая черная
дверь "дженерал-менеджера", и оттуда с суровым озабоченным лицом вы-
шел мистер Дени, уже не в униформе, а в солидном черном костюме, белой
сорочке и при галстуке. Он мельком взглянул на "гостей", и в глазах его
блеснуло торжество. По тому, как угодливо согнулся в поклоне служитель
за конторкой, Андрей понял, что произошло непоправимое: в "Эльдорадо"
сменилась власть...

Они вышли на улицу, опустили кошельки на землю и остановились пере-
вести дух. Солнце гудело, как разверстый над их головой ярко начищенный
бронзовый колокол, тротуар и мостовые казались раскаленными до белизны,
и лишь черно-синяя раскатанная колесами полоса асфальта вызывала зри-
тельное ощущение прохлады, которое тут же пропадало, когда ноздрей до-
стигал курящийся над нею смрад размягченного гудрона. От океана совсем
не веяло: он лежал за застывшими в оцепенении пальмами, как бледно
подсиненная разглаженная горячим утюгом простыня.

– Надо бы подождать до вечера... – проговорила мама Люда.

Щеки ее покрылись ярко-красными пятнами, по ним струями катился пот.

Андрей с беспокойством взглянул на нее – и, как прозрение, в голове его вспыхнула и погасла картина: он тащит толстую, безобразно рыдающую Настю сквозь какие-то мокрые кусты с большими зелеными листьями, тащит домой – и знает, что дома никого нет, никаких стариков, и никогда больше не будет... Он тряхнул головой и прогнал эту картину, как бред, но на губах остался вкус лиственного клея и дождевой воды...

– Не понесем обратно, – сказал он. – Погоди...

Он вышел на край тротуара, на самый солнцепек, и окинул взглядом широкую цветастую улицу. Машин было мало: выходной день, кто на пляже, кто сидит дома. Час сиесты. Но вот вдалеке послышалась шкворчанье шин, и из-за поворота стремительно вылетела белая легковая машина. Андрей выставил большой палец, сделал стойку... Машина поровнялась с ним – это была белая "королла" с голубыми стеклами. На переднем сиденье рядом с Виктором Марковичем расположилась мадам. Она скользнула взглядом по лицу Андрея и отвернулась. Должно быть, что-то мадам все же сказала, потому что, когда машина промчалась мимо, в заднем стекле Андрей увидел личико Кареглазки. "Королла" взвыла на подъеме и покатила по виадуку в сторону от набережной.

– Напрасно стараешься, Андрюша, – сказала, стоя под козырьком вестибюля, мама Люда. – Пойдем потихоньку, от тенежка к тенежку...

Так они и пошли...

В пансионе "Диди" Андрей долго давил кнопку звонка, за дверью стояла тишина.

– Надо было сперва по телефону, – посоветовала мама Люда, лицо ее было воспалено от жары и натуги, глаза чуть не выкатывались из орбит. – Наверно, в город ушли.

Но тут дверь бесшумно приоткрылась, и на площадку выглянуло круглое лицо с круглым глупым носом.

– Валечка! – жалобно вскрикнула мама Люда. – Никак разбудили?

– Ну, что вы, – запахивая длинный великосветский халат, Аниканова перешагнула через порог. – Я днем не сплю, в эти часы я всегда за инструментом. В музыкальной комнате у меня звонков не слышно, потом, думаю, не выйти ли посмотреть, вроде звонили...

От Валентины явственно пахло спиртным, и халат был накинута на голое тело. Вряд ли она сидела за пианино нагишом, хотя – кто ее знает. Андрей был рад убедиться в том, что он может теперь смотреть на Валентину без стеснения: та, в кожаном комбинезоне на молнии, полностью ее перебила.

– А вас-то что носит по жаре? – с напускным грубоватым добродушием спросила музыкантша. – Да еще с поклажей. Опять квартиру меняете?

По дикому блеску, промелькнувшему в ее светлых глазах, Андрей понял, что она уже все знает. Значит, Виктор Маркович позвонил Звягину, и, пока они тащились через весь город, сработала система оповещения.

В квартиру их покамест не приглашали, и Людмиле пришлось тут же, на площадке, излагать суть своей просьбы: пристроить на время продовольственные припасы. Валентина слушала молча, не перебивая, в зрачках ее глаз что-то так и крутилось, как в арифмометре.

– Вот так, Валечка, – закончила мама Люда, – таскаемся по жаре с мясом, что тебе хищники...

Андрей почти уверен был, что Валентина не станет связываться с их опальным семейством: она и держалась-то от них, как от заразных, на отдалении.

Однако Аниканова вдруг спокойно сказала:

– А что ж, пристроим. Нужно помогать друг другу в беде.

И, отступив на шаг, распахнула дверь во всю ширь, приглашая их тем самым в квартиру.

– И как вы доперли такую тяжесть! – посочувствовала музыкантша, деловито переписывая консервы (один список себе, другой – маме Люде). – Подвез, наверное, кто-нибудь из знакомых? Вы ведь такие бойкие оказались, только приехали – у вас уже весь город знакомый. Пора бы вами заинтересоваться, ха-ха-ха! Шучу.

– Да нет, на руках пришлось нести, – сказала мама Люда.

– А что же Иван, почему от мужской работы уклоняется? – с любопытством спросила Аниканова. – Или вызвали куда?

– Что ты, в воскресенье? – простодушно удивилась мама Люда. – В гостинице отдыхает.

Андрей смотрел на нее с недоумением: ведь совершенно ясно, что все эти вопросы задаются с недобрым умыслом. Но мама Люда ничего этого не замечала...

– Ах, отдыхает! – насмешливо протянула Валентина. – Какой аристократ! А я своего Васюньчика отшлифовала, он у меня тяжести за плечами и в зубах носит. Знает, что мне руки нужно беречь. Ну, ладно, это дело семейное. Давай, дорогая подруга, договоримся: если что – я тебе за продукты местными деньгами отдам. Чеками платить не буду.

Глаза у Валентины сделались совершенно прозрачными и задрожали, как стекло, когда где-то рядом проходит самосвал.

– Как это "если что"? – насторожившись, спросила мама Люда. – Мы ведь на время... может, с квартирой выгорит. Или в гостинице полегчает. А пока будем понемножечку от тебя забирать.

– Да я что? Я ничего, – тетя Валя пожала плечами. – Просто заранее оговариваюсь. Вы же их с собой в Союз не потащите, и подарки мне такие делать – тоже вам смысла нет.

– Почему в Союз? – побледнев, спросила мама Люда. – Мы месяц как приехали. Шутки ты шутишь.

– Да какие уж шутки, – Аниканова боролась с собой. Ей хотелось бы остаться бескорыстной благотельницей, выручившей в трудную минуту людей, но остановиться она не могла, как не может пересилить себя кипящий на огне чайник: он должен брякать крышкой, шипеть и плевать до тех пор, пока в нем есть вода. – Все мы под высоким начальством ходим. А тебя, дорогая ты моя подруга, я хочу предупредить... Андрей, сходи на балкон, посмотри, не идут ли из парка мои гулены. Не дала Иришка папе поспать, утащила к собору смотреть, как новобрачные фотографируются. Очень рано начала она брачными делами интересоваться. Поди, мальчик, выгляни...

Нахохлясь, Андрей покосился в сторону балкона, но не двинулся с места.

– Устал он, – оправдывая сына, проговорила Людмила.

– Ох, и бережешь ты его! – Валентина в упор посмотрела на Андрея и тем, что он не прячет глаза, осталась очень недовольна. – Красный какой-то. На море, что ли, ездили?

– Да нет, – сказала Людмила. – Просто шли по жаре.

– Ну, так вот, – Аниканова наклонилась над журнальным столиком, приблизив свой курносый нос вплотную к маминному лицу, и, зачем-то понизив голос, возбужденно заговорила. – Тут на днях я на пульте вместо Ляльки сидела, нужно было подменить, слышу – с Виктором Марковичем Звягин на лестнице разговаривает, и вроде о контракте Сивцова. Я, конечно, одним ухом пристроилась: это ж ваш контракт, я знаю, как не поинтересоваться?

Валентина сделала паузу, наслаждаясь нетерпением мамы Люды.

– Слышу, Гришка говорит: Недоволен я, Виктор Маркович, заменой Сивцова. Только приехали, а уже деятельность нездоровую развели, контактами ненужными обросли, холодильник приволокли на продажу, сразу доллары откуда-то появились. Похоже, продуктами приторговывают...

– Неправда! – возмущенно вскинулась мама Люда. – Вот уж неправда! Я такую клевету без ответа не оставлю! Я и до посла, если надо, дойду!

– Подожди, подруга, – остановила ее Аниканова. – Про какую клевету ты говоришь? На кого ссылаться будешь? На меня? А я и знать ничего не знаю. Про посла ты вообще забудь, к нему тебя и на пушечный выстрел не подпустят. До Москвы далеко, до посла высоко, но в Москву самолеты раз в неделю летают. Лучше слушай меня и не горячись. Дыма без огня не бывает. Холодильник есть? Есть. И контакты тоже есть, что греха таить, и в дипшопе я тебя видела, а откуда доллары – не сразу скажешь, да я и не спрашиваю. Ну, насчет всего остального – никто в твоих объяснениях не нуждается. Так ты будешь меня слушать, чем все дело кончилось?

– Буду, – упавшим голосом сказала мама Люда. – Только ты не кричи так громко, в ушах звенит.

Тетя Валя отодвинулась:

– Погоди, – проговорила она, вся вибрируя от торжества, – еще не так зазвенит! Я, Людочка, сама обмерла. Да что ж, думаю, такое, как это можно с людьми так жестоко поступать? Если совершили ошибки – первый выезд, всякое бывает, дайте им возможность исправиться, укажите, поправьте, пригрозите. С вами ведь никто не беседовал?

– Никто, – прошептала мама Люда.

– Ну, тогда не знаю, что и думать. На моей памяти это первый случай, чтобы так высылали.

– Подожди, – Людмила сделала слабую попытку возразить, – никого еще не выслали. Что советник ему ответил?

– А ничего! – торжествующе закричала Аниканова. – В том-то и дело, что ничего. Только и спросил: "А на работе он как?"

– Вот-вот, – оживилась Людмила. – Главное – работа!

– Ну, Гришка ему и отвечает: "Да так, – говорит, – ни рыба, ни мясо, от общественной нагрузки уклоняется, в кино в офисе не ходит. Фильмы ужасов предпочитает, и на семинарах еще ни разу не выступал".

– Да неправда же это! – закричала мама Люда. – Не выступал потому, что

робкий, деликатный, выхваляться не любит. Ни на каких ужасах он отроду не бывал, а в кино в офисе мы вместо него ходим, он к лекциям готовится. В прошлый раз, например, были. фильм показывали этот... ну, как его? Андрей вспомнит.

Она умоляюще обернулась к Андрею.

– Мама! – грозно сказал Андрей. – Мама, пойдем!

Но она как будто этого не слышала. Вскочила, заметалась по холлу, ломая руки, кудельки ее взмокли, лицо заблестело от пота, нос заострился.

– Ой, ну как же это можно! – повторяла она. – Как же это можно с людьми так поступать? Что ж мы, куклы бесчувственные?

Большое удовольствие она доставляла своим поведением тете Вале: та водила за нею своим круглым носом, и прозрачные глаза ее лучились.

Андрей, не выдержав, подошел и взял маму Люду за локоть.

– Мама, Настя кушать захочет, а отец спит...

...Это была находка. Мама Люда перестала метаться, остановилась посреди холла, видно было, что она мысленно повторяет эту фразу в уме: "Настя кушать захочет, а отец спит". Картина вырисовывалась ужасная.

– Да-да-да, – торопливо забормотала она, – засиделись мы, пора нам, спасибо тебе, Валечка, милая, и за помощь, и за совет.

– Что совет? – великодушно сказала Аниканова и тоже поднялась. – Совет денег не стоит. Вот если б ты за бараном ко мне пришла – тут уж нет, чего не имеем – того не имеем.

Когда мама Люда с Андреем вышли на улицу, уже повечерело. Небо стало темно-желтое, в нем чернели веера пальм.

– Ну, зачем ты так перед ней тряслась? – пенял матери Андрей. – Врет она все, я по лицу вижу. Врет, чтобы тебя помучить, чтобы ты еще потряслась. И отцу не надо рассказывать ничего, он тоже трясется. Эх вы, трясуны вы несчастные!.. Жили бы по правилам, раз трясуны. Правила для того и написаны, чтобы такие, как вы, не робели. Ты же первая начала жульничать, кто тебя под бок пихал?

Мама Люда шагала быстрыми мелкими шажками, лицо ее, освещаемое рекламами и витринами, то вспыхивало ярко-розовым, то зеленело, и тогда губы становились черными.

– Господи, – говорила она, не слушая Андрея, но постепенно успокаиваясь от монотонного его бубнения, – господи, только бы у них там ничего не случилось. Настя кушать захочет, а отец спит...

Но ничего не случилось: когда они вернулись, отец и Настасья мирно играли в "Пестрые колпачки". Настя выигрывала и торжествовала, а отец, морща лоб и ероша кудлатую голову, изображал, что ужасно огорчен. Изображал он очень неумело, но ребенку и такого обмана было достаточно.

– Мама! Батя! – закричала Настасья. – А папке нашему всю жизнь не везет!

Маму Люду эта идиллия повергла в иступленное умиление.

– Лапушки вы мои, дорогие мои! – со слезами на глазах кинулась она обнимать мужа и дочку. – Играют, деточки мои золотые! Ничего, ничего! Будем держаться вместе, раз такая беда!

И при этом все глядела, все оглядывалась на Андрея, стоя на коленях возле кровати: прималивала, чтобы и он пал рядом с нею на колени, слился

в общем семейном экстазе, разделил ее умиление... Но Андрей стоял, как бесчувственный, набычась и глядя на сетчатое окно. Он и думал про себя: "Вот – стою, как бесчувственный"... Как будто он заглядывал в чужое купе или досматривал последние кадры какого-то странного фильма. Камера отплывала: фигуры долговогозого мужчины, маленькой женщины и белобрысой девочки уменьшались, становились, словно впаянными в электрическую лампочку, слабо горящую посреди темной клетушки... Вот она была, его мыслимая Вселенная, которой он судья и хранитель.

22

Утром, ранехонько, путь не близкий, поднялись, напились чаю из термоса и все вчетвером отправились в офис, чтобы успеть к восьми назначенным часам. Иван Петрович хотел нести свой крест в одиночку, но Людмила сперва попросила Андрея пойти с отцом, а потом, поколебавшись, и сама решила и разбудила Настасью. Расчет у нее был такой, что, может быть, вид дружно кающегося семейства смягчит начальственные сердца.

Настасья идти ножками заленилась. А Андрею до смерти надоело таскать ее на руках, и разнообразия ради он понес сестренку, как Горе-Злосчастье, на закорках. Местные шли по пятам и радостно смеялись, а Настасья оборачивалась и казалась им язык. Родители шагали впереди и разговаривали: все репетировали предстоящий разнос. Говорила, впрочем, больше мать, а отец отзывался глухо, вроде как из-под воды.

– Ну, а если он тебе скажет... Нет, а если он возьмет да спросит!..

– Бу-бу-бу, – отвечал отец.

Очень беспокоили маму Люду десять долларов, о существовании которых Андрей услышал только вчера. Нет, мама Люда не умела жить в ладах с законом: оказывается, она не только взяла у Тамары зелененьких (рассчитавшись с нею местными по черному курсу), но и пошла делать покупки в дипшоп, даже корзиночку успела набрать, однако вынуждена была все бросить и сбежать, поскольку явились торгпредские. Теперь, раз уж и Валентине известно, отпираться в этом вопросе бессмысленно. Мама Люда предлагала списать все на Бородина (мол, оставил лишние и уехал), но Андрей решительно воспротивился, и, подумав хорошенько, мама Люда с ним согласилась. Оставалось одно: говорить правду...

– А мы папу не в тюрьму ли ведем? – наклонив голову к самому уху своего "Бати", громким шепотом спросила вдруг Настасья.

– Нет, к советнику, – ответил Андрей. – Ты сиди, не ерзай, а то на ноги спущу.

– А что советник с ним сделает?

– Поругает и отпустит.

– Куда? В Щербатов?

– Типун тебе на язык.

Так они шли на свою голгофу, и дорога все время была в гору, и тротуарные плитки дыбились под ногами, и солнце над крышами уже охватывало ясным пламенем сухие, как хворост, верхушки садов.

Еще ни разу Андрей не вступал на территорию офиса в такую рань. Сад был окутан розовым туманом, сквозь этот акварельный туман красиво проступали высокие и тонкие, с изогнутыми стволами, пальмы. Зеленая шуба,

наброшенная на левый угол особняка, блестела от обильной росы, разновеликие окна, сверху донизу забранные кружевными решетками, казалось, блаженно улыбались спросонок... А внутри мертвым сном спала Кареглазка.

По красно-желтым с серой оторочкой дорожкам у павильона поодиночке, но, словно сговорившись, руки за спину, прогуливались Григорий Николаевич, Матвеев, Игорь Валентинович и Ростислав Ильич. Лица у всех четырех были одинаково холстинные: не то чтоб строгие и пасмурные, но – озабоченные неинтересной заботой. Андрей боялся, что никто не пожелает с отцом разговаривать, но его опасения оказались напрасными. Когда отец приблизился к коллегам, Владимир Андреевич первым протянул ему руку и поздоровался приветливо и даже участливо, как ассистент хирурга с доставленным в операционную больным. Все четверо обступили отца и стали совещаться. Мама Люда с детьми осталась у входа, до них доносились лишь обрывки фраз:

– Нет, об этом не надо... Об этом Володя... А зачем тебе напоминать?... Тут я все беру на себя... А уж здесь как получится...

Чем-то эти солидные вузовские преподаватели были сейчас похожи на старших школьников, провожающих однокашника в учительскую на разнос. Больше всех горячился Игорь Валентинович. Генеральский зять пришел сегодня без очков, и лицо его казалось босым и озябшим, как у отлепившего накладную бороду актера.

– Уот зи хелл! Какого лядя! – размахивая руками, подступал он к отцу. – Почему ты не пришел ко мне, фэйс ту фэйс? Я тебя в аэропорту принимал, я за тебя, как акушер, отвечаю!..

– Собрались, дакальщики... – стиснув кулачки, сказала мама Люда.

– Мама, ты не понимаешь, – возразил Андрей. – Они защищать нас пришли...

– Ну, прямо, как же... – побледнев, ответила мама Люда.

И с натужной веселостью, взвинченно дергаясь, крикнула:

– Ванюшка, мы в дипшоп пойдем, купим тебе бутылочку! Там и ждать тебя будем, слышишь?

В это время за калиткой прошуршали колеса, и от храбрости мамы Люды не осталось и следа. Подскочив, как воробиха, она засуетилась и стала подпихивать Андрея в спину: "Скорей! Увидят! Да скорей выходи!"

Однако калитка распахнулась, и Виктор Маркович, высокий, пышноволосый, в небесно-голубом "сафари", мельком бросив на Людмилу взгляд, крупными шагами прошел мимо. Звягин двинулся навстречу ему, но советник остановил его короткой репликой:

– Подождите.

Выходя, Андрей оглянулся: отец, весь желтый, с восковым лицом и совершенно погасшими глазами, смотрел им вслед. Кудрявая шевелюра и красное пятно на одной щеке делали его похожим на недокрашенную глиняную игрушку.

... Дипшоп представлял собой просторное двухэтажное здание, напоминающее кинотеатр, на его фасаде день и ночь мерцала обширная световая реклама, единственная исправная во всем городе. Мимо этого здания Андрей проходил много раз, но черту избытка перешагнул впервые. Внутри дипшопа был замороженный кондиционером воздух, у входа стояли хро-

мированные, как на таможне в Шереметьеве, каталочки с красными ручками, а дальше, вместо контрольного барьера, – сплошная стена кассовых кабин с табличками "Доллары США", "Фунты стерлингов", "Чековые книжки" и еще какие-то "Трэвел-чеки", видимо, имеющие широкое хождение в этой иной, беззастенчивой жизни.

За электронными кассовыми аппаратами сидели красавицы-мулатки, все, как одна, похожие на Нефертити в высоких своих небесно-голубых клобуках. Они уверенно пересчитывали диковинные алюминиевые, латунные и никелевые монетки, не поднимая при этом глаз на покупателя, затем сверялись с курсом и, давая сдачу, внезапно распахивали свои огромные глаза и ослепительно улыбались. Когда две или три кассирши делали это одновременно, становилось как-то не по себе.

Первый этаж был отведен под гастроном. Хмуро и недоверчиво Андрей глядел на стеллажи, на которых громоздились штабеля ярких банок, фестивально расцветенных коробок, высились горы пакетов с овощами, имевшими неправдоподобно глянцевый, муляжный вид. Если перчики, которые у нас называют болгарскими, – то совершенно одинаковые, ровно повернутые в одну сторону румяными боками, если картошка – то нежно-розовая, чистая, как пятки младенца... Этот фестиваль изобилия был страшен в сравнении с той пустотой, которая царила на базарах и в лавках города. Не ведающие об этой голодной пустоте дипломатические женщины, весело переговариваясь на всех языках мира, нагружали свои коляски сказочной снедью. Андрей смотрел на них, как на людоедок: подумать только, эти бабы покупают на валюту жратву! Да еще, наверно, каждый день. Местных покупателей в дипшопе не было, только темнокожие служители в желто-голубых униформах, они караулили покупательниц при входе и катали за ними колясочки, почтительно останавливаясь всякий раз, когда мисстрис задерживалась возле какого-нибудь стеллажа.

Какое раздолье тут было бы для Эндрю Флейма и его верных ребят! Какой лихой налет они могли бы совершить на этот ледяной дом! Витрины – вдребезги, деньги – в огонь, а пестрые ящики с бесстыдной пищей – на улицу, голодной толпе... Вдруг замерло все, запрокинулись лица: там, наверху, возле огненных букв "Фри-такс" появился ОН – в своем неизменном клетчатом пиджаке, в черном берете, с негустой бородкой на широком бледном лице... И, как трава, над толпой заколыхались вскинутые темные руки. И не стало нигде изобилия.

– Привет, патриот! – раздался вдруг знакомый возглас, и девичья рука довольно крепко хлопнула его по плечу.

Андрей встрепенулся: перед ним стояла дочка советника: то, что она для него умерла, не мешало ей, оказывается, посещать по утрам дипшоп и выбирать для себя что-нибудь сладенькое. Женечка Букреева ничем не отличалась от других буржуазок, она совершенно уже созрела для новозеландских универсамов, и служитель, возивший за нею коляску с детскими лакомствами, терпеливо ждал.

– Ты что, не рад меня видеть? – с коротким смешком спросила Кареглазка и, слегка встряхнув его за плечо, отступила на два шага. – Или я сегодня не такая?

Андрей молчал. Нет, она была т а к а я: в белой майке с голыми по

под мышки руками, в белых брючках, не ведающих, что такое земная грязь, вся олицетворение той самой лабораторной, подколпачной чистоты, девушка из счастливого послезавтра... Не та к и м было сегодня выражение ее лица: в каждой черточке его, в складе губ и прищуре глаз читалось, что Женечка помнит о своем шикарном подарке, гордится своей щедростью, убеждена, что Андрей осчастливлен безумно, и хотела бы получить тому лишнее подтверждение. По законам вежливости в эту минуту, может быть, и в самом деле полагалось сказать что-нибудь дружелюбное ("А паровозик-то твой – играет!"), но при одной мысли об этом мальчик внутренне содрогнулся.

– Фу, какой бука, – недовольно сказала Женечка. – Заболел?

– Да... неприятности у нас, – неохотно проговорил Андрей.

– А что такое?

– Да ты же знаешь, – с досадой сказал Андрей.

– Понятия не имею.

– Ну, вчера, на пляже... – напомнил Андрей, еще не веря тому, что было уже очевидно.

– А что стряслось вчера на пляже? – удивилась Кареглазка.

– Нам не положено.

– О господи, – сказала Женечка, – брэд ов сив кэйбл, бред сивой кобылы. Что значит "не положено"? Ну, отругает папончик, непечатным словом назовет, от этого никто не умирал. Он же за всех вас отвечает. Вам только волю дай – все расползетесь...

Она еще раз взгляделась в лицо Андрея.

– Нет, май притти уан, – проговорила она, покачивая головой. – Нет, мой миленький, естественного отбора тебе не пройти. Слаборазвитый ты. Ну, да ладно. Куда привезти каталог "Неккермана"?

– В "Эльдорадо"! – подпрыгнув от радости, закричала Настя. – Мы живем в "Эльдорадо", в номере триста пятнадцать!

И, сияя всем своим изукрашенным зеленкою личиком, ни с того, ни с сего прибиавила:

– А я, когда вырасту, тоже буду иностранкой.

Женечка Букреева даже не взглянула на Настю, как будто это прострекотал сверчок.

– "Эльдорадо", триста пятнадцать, – повторила она.

И, сделав знак своему катальщику, Женечка величественно удалилась. При этом она рассеянно, как в театре, поглядывала по сторонам – в точности, как мадам советница, даже еще более свысока. Ну, еще бы, благотворительница, глядя ей в спину, подумал Андрей, добровольная разносчица фирменных каталогов по приютам золотушных детей... был он сознательно несправедлив к Кареглазке, нарочно старался измыслить что-нибудь едкое, уничижительное – чтобы прогнать от себя радостную догадку, что Кареглазка заманивает его в какую-то долгосрочную и, несомненно, остросюжетную игру: сегодня, сейчас, когда так плохо с семьей, упиваться этим открытием было бы нечестно. И была еще одна, гаденькая мыслишка: "Теперь-то уж, наверное, все обойдется, Женечка нас защитит..."

Едва только дочка советника скрылась в проходе между стеллажами невесты откуда выскочила мама Люда.

– Ты почему улыбаешься? Что она тебе сказала?

– Сказала, что все это пустяки, – ответил Андрей. – И ничего я не улыбаюсь.

Мама Люда открыла рот и произнесла: "А..." Подумала, поглядела вслед Женечки Букреевой, и на лице ее проступило горькое разочарование.

– Молодая еще... – кивая своим словам, проговорила она. – Все для нее пустяки, горя еще не видела.

Настя тянула маму Люду на второй этаж, где, по ее предположениям, должны были продаваться игрушки, даже в такой печальный день она пыталась что-то, говоря по-щербатовски, **в ы з в я г а т ь**.

– Вот останусь здесь и умру! – плаксиво говорила она.

– Я тебе умру! – отвечала ей мама Люда. – Только попробуй!

Расплатились, вышли на улицу. День уже разгулялся, в тени под цветущими деревьями было душно и влажно, пахло разопревшими банными венниками. Здесь и решили ждать отца. Подняв прозрачный пластиковый мешок, Андрей разглядывал содержимое. Мама Люда купила бутылку черного ямайского рома и банку каких-то орешков.

– О. "Красное сердце"! – услышал он за спиной знакомый скрипучий голос и чуть не выронил пакет. – Убойная жидкость – именно то, что нужно сейчас вашему папеньке.

Ну, разумеется, это был Ростислав Ильич – розовокудрый, лучезарно улыбающийся, совсем не похожий на того вершителя судеб, члена тайного совета, которого они видели полтора часа назад.

Мама Люда побледнела.

– А Ваня где? – еле слышно спросила она. – Что с Ваней?

– Да что с ним может быть? – весело отозвался Ростик. – Получил свою дозу и отправился в гостиницу. Вот – прислал меня предупредить, чтоб не ждали.

Наступила тишина. Настя тоже перестала хныкать.

– Ну, и что там у вас было? – спросила, помолчав, мама Люда.

– Ничего особенного, – сказал Ростик. – Обсуждался вопрос о нарушении режима. Неразборчивые контакты, самонезащита от коллектива... вот, пожалуй, и все. Надо отдать справедливость: держался ваш папочка мужественно. "Ни стога из его груди, лишь бич свистел играя..." Григорий Николаевич побуженал для порядка, я тоже произнес пару-тройку нелицеприятных слов... Так надо, дорогие друзья. Есть такое великое слово: "Надо"!

Андрей смотрел на него исподлобья: нет, все-таки Ростик чувствовал себя виноватым. он и пришел сюда заглаживать вину, и веселость его была неестественной.

– О чем я там говорил? Пожалуйста, секретов из этого не делаю. "В то время как мы на передних рубежах защищаем честь и достоинство советского человека..." Ну, и так далее. Это, знаете ли, как бесплодная женщина выступает с высокой трибуны: "В то время, как мы, бабы, в муках рождаем детей..." Кто на самом деле рождает детей – тот не кричит об этом с трибуны. Запомни. – Ростик вновь обратился к Андрею, – кто говорит, стуча себя в грудь: "Мы – честные труженики..." – не верь тому человеку.

Мама Люда слушала, страдальчески напругшись, как будто он говорил на иностранном языке.

– А что Владимир Андреевич! – спросила она. – Вот уж кто, наверное, душеньку отвел!..

– Напрасно вы о нем так плохо думаете, – укоризненно сказал Ростик. – Володя взял всю вину на себя: не проследил, не остерег, не подключил. Теперь он будет вашим куратором.

– Ну, и чем же все кончилось? – допытывалась Людмила.

– Кончилось? – юмористически переспросил Ростик. – Ну, если это так важно, то кончилось тем, что т-щ Букреев супруга вашего магом покрыть изволил... в знак прощения, согласно старинному народному обряду. Теперь на собраниях вволюшку поклоняют: "Феномен Тюриных, случай с Тюриными, тюринщина как таковая..." Новичкам вас будут показывать: "Вот, мол, и есть те самые Тюрины". И так года два... пока не забудется.

Должно быть, на лице Андрея отразилось смятение, потому что Ростислав Ильич, мельком взглянув на него, резко себя оборвал.

– Ну-с, друзья мои, прошу прощения, вам домой, а я загляну в сей храм разврата. Жена кольцо с опальчиком заказала, а лучше не одно: на каждый пальчик – свой опальчик. Как славно, что наши женщины не ходят босиком...

– Погодите, Ростислав Ильич! – взмолилась Людмила. – Что-то я вас так и не поняла. На чем все-таки порешили?

– Да ни на чем! – с досадой ответил Ростик. – Что вы, ей-богу... Это ж острастка, театр. Ну, сделали строгое предупреждение, через два года заведутся другие грешки. Желательно, конечно, совершить какой-нибудь подвиг... Советую Ивану спасти утопающего. Роль утопающего могу сыграть я, оплата по договоренности – долларами, разумеется.

– Не понимаю... – пробормотала Людмила. – Так нас... не выселяют в двадцать четыре часа?

– Мама, уймись! – сказал Андрей. – Ну, пожалуйста!

А Ростислав Ильич засмеялся.

– В двадцать четыре? Это что же, спецсамолет для вас запрашивать? Ну, уж лудки. Высылка, дети мои, – это слишком большая честь и большая роскошь, вы этого не заслужили. Но впредь оказываться в неподобающем месте с неподобающими людьми – не советую. Соблюдайте достоинство советского человека.

– Да что вы! – истово воскликнула Людмила. – Да мы... Да я... Да никогда больше!

Ростислав Ильич посмотрел на нее с печальной улыбкой.

– О господи! – проговорил он.

И, повернувшись на высоких каблуках, пошел прочь – маленький кучерявый несчастный альбинос.

Мама Люда долго глядела ему вслед.

– Ну, Аниканова! – сказала она, сжав кулачки. – Ну, Валентина! Психопатка проклятая...

– Пошли, мама, будет тебе, – сказал Андрей и потянул ее за рукав. – Я ж говорил! Говорил. А ты меня не слушала. Хорошо, что все уладилось.

Но ничего не уладилось: расплата была еще впереди.

Поднявшись на третий этаж "Эльдорадо", Тюрины увидели дверь своего номера распахнутой. Иван Петрович лежал на постели, странно подвернув руку.

– Ну вот, пожалуйста, спит, как младенец, – нарочито бодрым голосом проговорил Андрей, стоя на пороге предбанника, однако ноги у него, как тогда в самолете, сразу ослабли, и пятки зашекотало пустотой раскрывающейся под ним бездны.

– Ванюшка! – вскрикнула мама Люда и, бросившись к постели, схватила мужа за плечи.

Отец не двигался.

– Это папа так играет, – уверенно сказала Настасья. – Лежит, а потом – ам!..

Уткнувшись лицом в обслепляющее покрывало, отец что-то невнятно пробормотал, рот у него был скошен, открывался желтый полустертый клычок, глаз тоже скошен и тускл, как алюминиевый.

– Ты что, выпил? – наклонившись к его лицу, спросила мама Люда.

Но Иван Петрович был трезв. Когда жена и сын с большим трудом перевернули его на спину, увидели искаженное темно-багровое лицо с полужакрытым левым глазом: рот приоткрыт, язык едва шевелится, как будто распухший...

– Ванюшка! – закричала мама Люда.

– Ну, что ты шумишь? – одернул ее Андрей, сам смертельно напуганный. – Перенервничал человек, спокойствие нужно и тишина.

А кто-то другой, живущий у него в груди, вдруг громко и трезво сказал: "Ну, вот и решилось. Вот и решилось".

23

Ровно через пять дней, в субботу, Андрей сидел на складном брезентовом стульчике в малом холле квартиры Матвеева и сосредоточенно ощупывал свою голову. Странно было делать это, запуская большие пальцы под надбровные дуги: такой маленький костяной шар, обтянутый мохнатой кожей, – и это все, это – весь ты, остальное лишь фурнитура. Вчерашние горести, сегодняшние хлопоты, завтрашние заботы, все, что известно о тебе лишь тебе, от Эндрю Флейма в черной беретке до ослепительной бандитки в кожаном комбинезоне, от огненно-красной палатки на луговине у Ченцов до пряничного терема спящей вечным сном Кареглазки... вообще все, что тебе известно, включая историю Вселенной от Большого Взрыва до наших дней и географию, экономическую и физическую, Союза и Офира и тех дивных островов, на которых ты никогда не побываешь, – все это заключено в бугристом костяном шарике. Иногда в его темной глубине начинает светать – и ты видишь что-то очень простое, настолько простое, что становится страшно...

Малый холл размещался на черной половине, здесь сейчас были сложены все отошальные тюринские пожитки, и никто сюда, слава богу, не заходил. А в большом горчичном зале гудели голоса, там толпился народ, собралась вся группа Звягина – с женщинами и детьми. Парадная дверь была нараспашку, всяк входил и выходил, когда вздумается, как на свадьбе или на похоронах. Говорили, что должен заехать советник, но уж это кто-то хватил через край: ничего и никому Виктор Маркович не был должен.

А в переднем углу в широком кресле сидел Иван Петрович, руки его

неподвижно лежали на толстых валиках, на бледном длинном лице блуждала конфузивая улыбка. Каждый вновь пришедший почтительно приближался к нему, словно к патриарху старинного рода, и говорил что-нибудь доброе и глупое.

– Ничего, ничего, главные трудности уже позади!.. Мы еще встретимся – на новых широтах!..

Иван Петрович сосредоточенно слушал, улыбался и кивал, время от времени отчетливо произнося:

– Да, спасибо, большое спасибо.

Андрей не мог находиться в горчичном зале: ему было больно смотреть на отца. Сердце его покрылось черствой сухой коркой, под которой далеко в глубине кислотовато дышал теплый мякиш младенческого отчаяния: "Папочка, папа, прости меня, папа!"

Григорий Николаевич, расхаживая по холлу, рассказывал утешительные истории о том, как людей вывозили из жаркого климата чуть ли не ногами вперед, а целительный воздух Союза в три дня поднимал их, и они тут же кидались заполнять новые выездные анкеты.

Валентина Аниканова, неуместно нарядная в своем лиловом балахоне с желтыми бабочками на груди, сокрушалась, что не приютила Тюриных месяц назад у себя в пансионе "Диди":

– Ведь была у меня такая мысль, ведь была! Надо слушать свою интуицию...

Игорь Валентинович доказывал, что подобные происшествия приравниваются к ранению при выполнении интернационального долга.

– А что, Григорий, – говорил Ростислав Ильич. – Разве группа у нас такая маломощная? Разве не под силу нам составить ходатайство об улучшении жилищных условий? В Шербатове наша бумага должна произвести впечатление...

– Если ее хорошо подписать! – слышал Андрей едкий, высокий, приплюснутый голос Матвеева. – Вот и займитесь. Ростислав Ильич, вы же юрист, вам и карты в руки. Советник наверняка завизирует, а я в посольство, в объединенный местком предложу, в качестве приложения к характеристике. Что скажешь, Григорий Николаевич?

– Ну, что ж, – глубоким сочным баритоном отвечал Звягин, – дельное предложение, надо обмозговать.

Все добры были к ним, разоблаченным блатникам, выдворянам.

С "Эльдорадо" распрашивались три дня назад. Горничная Анджела плакала, мистер Дени самолетно проводил Ивана Петровича до университетского фургона, поддерживая его под руку, и на прощание выразил уверенность, что в "Эльдорадо" господа Тюринги еще вернутся.

– Двери в нашу гостиницу всегда открыты для вас! – торжественно заявил он, ничем при этом не рискуя. – Равно как и наши сердца.

Красноречие толстяка объяснялось тем, что он был щедро одарен. Мстительная Людмила оставила ему электроплитку, и администратор был сражен тем же оружием, которым он Тюриных допекал: отказаться от фантастически дорогого (для Офира) подарка мистер Дени не смог, хотя и очень боролся с собой, предлагая Людмиле деньги, решительно ею отвергнутые, – и остался, должно быть, в убеждении, что эти русские – безумный народ.

Между тем в безумии Людмила прослеживалась определенная логика. На холодильник "Смоленск" имелось множество претендентов, но достался он не кому-нибудь, а Владимиру Андреевичу – правда, с обязательством расплатиться по возвращении сорублями.

Паровоз из Гонконга стоял сейчас в большом холле на секретере, желтый штоф был наполнен дорогим питьем из дипшопа, подаренным коллегами, и всякого вновь приходящего Людмила приглашала, обворожительно улыбаясь: "Угощайтесь, пожалуйста". Тогда до Андрея доносилось механическое треньканье, впивавшееся в его мозг, как тонкая стальная проволочка, и он, скрипя зубами, еще крепче охватывал пальцами свою маленькую бедную голову и ощупывал ее, как чужую.

"Все пр-ра-шло, все умчалось в бесконечную да-а-аль..." – вызванивал механизм, вкладывая в эту песню всю истовость своей пружинной души.

Как хорошо, как спокойно, наверно, быть вещью. Не просто неодушевленным предметом, а именно вещью, хорошо сделанной и ни в чем не повинной...

– Выпейте, выпейте за нашу счастливую дорожку! – заплаканным голосом повторяла Людмила, наступая на новопришедшего, тесня его к секретеру, настырная, как Екатерина Медичи. И, поскольку нельзя было не восхититься играющей в это время музыкой, назревал естественный вопрос, откуда ж взялась эта дивная вещь.

– От семьи советника, на прощанье, – отвечала Людмила, и наступала благоговейная тишина.

Всего неделю назад Андрей, услышав такое, пришел бы в неистовство. Но сейчас девичья хитрость мамы Люды, шитая белыми нитками, вызывала в его сердце жалость – настолько острую, что хотелось скорчиться и замереть... Все свои душевные силы мама Люда бросила на то, чтобы показать, что Тюриных не прогоняют, не высылают, что они уезжают с достоинством, как люди. Еще один шаг – и они будут уверовать, что с радостью покидают Офир, и сама рано или поздно в это поверит.

"Нынче муха-цокотуха именинница..."

Лишь одного человека Людмила не удостоила причащения к паровозу: доктора Славу. Весть о том, что Иван Петрович перенес приступ, распространилась по совколонии с непостижимой быстротой. Доктор Слава явился в "Эльдорадо" деловитый и важный, он прямо-таки всплеснул ручками от ужаса, когда увидел, в каких условиях находится больной, и сурово отчитал Людмилу за легкомыслие:

– Вот так вот прячемся от врачей, а потом руками разводим, когда цинковый гроб приходится сопровождать. Контракт продлите – жизнь не продлите!

Доктор Слава поставил диагноз "геморрагический инсульт" и грозно объявил, что будет ставить вопрос об отправке на родину. Сколько Людмила ни уговаривала его повременить – он оставался непреклонен. "Феномен Тюрина" был ему как нельзя более на руку, он должен был напомнить руководящим инстанциям, что доктор Слава бдит. Беспредельно повторяемая им по поводу и без повода угроза "Вышлю на родину" впервые в его практике обрела реальный смысл. "Захотел – и выслал, вот какой наш доктор Слава!"

Врачебная деятельность его заключалась в том, что он потребовал срочно перевести Ивана Петровича в более пригодное для жизни помещение, где больше воздуха и есть кондиционер. И Матвеев, будучи куратором, счел за благо забрать опальных Тюриных к себе. Теперь доктор Слава держался как благодетель семейства и спаситель жизни Ивана Петровича. По его поведению можно было предположить, что это он вытащил больного из могилы. Он приезжал в белом халате, осматривал Ивана Петровича, мерил давление, качал головой, интересовался питанием, давал бесчисленные наставления. Маленький, толстенький, мокроротый и ушастый, он упивался своей властью, как упырь.

– Значит, так. Полный покой, строгий постельный режим, свежий воздух, борьба с угрозой отека мозга. Позднее, уже в Союзе, займетесь лечебной гимнастикой, массажистку найдете, да помоложе, хе-хе-хе, и к логопеду обязательно обратитесь.

Людмила слезно просила Звягина вмешаться и прекратить это самоуправство, но Григорий Николаевич лишь разводил руками: "Против медицины наука бессильна".

Настасья была счастлива. Она бродила по нежилым комнатам гигантской матвеевской квартиры, поставив, должно быть, себе целью посетить каждую, и на пороге тихонько говорила:

– Здесь я еще не была. Или уже была?

О тесной клетушке в "Эльдорадо" она вспоминать не могла без страха.

А наш номер там уже заняли, – убеждала она себя. – Мы туда не вернемся.

Вдруг в горничном холле закричали:

– Андрей! Где Андрей? Вы не видели Андрея? Может быть, он на улицу вышел? Андрюша!

"Что там такое? – не двигаясь с места, подумал Андрей. – Кому я понадобился?"

Он не мог сейчас выйти на люди, просто не мог: ему представлялось, что у него голое, безбровое лицо с сожженными ресницами и воспаленными веками...

Он один виноват: вот какая истина открылась Андрею во всем ее безобразии. Он один виноват. Он знал, что отец болен (теперь ему казалось, что он знал об этом всю жизнь), и отмахивался: "Ай, ничего, пустяки". Ну, что, сынок, пустяки? Пятно на левой щеке отца – разве не понятно было, что это знак болезни? А ты, сынок, называл это клоунским румянцем. Вспомни, как сопротивлялся отец этой поездке, а ты приписывал его сопротивление лени, тебе удобнее было так думать. Почему ты не пожелал вникать, во что обошелся отцу выездной вариант? Да потому, что тебе самому сюда было надо. Тебе выгодно было прикинуться, что ты маленький человек. Это ты-то маленький человек? Да стоило тебе захотеть – и ничего бы этого не было. Ты сам все выдумал, ты один во всем виноват. Сколько раз отец обращался к тебе за поддержкой или хотя бы за сочувствием, сколько раз он давал понять, что ему тяжело, что ему хочется поскорее уехать отсюда! А ты, сынок? А ты страшал его скандалом. Ты настойчиво требовал: "Давай, давай, рвись, добивайся!" И при этом у тебя еще хватало наглости его попрекать: "Зачем вы меня сюда привезли?" Лживая, запущенная душа, ты – двуличный человек. Радуйся теперь: все само собой разрешилось...

– Андрей! – кричали за стеной. – Да Андрей же!

И тут его встряхнуло от макушки до пят: а ведь это приехала Кареглазка. Да, именно так: она не явилась в "Эльдорадо", не завезла, как сулила, свой бессмысленный "Неккерман", и вот теперь, узнав, хочет просто поглядеть, как это все у людей бывает. Так девчонки из старших классов бегали посмотреть на учительницу, которая травилась от несчастной любви. "Какой кошмар, нет, какой ужас!..." Жестокое любопытство – и тайная радость, что все это произошло не с тобой...

Он с трудом поднялся (все равно ведь найдут) и, неверно ступая затекшими ногами, вышел в узенький боковой коридор.

Там стояла мама Люда.

– Ступай, Андрюшенька. – шепотом сказала она, – к тебе Рудик пришел.

– Рудик, – машинально повторил Андрей. – Какой Рудик?

Он смотрел на маму Люду так, как будто не видел ее сто лет: низенькая женщина в голубом с декольте, смуглое личико осунулось, синие глаза окружены мелкими темными морщинками, от прически "Николь" ни намек, в темной шапке волос появились седые блески... раньше их не было.

"Тупица, – ругнул он себя, – кто пустил бы сюда дочку советника? Мы – неудачники, мы заразные, нас не избегают только такие, как мы..."

– Ой, как стыдно мне, как неловко, – глядя на Андрея снизу вверх, жалобно проговорила мама Люда. – Нехорошо мы поступили с этими людьми... Не по-человечески. Будь поласковее с ребенком, сыночек. Попрошайся как следует, тете Тамаре привет передай... Я так перед ней виновата...

– Хорошо, мама, я все сделаю, мама, – деревянным голосом сказал Андрей. – Ты не виновата. Это я во всем виноват.

Мама Люда отступила на шаг, поднесла обе руки к губам, синие глаза ее наполнились слезами. Полно, до краев, но не пролилась ни одна слезинка: нельзя.

– Сыночек, – утвердительно, как Настасья, кивая себе, прошептала она. – Родненький.

И, повернувшись, мелкими шажками пошла в гостиную...

Руди стоял на площадке. Странное, слегка деформированное лицо его было полно высокомерного безразличия, он прислонился спиной к сетке лифта и насвистывал. То, что Андрей появился не с парадной стороны, а с черной, поразило его и даже напугало: видимо, для местных это имело большое значение.

– Привет, старик, – сказал Андрей, протягивая ему руку. – А мы уезжаем. Сегодня.

– Знаю, я знаю, из Филипп, – ответил Руди шепотом, и шепот его был хриплым. – Потому что нас, да? Потому что нас?

Он пытливо смотрел снизу вверх в лицо высокорослому Андрею, и глаза его эмалево блестели.

– Нет, Руди, не из-за вас, – возразил Андрей, и это была чистая правда. – Папа заболел, климат ему не подходит.

Руди помолчал, скосив глаза, – и поверил.

– Это для тебя, – застенчиво сказал он и ногами, обутыми в невероятно грязные кроссовки, пододвинул к ногам Андрея стоявшую на полу сумку. – Сумка тоже, это школьник-сумка, кастом-офис не будет смотреть.

“Кастом-офис” по-русски означало “таможня”. Взрослые в таких случаях непременно говорят фальшивое “Да зачем? Да не нужно” – и берут, потому что не понесет же человек свой подарок назад. Но мало ли что делают взрослые!

– Спасибо, Руди, – сказал Андрей, наклонился и поднял сумку, это был действительно местный школьный ранец из синего брезента, довольно тяжелый.

– Там некоторый ракуш, – сурово проговорил Руди. – Скажешь “не надо” – значит, не надо совсем.

Андрей оттянул латунную защелку – и увидел сперва какую-то странную мешанину, в глубине ранца что-то поблескивало и, казалось, скрипело. Первой мыслью было, что Руди притащил клубок змей, с него станется. Однако, взглядевшись, Андрей увидел, что ранец наполнен некрупными ракушками, морскими ежами, звездами и коричневыми орехами – это были те самые сокровища, которые он присмотрел на “Санди-бич” и вынужден был оставить.

– Это ты хорошо придумал, – сказал он, запустив руку в ранец. – Мудрый старичок.

Малыш остался доволен этой реакцией, и глаза его засияли.

– А это тебе, – сказал Андрей, расстегивая ремешок часов, – это тебе от меня на память.

Руди глянул на него, на приоткрытую дверь квартиры и переспросил:

– Тебе от меня?

– Ну, да, мне от тебя, то есть правильно, тебе от меня.

Руди протянул руку, чтобы взять подарок, потом, выразительно показав своей асимметричной мордочкой на дверь, спрятал руки за спину и шпотом сказал:

– Ваши будут ругать. “А, продай часы – купи ракуш!” Не хочу.

Право, этот малыш был не по возрасту смышленным.

– Ну, и что? – сказал Андрей. – Пусть говорят. Мы-то знаем с тобой, что это не так. Бери.

Руди взял часы, попытался пристроить их на своей тонкой лапке, отказался от этого намерения и вдруг, крикнув “Бай-бай”, побежал вниз.

С синим ранцем в руках Андрей прошел по горчичному залу, он старался не встречаться взглядом с отцом, но краем глаза все время видел его бледное, слабо улыбающееся лицо, оно светилося в переднем углу и колыхалось на сквозняке, словно длинное пламя свечи... Взрослые, умолкнув, проследили, как мальчик подошел к секретеру и поставил ранец рядом с паровозиком.

– Посылочки, кстати, брать возбраняется. – не выдержав, укоризненно заметил кадыкастый и очкастый Савельев.

– Это подарок. – коротко сказал Андрей.

– От кого? – заинтересовался Василий Семенович.

– От брата, – ответил Андрей.

Снова наступило молчание.

– Нет, не могут уехать как люди, – словно про себя со вздохом проговорила Анниканова.

– От брата? – зычно переспросил Звягин. – Это как же получается? Иван? И тут наследил?

Все разом посмотрели на Ивана Петровича, он беззубо заулыбался, но сказать ничего не сумел.

— Папочка, папа, прости меня, папа...

Рядом тренькнул паровозик, и Андрей, как ужаленный, передернулся. Это действовал Горошук. Подобравшись к секретеру, он поднял желтую флягу и запустил механическую музыку. По глазам его, даже сквозь темные очки, новые, теперь уже с солидной роговой оправой, видно было, что "Егор" порядочно захмелел. Наблюдательности он, однако же, не утратил. Заговорщически дернув щекой, "Егор" вполголоса спросил:

— Часики-то — тю-тю? Уот юв гот? Что взамен?

— Раковины, — ответил Андрей, — контрабанда.

— Молодец, — сказал Горошук, — за правду хвалю. Ничего не надо бояться.

Он поставил флягу на место, музыка смолкла.

— Уязвимый ты, вот в чем твоя беда, — укоризненно проговорил он, глядя Андрею в лицо. — Настоящий мужчина должен быть невидим и свободен. Понял? Невидим и свободен.

И, внезапно утратив нить разговора, Игорь Валентинович ужасным голосом запел:

— "Царь-пушка кудрявая, тени длинных ресниц!.."

В это время зазвонил телефон. Звягин взял трубку, произнес могучее "аллоу", послушал, несколько раз повторил: "Да, да, да" и нажал пальцем на рычаг.

— Карета подана, — сказал он, обводя свою группу отеческим взглядом. — Напрощались, намиловались, пора и честь знать. Вопрос: кто сопровождает в аэропорт? Игорек, ты в форме?

— Так точно! — бодро отрапортовал Горошук. — Кто их породил — тот и проводил.

— Смотри у меня... — Звягин, как шалуна, погрозил ему пальцем.

Задвигалась мебель, зашаркали ноги, зашелестели прощальные голоса:

— Всех благ. Счастливо долететь. Не раскачивайте самолет в воздухе. Не ходите по крыльям...

На все благоглупости Иван Петрович монотонным голосом отвечал:

— Спасибо, счастливо оставаться.

Он репетировал перед зеркалом эту реплику сегодня на рассвете. Получалось не очень хорошо: какое-то "счиловаться".

И — завертелось, как в любительском фильме, пущенном шутки ради в обратную сторону. Гаражный крюк на двери квартиры Матвеева, белый фургончик Филиппа и блеско-красная его куртка, улицы, замусоренные голубыми цветами, круто посоленный солнцем океан, затхлый туннель под гербовой дамбой, камышовые хижины, темнокожие люди у обочины, недостроенный аэропорт... Все пятятся, машут руками — и исчезают среди турникетов, там, где возникли из небытия месяц назад...

На меднотрубную карту мира Андрей успел-таки взглянуть. Никакой в ней мистики не было: в центре меркаторской развертки, там, где мы обычно помещаем благословенную Аравию, здесь был расположен Офир, и оттого материка, потеряв привычные очертания, расплзлись по краям Вселенной, как разогнанные лучами солнца облака.

А "некоторый ракуш" на таможне все равно отобрали.

Борис РОМАНОВ

ПТИЦА- ОБЛАКО ДЕТСТВА ПЛЫВЕТ

*Первоклассник, я бледен и глуп,
от любви черт-те что в голове
и топорщится стриженный чуб.
Еще улица наша в траве,
среди улицы рубится сруб.*

*Еще дед мой легко мастерит
не последний еще табурет.
Еще спутник в ночи не летит,
еще Сталина всюду портрет.*

*Но все живы! Жива моя мать.
Еще нечего мне вспоминать.*

*До сих пор надо мной,
сквозь меня
птица-облако детства плывет
из мгновенно сверкнувшего дня,
и я верю: я тот же, я тот,
кто доверчивым светом живет
одиноким сверкнувшего дня.*

*Фитиль мигает, пахнет керосином,
и я гляжу в подводный мрак окна,
а в нем вода играет блеском синим
и темнота людьми населена...*

*Но медлит у порога половодье,
а в сени не решается войти,
колышет плоскодонку в огороде,
и в подполе застыло взаперти.*

*Несет вода, усиливая звуки —
уклюжин скрип и злые голоса,
и удлиняет краткие разлуки,
и шире отражает небеса.*

*Она черна, и майскою звездой
мерцает под ногами у меня —
хватай ее, зачерпывай с водою,
спеши добыть студеного огня.*

*Гляжу с мостков и ежусь от прохлады.
Но как сверкает город на горе!
А мы — во тьме, такие перепады,
и солнце за горою на заре.*

*Но знаю я, куда стремиться к свету,
навстречу солнцу плыть или идти,
и эту ясность, устремленность эту
лишь в нашей тьме так просто обрести.*

*Когда поэзия над прозой
парит высоко-высоко,
то представляется лишь позой,
принять которую легко.*

*Но за словцо ее любое,
что вырывалось невпопад,
душа расплатится с лихвою,
не отводя от неба взгляд.*

*Там голос листьев, просинь птичья,
летучий шорох облаков,
и муки нет косноязычья,
различья прозы и стихов.*

ПОЛУЗАБЫТЫЕ ПОЭТЫ

* * *

Библиофилами пригреты,
полузабытые поэты
молчат в глуши библиотек.
Берет их ненадолго в руки
от любопытства или скуки
читатель славный имярек.

Листает медленно, читает —
и слабый голос долетает
из приснопамятных времен,
когда вполне известен Красов,
"Мечты и звуки" жжет Некрасов
И Бенедиктов вознесен...

Звучат надтреснуто и глухо
слова — любое легче пуха,
и в словолитне, из свинца,
они не сделались тяжеле,
хотя поэты не жалели
себя для красного словца.

Поэт забыт, ну что ж такого,
он жил, он был, он молвил слово,
и книжицу отнес в печать.
А мы в пыли ее откроем,
поэта скромного откроем
и не дадим ему молчать.

ЧИТАЯ ДИККЕНСА

Душещипательный роман...
Зла откровенное уродство.
Старинный лондонский туман.
Слепые страсти. Благодоство.

И Диккенс наказует зло,
но переделать мир не в силе.
Опять немногим повезло,
а лучшего — похоронили.

Но ведь и нынче, как тогда,
добро несчастно, зло безмерно.
И Темзы мутная вода
под солнцем светится неверно.

За соснами вскипают облака,
мутнеют озадаченные реки,
и просекой спешащие века
выходят на большие лесосеки.

И чистоту хранящие, и честь,
за соснами еще березы есть,
как в зеркала глядящие друг в друга.
В них эхо множится грядущего испуга,
их подмывает грустная река,
на них летят, снижаясь, облака...

В окне забитом зеркальце испуга
улавливает хвойный шум вершин
и скрип стволов, встречающих упруго
свободный натиск ветреных равнин.

Померкшее стекло чуть уцелело,
и дребезжит из-за кривой доски,
но нет ни слов, ни мерки децибелов,
чтоб передать давящий звук тоски.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Воспрянуть готова, пробилась трава,
мать-и-мачеха блещет, светится
верба.
Светлеет душа, как луна, без ущерба,
над нею сквозит в седине синева.

Нет, мы не забыли былого родства
с землей, поднимающей
нежно и щедро
березы плакучие, воинство кедра,
купавы и мятлик, приметный едва.

Пригретая пашня парит вдалеке.
Шагает мальчишка. Транзистор в руке,
как ранняя птаха, поет, заливаясь

Апрель. Воскресение вербное. Да,
земля воскресает. И мы иногда.
И весело жить нам,
во всем сомневаясь.

Ян ФЛЕМИНГ

ОПЕРАЦИЯ

РОМАН

Герой этой детективной истории — Джеймс Бонд. Да, да, тот самый знаменитый Джеймс Бонд, или агент 007, авантурными похождениями которого в продолжение сорока лет сначала зачитывались, а потом засматривались на киноэкране многочисленные поклонники детективного жанра во всем мире. И только в Советском Союзе Джеймс Бонд не снискал популярности. Что ж, поделом ему — не надо было становиться на пути наших славных парней из контрразведки. Предоставим же читателю возможность самому познакомиться с похождениями бравого солдата Бонда. Посмотрим, так ли уж страшен Бонд, как его малюют?

Рисунки Валерия КРАСНОВСКОГО

ОТДЫХАЙТЕ, МИСТЕР БОНД!

Джеймсу Бонду было худо. Как говорят картежники — точно у тебя все мелкие, а на чужой руке четыре туза. Похмелье... Раскалывается голова, болит все тело. Он закашлялся (когда пьешь, то и куришь много), в глазах зарябило, заиграло черными точками — будто по зеркалу пруда прыснули головастики. А ведь и сам чувствовал, что пьет лишнее. Поданный в роскошной, на улице Парк-Лейн, квартире очередной бокал виски с содовой — а он уже выпил десять таких — пошел тяжело. Он понял, что хватит, пора домой, и решил напоследок сыграть еще роббер. Пять фунтов за сто очков и разоидемся, предложили ему. Бонд согласился и попался, как дурачок. Он живо представил: вот круглолицая, с непроницаемой, как у Моны Лизы, улыбкой пиковая дама победно бьет его вальта... "Кто ж так играет!" — ругается партнер, и Бонд садится без взятки, записывает четыреста в минус. И на круг проигрывает 100 фунтов — деньги немалые.

Бонд еще раз промокнул тампоном порез на подбородке и презрительно глянул на мрачную физиономию в зеркале над умывальником. Идиот, ту-пица! А глупит от безделья. Больше месяца перекладывает бумажки, листает бредовые инструкции (да еще галочку поставь напротив своего номера — прочел, мол!), вымучивает отчеты. Озвереешь! Недавно сорвался, наорал на подчиненного — тот заикнулся было Бонду поперек. Потом забо-

лепа гриппом секретарша, и ему прислали на время какую-то дуру, и к тому же уродину; его она называла "сэг-г" — церемонно и шепеляво... И вот снова понедельник, впереди целая неделя. В окно барабанит майский дождик. Бонд проглотил две таблетки, потянулся за третьей, и тут в спальне зазвонил телефон. Очень громко — связь со Штабом прямая.

х х х

Джеймс Бонд подвинул стул и сел. Сердце бешено колотилось. Он с надеждой посмотрел в глаза начальника Управления. Что-то скажет?

— Доброе утро, Джеймс. Не взыщите, что вызвал так рано. Но сегодня я весь день буду занят, вот и решил первым делом поговорить с вами.

Бонд сразу поскущел. М. назвал его "Джеймс", а не "007" — значит, ничего интересного. Не новое задание, а так, что-нибудь личное. И говорит М. спокойно, и смотрит по-дружески, чуть ли не добродушно.

— Давно вас не видел, Джеймс. Как ваши дела? Как себя чувствуете? — М. взял со стола какой-то бланк.

Что за бумага? И вообще, в чем же дело?

— Я здоров, сэр, — настороженно сказал Бонд.

— А врач считает, что нет. Вот результаты последнего обследования. — М. пылливо взглянул на Бонда и начал читать:

— "Указанный сотрудник по-прежнему практически здоров. Но, к сожалению, его образ жизни губителен. Несмотря на многочисленные предупреждения врачей, он выкуривает по 60 сигарет в день, причем сигарет балканского производства, с повышенным содержанием никотина. Не находясь при исполнении серьезного задания, он ежедневно выпивает примерно половину бутылки крепкого алкогольного напитка. В ходе обследования выявлены явные признаки ухудшения физического состояния: язык обложен, давление повышено (90/160). Сотрудник признает, что часто страдает болями в затылке; в трапецевидных мускулах имеется спазм и прощупываются так называемые "фиброзные" узелки. Полагаю, что эти симптомы вызваны образом жизни сотрудника. Мы многократно, но безуспешно предупреждали его, что указанные злоупотребления не столько снимают нервное напряжение, свойственное его профессии, сколько отравляют организм и, в конечном итоге, губят здоровье. Агенту 007 я рекомендую отдых и умеренность в течение двух-трех недель, после чего, по моему мнению, он снова будет абсолютно здоров".

М. положил листок в папку с надписью "Исходящее" и строго взглянул на Бонда:

— Видите, сколько у вас болячек, Джеймс?

— Сэр, я абсолютно здоров, — упрямо повторил Бонд. — Голова и в самом деле иногда болит, но это не в счет. Примешь аспирин, отпечишься — все как рукой снимет...

— Да что ваш аспирин! — перебил М. — Он лишь прячет болезнь, а не искореняет ее. Химические лекарства вредны — они противны нашей природе. Как и многие пищевые продукты — белый хлеб, рафинированный сахар, пастеризованное молоко... Кстати, — М. достал блокнот, заглянул.

— Вам известно, что содержится в хлебе, помимо перемеленной почти в пыль муки? Мел, перекись бензола, хлорный газ, соль аммония, алюминий — и в огромных количествах. Что скажете?

— Я редко ем хлеб, сэр.

— Да дело не только в хлебе! А часто ли вы пьете йогурт, едите свежие овощи, орехи, фрукты?

— Почти никогда, сэр, — улыбнулся Бонд.

— Напрасно улыбаетесь, — М. предостерегающе постучал по столу. — Помните еще мое слово. Здоров лишь тот, кто не противится природе. А вы больны. — Бонд собрался было возразить, но М. остановил его. — Да-да, больны, организм ваш отравлен, и все оттого, что вы совершенно неправильно живете. Как помирить человека с природой — над этим думают ученые во всем мире, а вы и об ученых-то этих не слышали. Впрочем, не вы один... Но, к счастью, приверженцы природного метода работают и у нас в Англии! — Глаза М. оживленно блеснули.

Джеймс Бонд озадаченно смотрел на М. Что такое со стариком? Не годы ли сказываются? Но выглядел М., пожалуй, бодрее обычного: холодные серые глаза чисты и прозрачны и даже седины в стальных волосах как будто побавилось.

М. потянулся за папкой с надписью "Входящее" и положил ее перед собой — значит, беседа подходит к концу.

— Мисс Пеннишиллинг уладила все формальности. Вы едете в санаторий "Лесной", это в Суссексе. Директора зовут Джошуа Вейн — в научных кругах он человек известный. И вообще, замечательный человек, в свои шестьдесят пять выглядит на сорок. Вас там подлечат. Новейшее оборудование, лекарственные травы со своего участка, живописные окрестности... А о службе на две недели забудьте. Отдел я передам пока агенту 009.

Бонд ушам своим не верил.

— Но сэр... — выдавил он. — Вы серьезно предлагаете мне... в санаторий?!

— Я не предлагаю, — холодно улыбнулся М. — Я приказываю. Если, конечно, вы хотите по-прежнему работать в Отделе 00. Сотрудники этого отдела должны быть надежны на сто процентов. — М. взялся за пачку бумаг.

— У меня все, 007.

Бонд молча поднялся, пересек кабинет и вышел, с нарочитой аккуратностью прикрыв за собой дверь.

В приемной ему ласково улыбнулась мисс Пеннишиллинг.

Бонд подошел и так ахнул кулаком по столу, что подскочила пишущая машинка.

— В чем дело, Пенни?! — взревел он. — Старик что, спятил? Я никуда не поеду!

— Я говорила с директором санатория, — ровно сказала мисс Пеннишиллинг. — Он был очень любезен. Тебя поселят во флигеле, в "Миртовой" комнате. Комната очень хорошая, окна выходят на участок лекарственных трав.

— К черту "Миртовую" с травами! Ну, Пенни, будь другом, — взмолился Бонд, — растолкуй, какая муха его укусила?

И мисс Пеннишиллинг сжалилась: втайне она обожала Бонда.

— Я думаю, — зашептала она заговорщицки, — это сумасшествие скоро пройдет. А ты, бедняжка, просто ему под горячую руку попал. У него же навязчивая идея — как бы повысить эффективность нашего Управления. То мы все поголовно спортом занимаемся, то он психоаналитика приглашает — полного идиота! Ты-то в это время был за границей. Представляешь, все начальники отделов рассказывали ему сны. Ну, психоаналитик выдержал недолго: сны, что ли, у начальников страшные? А месяц назад у М. случился прострел, и его приятель по Ликовому клубу — наверное, толстяки и не дурак выпить, — мисс Пеннишиллинг скривила губы, — напел ему про санаторий. Чеповек, мол, что автомобиль — время от времени ставь в гараж, ремонтируй. Сам он лечится каждый год, ездит на неделю. И так, мол, это дешево, и так славно! А М. обожает всякие новшества: тоже съездил на недельку и просто влюбился в этот "Лесной"! Вчера битый час мне его расписывал. А сегодня утром получаю по почте банки с патокой, пшеницей и еще черт знает с чем. Куда их девать, ума не приложу. Пуделю, что ли, бедняжке, кормлю. Вот такая история, но, между прочим, выглядит-то М. потрясающе.

— Да уж, рекламу можно делать. Но почему он посылает в этот сумасшедший дом именно меня?

— Ценит тебя, сам знаешь. Как прочитал результаты обследования — велел заказать тебе комнату. Слушай, Джеймс, а зачем ты столько куришь, пьешь? Вредно же... — Она смотрела заботливо.

— Пью, чтоб жажду утопить, а курю, чтоб руки занять!

Какой же мерзкий у него сегодня голос! Все, хватит болтать. Срочно нужно выпить двойной бренди с содовой.

— А наши девушки жалуются, что тебе руки занять — раз плюнуть, — упрекнула мисс Пеннишиллинг.

— Все, Пенни, отстань! И попробуй только пришли еще инструкцию "Для ознакомления". Вернусь из санатория — так отшлепаю, за машинку не сядешь!

Она хитро улыбнулась:

— А вот поживешь на орешках да лимонном соке — посмотрим, кто кого отшлепает!

Бонд застонал и бросился вон.

2

САНАТОРИЙ "ЛЕСНОЙ"

Джеймс Бонд забросил чемодан в багажник такси допотопной марки и уселся на переднее сиденье рядом с прыщавым пареньком в черной кожаной куртке. Паренек вытащил из нагрудного кармана гребешок, неторопливо причесался, ладонью стряхнул с куртки волосы, убрал гребешок и включил, наконец, зажигание. Игру с гребешком Бонд понял так: не больно-то ты, пассажир, мне нужен со своими деньгами. Весь послевоенный молодежь такой — заносится на пустом месте. Взять этого мальчишку — наверняка прилично зарабатывает, на родителей плевать хотел, бредит

ковбоями. Впрочем, он не виноват, что родился в богатой стране в эпоху высокого спроса на рабочую силу, атомных бомб и космических полетов. Живет он легко, припеваючи.

— А до "Лесного" далеко? — спросил Бонд.

Паренек лихо переключил скорость, развернулся.

— С полчасика. — Он дал газу и четко, но довольно рискованно обогнал грузовик.

— А ты со своей Синей птицей здорово управляешься.

Паренек искоса взглянул на него: не подшучивает ли?

— Управляйся не управляйся — все равно старое корыто, — небрежно ответил он. — А папаша говорит: "Я двадцать лет на ней ездил, и ты еще двадцать поездишь". Так что я сам деньги коплю. Половину уже скопил.

— А на какую копишь? — спросил Бонд.

— На "Фольксваген". До самого Брайтона буду ездить.

— Здорово. Дело денежное.

— Это точно! — Паренек оживился. — Я уж съездил разок, довез оттуда до Лондона двух лошадинок. Десять фунтов плюс пять шиллингов чаевых. Конфета!

— Неплохо. Но в Брайтоне держи ухо востро. Шпаны там хватает. О банде "Миска крови" что-нибудь слышно?

— После суда ничего. Во всех газетах про нее писали. — Пареньку говорилось легко, как с ровесником, и он снова искоса глянул на Бонда, уже по-новому. — А вы в "Лысый" лечиться или в гости?

— Почему это "Лысый"?

— А там и леса-то настоящего нет. Туда ездят всякие толстухи да старые козлы. Только и зудят: не гони, да не трясина, а то у них в ягодице какой-то ишиас, или как его... Вы-то совсем другой.

Бонд рассмеялся:

— Но тоже еду. На две недели. Ничего не поделаешь, придется отдохнуть.

По правую руку мелькнул указатель: "Санаторий "Лесной". Путь к здоровью. Первый поворот направо. Просим соблюдать тишину". Машина свернула с Брайтонской дороги и, недовольно урча, покатила по гравию. Вскоре показалась высокая стена, вычурный, с башенками и зубцами, въезд и сторожка, тоже старинная: из трубы, теряясь меж тихих деревьев, тянулся к небу дымок. Гравийная дорожка петляла в густых зарослях лавра. Клаксоном они спугнули с дорожки пожилую пару и мимо лужайки поехали к огромному старинному зданию красного кирпича с застекленной террасой.

Паренек затормозил у величественного подъезда. Подле двери поблескивала высокая урна; на ней надпись: "В помещении не курят. Просим выбросить сигарету". Бонд вышел из машины, вытащил из багажника чемодан. Чаевых он дал десять шиллингов. Паренек принял деньги, как должное:

— Спасибо. Захотите поразвлечься — звоните. У нас тут и девочки есть. Ну, пока. — И дал задний ход.

А Бонд взял чемодан, с тоской поднялся по ступеням, толкнул тяжелую дверь.

В просторной, отделанной дубом приемной было жарко и тихо. За столом сидела девушка в белом накрахмаленном халате. Он расписался в книге прибывающих, и девушка повела его белым стерильным коридором в заднюю часть здания. Оттуда они прошли через дверь во флигель, длинный и низкий, выстроенный на скорую руку. По обе стороны — двери с названиями цветов, растений. Девушка завела его в "Миртовую", сказала, что директор примет через час, то есть в шесть, и ушла.

И комната, и мебель в ней — самые обычные. Яркие занавески. Одеяло с электрическим подогревом. На столике подле кровати — ваза с тремя маргаритками и книжка "О природном методе лечения". Бонд выключил отопление и распахнул окно. В глаза бросились ровные рядки безымянных трав. Он распаковал чемодан, устроился в кресле и принялся читать о выведении из организма вредных веществ. Добрался до главы о многочисленных видах и подвидах массажа, и тут зазвонил телефон: через пять минут мистер Вейн ждет его в Консультационной "А".

Мистер Вейн велел Бонду раздеться, увидел многочисленные шрамы и воскликнул:

- Боже, да вы настоящий воин!
- Да, я воевал, — равнодушно ответил Бонд.
- Вот как! Война штука страшная... Ну-с, дышите поглубже.

Потом Бонд одевался, а мистер Вейн что-то быстро писал за столом. Закончив писать, он сказал:

— Ничего серьезного я не нахожу. Давление немного повышено, легкое остеопатическое повреждение верхних позвонков — оттого и голова у вас болит — и правая подвздошная кость несколько смещена назад. Вы, несомненно, когда-то сильно ушиблись.

— Возможно, — сказал Бонд и подумал, что "ушибся" он, должно быть, прыгнув на полном ходу с поезда во время венгерских событий 1956 года.

— А посему вот что, — мистер Вейн отмечал что-то галочками в отпечатанном списке. — Строгая диета в течение одной недели, массаж, горячие и холодные ванны, остеопатическое лечение, растягивание — и вы здоровы. И, конечно, отдыхайте, расслабьтесь, забудьте о службе. — Он поднялся и протянул Бонду листок. — Через полчаса открываются процедурные, так что приступайте прямо сегодня.

— Спасибо. — Бонд заглянул в листок. — А что такое растягивание?

— Имеется в виду растягивание позвоночника на специальном механическом устройстве. Это весьма полезно, — любезно пояснил директор. — Кое-кто из больных называет устройство дыбой. Но вы не тревожьтесь, они шутят.

Бонд вышел в белый коридор. Всюду пожилые люди, в основном женщины — многие в уродливых стеганых халатах. Жуть! Да еще жара, духота. Бонду нестерпимо захотелось на воздух.

Вдыхая кислый запах лавра и "золотого дождя", он уныло брел по узкой аккуратной дорожке. Выдержит ли он тут две недели? Неужели выбраться из этой чертовой дыры можно, только уволившись из Управления? Он задумался и вдруг почти нос к носу столкнулся с девушкой в белом — она выскочила из-за поворота, скрытого густым кустарником. Девушка сму-

щенно улыбнулась и пошла было своей дорогой, но тут из-за того же поворота вылетел лиловый автомобиль. Еще мгновение — и она была бы под колесами! Бонд прыгнул и вывернул девушку буквально из-под капота. Он поставил ее на землю, а автомобиль с визгом затормозил рядом. А грудь у нее упругая — это он успел ощутить. Девушка ойкнула и изумленно уставилась на него. Потом поняла, что произошло.

— Спасибо... — выдохнула она и обернулась к машине. Водитель не спеша шел навстречу.

— Простите, пожалуйста, — безмятежно извинился он. — Вы не ушиблись? — Тут он как будто узнал девушку, и голос его стал вкрадчив. — Ба, да это же наша милая Патриция! Здравствуйте, Пат! Вы по мне скучали?

Красавец-мужчина. Бронзово-смуглый, похоже испанец или латиноамериканец, изящные усики, смелые карие глаза — уголки глаз странно, или, как сказала бы женщина, таинственно приподняты. Высокий, крепкий, отлично одет. "Блестящий мерзавец, — подвел черту Бонд, — покоряет всех женщин подряд, а может, еще и живет за их счет, и живет неплохо".

Девушка окончательно опомнилась.

— Ездить нужно осторожнее, граф Липпе, — сказала она строго. — По дорогам у нас гуляют больные. Если бы не этот джентльмен, — и она улыбнулась Бонду, — вы бы меня просто задавили!

— Ну, простите, милочка. Я спешил. А вам, сэр, — чуть свысока обратился он к Бонду, — я весьма признателен. У вас хорошая реакция. А теперь прошу меня извинить... — Он сел в автомобиль и уехал.

— Я тоже опаздываю! — спохватилась девушка, и они вдвоем пошли к зданию.

По дороге разговорились. Она работает в "Лесном" уже три года. Ей нравится. А не скучает? Нет, катается на машине, гуляет. Здесь красивые места. И столько новых, интересных людей! Например, этот граф Липпе, он так увлекательно рассказывает о Востоке, Китае. Сам он из Макао, это рядом с Гонконгом, верно?

"Вот почему приподняты уголки глаз, — подумал Бонд. — китайская кровь. Интересно, какая еще? Возможно, португальская, раз из Макао"

Они вошли в натопленную приемную.

— Я побегу. Спасибо вам еще раз. Надеюсь, вам здесь понравится, — она улыбнулась и направилась к процедурным.

Бонд посмотрел на часы и спустился по лестнице в процедурную "Для мужчин", где его уже ждал мускулистый массажист. Бонд разделся, обмотался вокруг пояса полотенцем и зашел в одну из кабинок, разгороженных между собой пластиковыми занавесками. В кабинке два стола для массажа, на одном беспомощно колышется под мощными ударами молодой, очень толстый мужчина. Бонд размотал полотенце и лег лицом вниз.

Так сильно его еще никогда не массировали. Болели мускулы, каждая косточка, шумело в голове, но он все же различил, что толстяк сошел с соседнего стола, и место занял другой. Новенькому сказали:

— Извините, сэр, но часы придется снять.

Знакомый, вкрадчивый голос ответил уверенно:

— Чепуха, милейший. Я здесь не первый раз и часы никогда не снимаю. Оставлю и сейчас, если вы не против.

— Извините, сэр, — вежливо, но твердо сказали ему, — но у меня пациенты всегда снимают часы. Иначе при массаже нарушится ток крови в руке. Прошу вас снять.

Граф Липпе помолчал. Бонд почти физически ощутил, как тот разъярен.

— Снимайте... — наконец прошипел Липпе. С такой ненавистью — Бонду даже стало смешно. "...Черт вас возьми!" — ясно читался конец фразы.

— Благодарю, сэр, — и через секунду массаж начался.

"Странный спор, — подумал Бонд. — У массажиста всегда снимают часы. Почему граф противился? Не ребенок же".

— Перевернитесь, пожалуйста, сэр.

Бонд повиновался. Посмотрел направо. Граф Липпе лежал на спине, отвернувшись; левая рука его свисала со стола. Загорелая, с почти белой полоской вокруг запястья. А на белой коже синела татуировка: молния с двумя вертикальными черточками. Так вот что он прятал! Позвонить бы в Архивный отдел — узнать, кто носит этот тайный знак на запястье?

3

ДЫБА

Прошел час. Бонд совсем изнемог. Наконец, по знаку массажиста он спел со стопа, оделся и, проклиная М., потащился наверх. В вестибюле стояли две телефонные будки. Через коммутатор он соединился со Штабом. Для внешней связи пользовались только одним номером, да и тот прослушивался. Он попросил Архивный отдел; в трубке характерная пустота, значит, подслушивают. Назвавшись, Бонд задал начальнику свой вопрос. Интересующий его человек — с Востока, возможно, с примесью португальской крови. Минут через десять начальник снова взял трубку:

— Это знак группы "Красная молния", — сказал он. — Члены, как правило, чистокровные китайцы. Никаких религиозных мотивов, исключительно преступные акции. Наша станция X однажды столкнулась с этой группой. Сама станция находится в Гонконге, а штаб на другой стороне залива, в Макао. Поэтому за большие деньги была организована курьерская связь с Пекином. Все шло без сучка, без задоринки, переправлялась важная информация — и вдруг страшный провал, высшее руководство станции рассекречено! Оказалось, что один из сотрудников вел двойную игру, работал на "Красную молнию". Очень скверная история. Потом группа мелькала в делах о наркотиках, контрабанде золота в Индии, торговле рабами. Группа мощнейшая. Если у вас есть что сообщить — рады выслушать.

— Спасибо за информацию, — сказал Бонд. — А сообщать пока нечего. О "Красной молнии" слышу впервые. Если что-нибудь узнаю, свяжусь с вами. До свидания.

Бонд в раздумье повесил трубку. Интересно! А что же этот тип делает в "Лесном"? Бонд вышел из будки и в соседней заметил графа Липпе, тот

стоял к нему спиной и как раз снимал с рычага трубку. Долго ли он стоит? А вдруг все слышал? Бонд похолодел. Кажется, здорово влип... Но делать нечего, он посмотрел на часы — половина восьмого — и отправился "ужинать". В день ему полагался стакан теплого лимонного сока, тарелка овощного супа и две чашки чая. И, конечно, массаж, ванны. А на третий день прибавилось "Остеопатическое лечение и растягивание".

Мрачно, но безропотно Бонд толкнул очередную дверь: за ней наверняка ждет здоровяк с волосатыми ручищами. И застыл на пороге: у койки стояла та самая Патриция, с которой он встретился в первый день.

— Как! — сказал Бонд. — На такой тяжелой работе — слабая женщина?

— Женщин на нашей работе — двадцать процентов, — ответила она сухо: надоели вечные мужские комментарии. — Раздевайтесь!

Очень скоро Бонд убедился, что сил у девушки хоть отбавляй — у него только суставы хрустывали. Она управлялась с ним, тренированным, мощным, играючи.

— А теперь полчаса порастягиваетесь, — сказала она под конец.

Бонд вышел вслед за девушкой в коридор и едва не столкнулся с кем-то. Граф Липпе! Бонда он будто и не заметил, а Патриции улыбнулся и сказал с легким поклоном:

— Иду к вам на заклание. Может, сегодня будете чуточку понежнее? — Глаза у него искрились.

— Разденьтесь пока, пожалуйста, — велела девушка. — Я сейчас вернусь, только отведу мистера Бонда на растягивание.

Они вошли в небольшую комнату, и Патриция отодвинула пластиковую занавеску в углу. За занавеской оказался хирургический стол — обит кожей, поблескивает алюминием. Зрелище не из приятных. Девушка возилась с ремнями, а Бонд с подозрением разглядывал медицинское чудовище. На полу — электрический мотор с табличкой "Механическое растяжное устройство "Геркулес". Сам стол разделен на три мягких секции с ремнями, и каждая соединена с мотором отдельным приводом. Подле приподнятого подголовника — круговая шкала тяги, размеченная до двухсот единиц. Начиная со ста пятидесяти, цифры красные. К подголовнику приделаны специальные рукоятки — держаться; кожа на них в темных пятнах, наверное от пота.

— Ложитесь лицом вниз, — Патриция держала наготове ремни.

— И что будет?

— Потянет немного спину, — нетерпеливо пояснила она. — Это очень полезно. И совсем не больно. Даже наоборот, приятно. Многие засыпают.

— Ну уж я не засну! — уверил Бонд. — А сильно будет тянуть? И почему цифры красные? Еще разорвет...

— Глупости! — так же нетерпеливо ответила девушка. — Сильно тянуть, конечно, нельзя. Но мы-то с вами начнем всего-навсего с отметки девяносто. Минут через пятнадцать я зайду и прибавлю до ста двадцати. А теперь ложитесь. Меня ждет больная.

Бонд неохотно улегся, коснулся щекой мягкой кожаной подушки и проормотал:

— Разорвет — подам на вас в суд.

Заурчал мотор. Ремни то натягивало, то отпускало, словно великан рас-

тягивал его тело. Непривычно, но довольно приятно. Он с трудом приподнял голову. Стрелка показывала на девяносто.

— Ну как?

— Хорошо. — Бонд слышал, как за девушкой захлопнулась дверь. Лежать мягко, спину нежно потягивает, мотор гудит мирно, усыпляюще. И в самом деле, хорошо. А он-то, дурак, боялся!

Минут через пятнадцать снова хлопнула дверь.

— Ну, как вы тут?

— Отлично.

Девушка потянулась к переключателю. Бонд поднял голову: стрелка подползала к ста двадцати. Потянуло сильнее, мотор загудел громче.

— Еще пятнадцать минут, — сказала девушка.

— Ладно, — неуверенно ответил он, примериваясь к окрепшему великану. Задержав занавеску, и хлопка двери он уже не различил в шуме мотора...

Еще через пять минут щеку вдруг обдуло ветерком, и Бонд приоткрыл глаза. К переключателю тянулась мужская рука. Странно, почему мужская? Жмет на рычажок... И тут рвануло, дернуло так, что он закричал от боли. Его словно вздергивали на дыбе. В ужасе он поднял голову: стрелка дрожала на цифре двести. Он бессильно упал на подушку. Глаза заливал пот. Рука выпустила рычажок, у Липпе на руке, вероятно, уже надеты часы, и в ухо ему шелнули:

— В другой раз не будешь вмешиваться не в свое дело, милейший.

Ревел и рычал мотор, ремни рвали тело; Бонд слабо стонал, и пот капал с кожаных подушек на пол.

А потом наступила ночь...

4

МЕСТЬ

Бонд медленно приходил в себя и удивлялся, что боли, терзавшей его, теперь не было. То есть, конечно, болела спина, каждый позвонок, но это боль изведанная, знакомая, и ее можно превозмочь. Ревущий же смерч, крутивший и трясший его, исчез. Помнилось лишь, что был он, Бонд, ничтожней пучка травы в тигриной пасти...

— А теперь расскажите, как это случилось, — попросила Патриция. — Случайно задела переключатель? Вы нас так напугали! Никогда ничего подобного не было. В принципе, устройство совершенно безопасно.

— Конечно, безопасно, — подтвердил Бонд. — Но понимаете, мне захотелось устроиться поудобнее, я потянулся и, кажется, задел за что-то рукой, наверное, за переключатель. Больше ничего не помню. Мне повезло, что вы быстро вернулись. — Он честно смотрел ей в глаза.

— Теперь все позади. Упас, слава богу, серьезных повреждений нет. Еще два дня, и будете как огурчик.

И действительно, через два дня Бонд вернулся в тихий мирок "природного метода". И сразу же принялся наводить справки о графе Липпе. Болтал с Патрицией: "А этот Липпе что, серьезно болен? Ах, он худеет! Наверное,

принимает специальные ванны? Говорите, в турецкой бане... Нет, я там еще не был, обязательно схожу". С массажистом: "Что-то этот силач давно не показывается, граф, как его, Риппе, Хиппе? Да-да, Липпе. Ах, в полдень. А что, пожалуй, удобно, сколько времени потом остается. Я от вас еще в турецкую баню зайду, погреюсь".

Бонд постепенно выстраивал план отмщения и пытался понять, что граф за человек. Хотел ли он только припугнуть Бонда на "дыбе" или убить? Что за тайну он так бережет? Ясно одно — тайна есть, и нешуточная.

Сообщать в Штаб о Липпе и его поступке Бонд не собирался. Покушение в санатории "Лесной": глупо, смешно. Опытнейшего сотрудника Управления разведки и контрразведки привязывают к какой-то "дыбе", сдвигают рычажок — и герой сотен сражений вопит от боли и просит пощады! Нет, рассказывать об этом нельзя. Он отомстит Липпе сам.

К последнему дню у Бонда все было продумано до тонкости.

После прощального обследования у мистера Джошуа Вейна Бонд спустился на последнюю процедуру. Лег на стол массажиста лицом вниз и принялся ждать.

Вот открылась и закрылась дверь в конце коридора, мимо прошлепали босыми ногами и сказали громко, уверенно:

— Доброе утро, Бересфорд. Баня готова? Сделай сегодня погорячей.

— Сделаем, сэр! — Слышен печатный шаг Бересфорда, старшего массажиста, и прежнее шлепанье; идут по коридору к дальней комнате, электрической турецкой бане. Хлопнула дверь. Через несколько минут хлопнула еще раз — Бересфорд проводил графа Липпе и вернулся. Прошло двадцать минут. Бонд слез со стола.

— Довольно, Сэм, спасибо, — сказал он. — Я еще ванну приму. А ты иди обедай. Не волнуйся, я сам справлюсь.

Бонд обмотался вокруг пояса полотенцем и вышел в коридор. Людно — массажисты закончили работу и торопятся в столовую. По-унтерски командует Бересфорд: "Билл, закрой окна! Лен, после обеда принесешь из прачечной полотенце. Тед! Ушел уже? Тогда ты, Сэм, присмотри за графом Липпе, он в турецкой бане".

Целую неделю Бонд слушал эти команды и примечал, кто уходит на обед пораньше, а кто работает добросовестно, до конца. Теперь он ответил из душевой басом Сэма:

— Присмотрю, сэр.

Печатный шаг по линолеуму, короткая пауза — Бересфорд в самом конце коридора, его не слышно — и, наконец, далекий скрип двери. Тихо, только гудят вентиляторы. Теперь в процедурных никого. Джеймс Бонд и граф Липпе одни.

Бонд выждал минуту, затем вышел из душевой, тихонько открыл дверь в турецкую баню. Обычная процедурная. Посредине ванна — огромный короб из металла и светлого пластика. Боковая грань открывается наподобие дверцы, пациент забирается внутрь, садится, а голову высовывает в отделанную поролоном дыру в верхней грани. Внутри короба тело греют несколько рядов электрических лампочек; на задней грани — температурная шкала.

Липпе сидел спиной к двери. Заслышав шаги, он проворчал:

— Черт возьми, Бересфорд, выпусти меня. Семь потов уже сошло.
— Сами просили погорячей, сэр! — по-бересфордски отчеканил Бонд.
— Не пререкайся, черт тебя возьми! Выпусти сейчас же.
— Мне кажется, сэр, вы недооцениваете благотворное влияние жара на организм...

— Не болтай! Выпусти, говорят тебе.

Бонд посмотрел на шкалу: стрелка показывала 120. На сколько же поставить? Максимальная отметка — двести градусов. Так Липпе, пожалуй, изжарится заживо. А нужно лишь наказать, не более. Наверное, 180 будет в самый раз. Он повернул переключатель.

— С полчаса вам будет по-настоящему жарко, сэр. А загорись — подавай в суд, — добавил он своим настоящим голосом.

Липпе попытался повернуть голову — нет, не повернуться. Бонд двинулся к двери.

— Тысяча фунтов, и квиты, — тихо, с ноткой отчаянья предложил граф. Голос у него теперь другой, деревянный — скрывает, что узнал, что взбешен. Скрипнула дверь. — Десять тысяч... Ладно, пятьдесят!

Бонд плотно прикрыл за собой дверь и быстро зашагал по коридору. Сзади приглушенно позвали на помощь. Ничего, помучается недельку в больнице — вылечат. Но вот что неясно: пятьдесят тысяч предлагает либо миллионер, либо тот, кого ждет неотложное дело. Чтобы просто избавиться от боли, столько не отдашь.

Джеймс Бонд не ошибся — у Липпе действительно было важное дело, которое тот теперь вряд ли выполнит. Они с Липпе, солдаты, схватились, как глупые дети — и выверенный до последней секунды заговор против западных держав сбился с ритма.

5

СПЕКТР

Бульвар Османа — улица длинная и скучная, но, пожалуй, благоприспособленнейшая в Париже. Здесь много жилых домов (репутация их обитателей безупречна), две церкви, небольшой музейчик и, что вполне уместно, конторы разнообразных благотворительных организаций. Под номером 138-бис, например, располагается — как написано на скромно поблескивающей медной табличке — Международная Ассоциация Сопротивления (ИАС).

Если вы заинтересовались Ассоциацией — нажмите звонок, и вам откроет самый обычный французский консьерж. Вас впустят в пыльный вестибюль, поднимут в причудливом лифте-клетке и подведут к высоким двойным дверям. За ними окажется, как вы и ожидали, большая обшарпанная комната с грязноватыми светлыми стенами, десяток дешевых столов, за которыми пишут или печатают, папки для "входящего-исходящего", старинные телефоны, привычные в этой части Парижа, картотеки с выдвинутыми ящичками... Наблюдательный человек, однако, отметит, что все служащие — ровесники, всем лет тридцать-сорок, и нет среди них ни одной женщины, хотя в любой конторе, как правило, имеются секретарши.

Встретят вас слегка настороженно — ведь в такие конторы нередко хаживают сумасшедшие и бездельники, но быстро сообразят, что вы человек серьезный, и станут любезны, услужливы. Цели нашей Ассоциации? Наша цель, мсье, сохранить идеалы борцов военного Сопротивления. Нет-нет, мы вне политики. На какие средства существуем? На посильные взносы членов и других частных лиц, сочувствующих нашей деятельности. Ах, ваш родственник входил в группу Сопротивления? Конечно, поищем, мсье. Как его имя? Эй, Жюль! Другой служащий, Жюль, подойдет к картотеке и через несколько минут сообщит: такой-то погиб 21 октября 1943 года во время бомбежки Центрального штаба. Весьма сожалеем, мсье. Чем еще можем быть полезны? Тогда возьмите буклеты — здесь сведения о нашей организации. Простите, что не могу побеседовать с вами подробнее, сегодня так много работы. До свидания, мсье. Что вы, не за что...

Внеочередная встреча членов правления МАСа была назначена на семь часов вечера (как раз накануне Джеймс Бонд вернулся в Лондон из санатория). Часов с пяти в дом номер 136-бис начали съезжаться делового вида мужжины. Входили и через парадную дверь, и со двора, и по одному, и вдвоем. На такие встречи "члены правления" прилетали со всех концов мира, и каждый знал, во сколько именно часов и минут должен прибыть, и как войти — с парадного хода или с черного. "Консьержи" теперь стояли у обеих дверей. Были приняты и менее заметные меры предосторожности — работали системы предупреждения, оба входа просматривались с телеэкранов. Кроме того, на первом этаже хранились тома поддельных протоколов МАСа, подробно отражающие текущие дела Ассоциации. То есть возникли необходимость, и встреча мгновенно превратится из тайной в открытую — как открыты и благопристойны прочие деловые встречи на Бульваре Османа.

Ровно в семь часов в строгий зал заседаний на четвертом этаже зашли — кто уверенно, а кто робко — двадцать человек, оплот сообщества. Председатель был уже на месте. Никто не здоровался. Председатель считал, что в их сообществе искренне здоровья не пожелаешь, да и время дороже любых пожеланий. За столом расселись по номерам, от первого до двадцать первого. Номер был единственным именем, да и тот, секретности ради, каждый месяц, в полночь первого числа, изменялся на две единицы, по кругу. Никто не закурил — пьющих тут не было совсем, курящих едва терпели — и не взглянул на лежащую на столе поддельную МАСовскую повестку. Напряженно, почтительно и чуть подобострастно — но для этого они и сами были людьми слишком высокого полета — собравшиеся вглядывались в Председателя.

Ко Второму (так в этом месяце звался Председатель) все, и давно его знавшие, и впервые встретившие, относились в известной степени одинаково. Ему подчинялись, не задумываясь. Таких людей встречаешь в жизни редко, один-два раза. У них три главные качества: необычная внешность, спокойная самоуверенность и мощнейшее обаяние. Хозяин во Втором угадывался совершенно отчетливо, и двадцать избранных — вообще-то людей черствых, циничных — почитали его, пусть даже против собственной воли, существом высшего порядка, почти богом.

Звали его Эрнст Ставро Блофельд. Родился он в Гданьске, отец его был поляк, мать — гречанка. Двадцати пяти лет поступил младшим служащим в Министерство почты и телеграфа. Станный выбор для столь одаренного юноши, но Блофельд уже к тому времени понял: хочешь властвовать — знай недоступное прочим. Такова была теория, и пока он лишь присматривался к проходящим через его руки телеграммам и радиограммам. А потом в Польше началась мобилизация, и через почту пошел мощный поток военных заказов, дипломатической переписки. Сперва неумело, потом ловчее, он стал снимать копии с телеграмм. Постепенно составил списки мелких служащих, адресатов секретной переписки: младший шифровальщик в английском посольстве, переводчик, работающий с французами, секретарша крупной компании — их он выдаст за своих агентов... Он назвал выдуманную агентуру "Ястребом" и передал немецкому атташе несколько документов на пробу. За Блофельда ухватились, положили хорошие деньги (ведь приходится оплачивать столько агентов, объяснил он), и скоро он уже подумывал, не расширить ли рынок. Стал информировать американцев и шведов, и тут уж деньги полились рекой. Потом он сообразил, что рано или поздно где-нибудь да сорвется. Двести тысяч долларов он заработал, пора прятаться.

Из игры Блофельд вышел мастерски. Информировать стал раз от раза скуднее; перевел капитал в Цюрих; съездил в родной город, побывал у архивариуса, в церкви и вырезал страничку со своим именем и датой рождения; затем сообщил связным, что раскрыт, купил паспорт на имя канадского моряка и уехал в Швецию. Пожил немного в Стокгольме, прикинул, чем закончится война, и улетел по настоящему польскому паспорту в Турцию. Туда же перевел деньги. Потом Польша, как он и рассчитал, пала, и он попросил убежища. Кое-кому заплатил — и стал турецким подданным. Мастерство его пригодилось и тут. Он учел недостатки "Ястреба" и создал новую агентуру. К концу войны в швейцарском банке на его счете лежало полмиллиона долларов. По шведскому паспорту он уехал в Южную Америку — отдохнуть, поправить здоровье и подумать о будущем.

Сейчас, в тихом доме на Бульваре Османа, Эрнст Блофельд неторопливо оглядывал свою двадцатку: не прячет ли кто глаза. Двадцать человек смотрели на Блофельда и ждали его слова. Они были разных национальностей, но во многом походили друг на друга: всем лет тридцать-сорок, все крепкие, ловкие, и почти все смотрят живо, жестоко, хищно — так выглядывает добычу волк, ястреб. По-другому смотрели лишь двое ученых — физик Котце (пять лет назад приехал из Восточной Германии и за скромную пенсию и жительство в Швейцарии выдал несколько секретных проектов) и поляк электронщик Маслов, по-настоящему Кандински. Остальные восемнадцать делились по странам и одновременно крупнейшим преступным и подрывным организациям на шесть троек. Три сицилийца — из главных в Мафии; трое из Корсиканского Союза, сходного с Мафией секретного сообщества — контролируют почти всю организованную преступность во Франции; три бывших офицера СМЕРШа, советской организации для уничтожения шпионов и врагов народа; три уцелевших высших чина Гестапо; три югослава, раньше служивших в Секретной полиции у маршала Тито, и три турка из

прежних агентов Блофельда. Все восемнадцать владеют тончайшими приемами конспирации, секретной связи и действия и, кроме того, умеют молчать. Каждый безупречно прикрыт — это ценится превыше всего. Действительный паспорт с визами в ведущие страны, чистое досье в Интерполе и своей национальной полиции. Уже за одно это можно принимать в "Спектр" — Специальный Комитет по Терроризму и Разведке.

Учредил и теперь направлял это частное предприятие, нацеленное на частное же обогащение, Эрнст Ставро Блофельд.

6

ЧЕМ ПАХНЕТ ФИАЛКА

Блофельд, наконец, оглядел всех: опустил взгляд только один. Блофельд знал, что опустит именно этот: донесение дважды перепроверено. Но своим глазам и чутью он доверял больше. Не торопясь, он убрал руки со стола. Одну положил на колени, а другой вытащил из кармана золотую коробочку. Откопнул ногтем крышку, выловил зернышко с фиалковым запахом и сунул в рот. Говорить он будет о неприятном, и пусть, как всегда в таких случаях, от него пахнет фиалкой.

Блофельд затолкнул зернышко под язык и произнес спокойно, звучно, выверенно:

— Сегодня я буду говорить о предстоящем нам важнейшем деле — об операции "Омега". — Он не сказал: "Господа!.." или "друзья", "коллеги": к чему словесные побрякушки! — Но сначала о другом. — Блофельд обвел всех ровным взглядом: тот же человек опустил глаза. — Комитет согласился, что наши первые три года прошли успешно. Все тройки действовали удачно, и теперь на нашем счету полтора миллиона фунтов. Удастся операция "Омега", будет гораздо больше. Мы сможем тогда распустить Комитет, и каждый, с весьма крупными деньгами на руках, займется, чем пожелает. Вопросы?

На сей раз глаз не опустил никто, все молча смотрели на него. Лица непроницаемы, каждый себе на уме. Комитет, и правда, работает неплохо, но это известно и без Председателя. А они ждут новостей.

Блофельд бросил в рот второе зернышко, затолкнул его под язык и продолжил:

— Тогда с этим все. Несколько слов о предыдущей операции. — Он остановил взгляд на сидящем в дальнем левом углу стола. — Седьмой, встаньте!

Мариус Доминго, член Корсиканского Союза, медленно поднялся. Он стоял неподвижно, держа руки по швам, и смотрел прямо в глаза Председателю.

— Операция, как вы помните, заключалась в следующем, — сказал Блофельд. — Мы выкрали семнадцатилетнюю дочь Магнуса Бломберга, владельца гостиницы в Лас-Вегасе, и морем переправили на Корсику. Выполнено корсиканской тройкой. Выкуп назначен в один миллион долларов. Бломберг согласился и, как потребовал "Спектр", в сумерках от

итальянского берега оттолкнули надувной плотик с деньгами. Ближе к ночи плотик подобрало наше судно, на борту была сицилийская тройка. Эта тройка своевременно обнаружила в плотике транзисторный передатчик; полиция могла бы выследить судно. Мы получили выкуп и, как договорились, вернули девушку — на первый взгляд, целую и невредимую, — родителям. Но только на первый взгляд. Недавно я узнал от нашего человека в полиции, что на Корсике девушку изнасиловали. Так утверждают родители. Возможно, девушка виновата сама. Это неважно. Комитет обещал вернуть ее целой и невредимой; насильно или нет, но ее, я бы сказал, целостность нарушена. Мне не нужна ваша нравственность, мне нужна дисциплина. На ней я настаиваю. Организация боеспособна, пока надежен каждый. Оступись один — погибли все. Вам известно, как я поступаю в подобных случаях. С семьей я уже рассчитался; отослал назад половину выкупа и извинился. Остается виновный. Я нашел его. И избрал наказание.

Блофельд разглядывал Седьмого. Мариус Доминго тоже не спускал с Председателя глаз. Он знал, что виновный — другой. Он весь напрягся. Но не от страха. Как и все, корсиканец верил Блофельду. Непонятно, зачем подставили его, Доминго, но Председатель так решил, и Председатель всегда прав.

Блофельд видел, что Седьмой не трусит, и знал, почему. Он видел также, что сидящий в торце стола Двенадцатый, другой корсиканец, сильно вспотел. Отлично! Лучше закончат.

Правой рукой он повернул под столом переключатель.

Двенадцатый выгнулся в кресле, точно его ударило в спину: и его, и вправду, ударило, ударило тысячевольтным кулачищем. Черные жесткие волосы вздыбились, лицо скрутило гримасой — пугало с щеткой на голове. Глаза вспыхнули и тотчас погасли, в оскал высунулся обуглившийся страшный язык. От рук, лежащих на подлокотниках, от спины до ляжек тонкой струйкой потянулся дым... Электроды были спрятаны в кресле, законтачило хорошо. Блофельд выключил ток. Свет в комнате вспыхнул ярче; в минуту казни он горел вполнекала — тускло, желто, зловеще. Запахло паленым. С громким стуком Двенадцатый упал лицом на стол. Кончено.

Блофельд посмотрел на Седьмого. Стоит все так же неподвижно. Не возмутимо. Надежный человек, подумал Блофельд, крепкие нервы.

— Садитесь, Седьмой. Я вами доволен. — Это высшая блофельдовская похвала. — Двенадцатого нужно было отвлечь. Он знал, что его подозревают.

Кое-кто согласно кивнул. Блофельд, как всегда, прав. Казню здесь никого особенно не расстроишь, даже не удивишь. Хозяин и раньше вершил суд у всех на глазах. Осуждены уже двое, тоже за нарушение дисциплины. Они заслужили смерть так же, как заслужил ее этот, третий. Забыв о трупе, мужчины устроились в креслах удобнее — пора к делу.

Блофельд захлопнул толстую коробочку и убрал в карман.

— После операции "Омега" корсиканцы подышут Двенадцатому замену — приказал он. — Теперь о самой операции. Нанятый немецкой тройки агент Н. допустил крупный промах, поэтому мы начнем операцию позже. Агенту было приказано обосноваться в одном из южных санаториев и оттуда

держат постоянную связь с летчиком Петаччи — его эскадрилья бомбардировщиков находится на учениях неподалеку. Н. должен был сообщать, как летчик себя чувствует, как настроен. Н. сообщал добросовестно. Кстати, летчик на наше предложение по-прежнему согласен. Но, кроме того, в час "Д", то есть через три дня после сегодняшней встречи Комитета, агент Н. должен был отправить "Письмо". К сожалению, этот глупец ввязался в санатории в ссору и теперь — подробности я опускаю — лежит в Брайтонской центральной больнице с ожогами второй степени. То есть "Письмо" он отправит, в лучшем случае, через неделю, и мы, повторяю, начнем операцию позже; это жаль, но сам замысел, к счастью, не пострадал. Всем даны новые указания. Летчику переслали пузырек с вирусом гриппа: эту неделю он будет болен, и испытывать самолет будут без него. А выздоровеет — сразу полетит. Н. к тому времени тоже выздоровеет и в день полета отправит "Письмо". А члены Комитета вылетят в район "А". Что же до агента Н., — и Блофельд посмотрел на бывших гестаповцев, — то он ненадежен. Пусть отправит "Письмо", а потом, в течение двадцати четырех часов, немская тройка уберет его. Ясно?

— Да, сэр, — кивнули трое.

— В остальном же, — продолжил Блофельд, — все идет по плану. Первый с хорошим прикрытием обосновался в районе "А". В легенду о поисках сокровищ там верят. Экипаж яхты тщательно подобран, дисциплинирован и как нельзя лучше выполняет конспиративные требования. Выбрана и наземная база: участок отдельный, безлюдный — снят у англичанина, любителя уединения. Ваше прибытие в район "А" расписано по минутам. Одежду прикрытия получите кто в районе "Ф", кто в "Д" — летите вы из разных мест. Одеты будете точно по легенде: вы пайщики, решили посмотреть, как идут дела, и сами поучаствовать в поисках. Вы не миллионеры, но люди вполне самостоятельные, предприимчивые, расчетливые, вас вокруг пальца не обведешь. Вложили деньги, решили искать сокровища значит нужно проследить, чтобы ни один дублон в чужой карман не попал. — Никто не улыбнулся. — Каждый свою роль знает, и, надеюсь, знает хорошо. — За стопом сдержанно кивнули. — Кроме того, все тройки учатся плавать с аквалангом. Как идут дела? — Блофельд взглянул на сидящую по левую руку югославскую тройку.

— Удовлетворительно, — ответили югославы.

— Удовлетворительно, удовлетворительно... — эхом повторили тройки.

— Как готовится передача золота? Сицилийская тройка, доложите.

— Мы тщательно изучили выбранный район, — начал один из сицилийцев, — и остались довольны. Мы раздадим Председателю и членам Комитета план местности и подробнейший расчет времени, поэтому я буду краток. Район "Т" расположен на северо-западном склоне горы Этны, на высоте две-три тысячи метров. Район примыкает к кратеру вулкана и неосвещаем, земля покрыта лавой, не обрабатывается. Поисковая группа отметит факелами участок примерно в две тысячи квадратных километров. В центре поставит сигнальное устройство наведения — так самолеты легко сориентируются. Думаю, слитки золота лучше сбрасывать с пяти грузовых самолетов "Марк IV", с высоты десять тысяч футов при скорости триста миль

в час. Слитки тщательно обернуть поролоном и каждый слиток сбрасывать на нескольких парашютах. Упаковку и парашюты выкрасить фосфоресцирующей краской, легче будет найти.

— Подробнее о поисковой группе, — велел Блофельд.

— Глава местной мафии — мой дядя. У него восемь внуков, и он их любит. Я сказал, что нам известно, где они живут, и он понял меня. Одновременно, как и было приказано, я предложил миллион фунтов за поиск и доставку груза в порт Катанью. Для мафии деньги немалые, и он согласился. Я сказал, что мы грабим банк, да он и не расспрашивал. Отсрочка операции нам не помешает, пуна все еще будет полная.

Блофельд долго молчал. Потом кивнул.

— Хорошо, я доволен. Далее золотом займется агент 201, человек проверенный. Теплоход "Меркуриал" загрузится в Катанье и через Суэцкий канал направится в Гоа, в Португальскую Индию. По пути, в Аравийском море он встретится с судном крупнейшей бомбейской компании по торговле золотом. Она купит слитки по обычной цене и расплатится в самой надежной валюте. Эту весьма крупную сумму поделят так, как мы делим всегда, самолетом развезут по двадцати двум швейцарским банкам и положат в именные сейфы. Ключи от сейфов члены получают в конце сегодняшней встречи. Деньгами члены распоряжаются по собственному усмотрению, но, конечно, благоразумно и осторожно. — Блофельд медленно оглядел всех.

— Надежен ли план?

За столом сдержанно покивали. Заговорил Восемнадцатый — поляк электронщик Кандински.

— Я, конечно, в этом не разбираюсь, — сказал он, впрочем, без тени смущения. — Но, по-моему, корабли заинтересованных держав могут напасть на "Меркуриал" и захватить золото. Державы понимают, что с Сицилии слитки должны быть вывезены, и будут сторожить и с моря, и с воздуха.

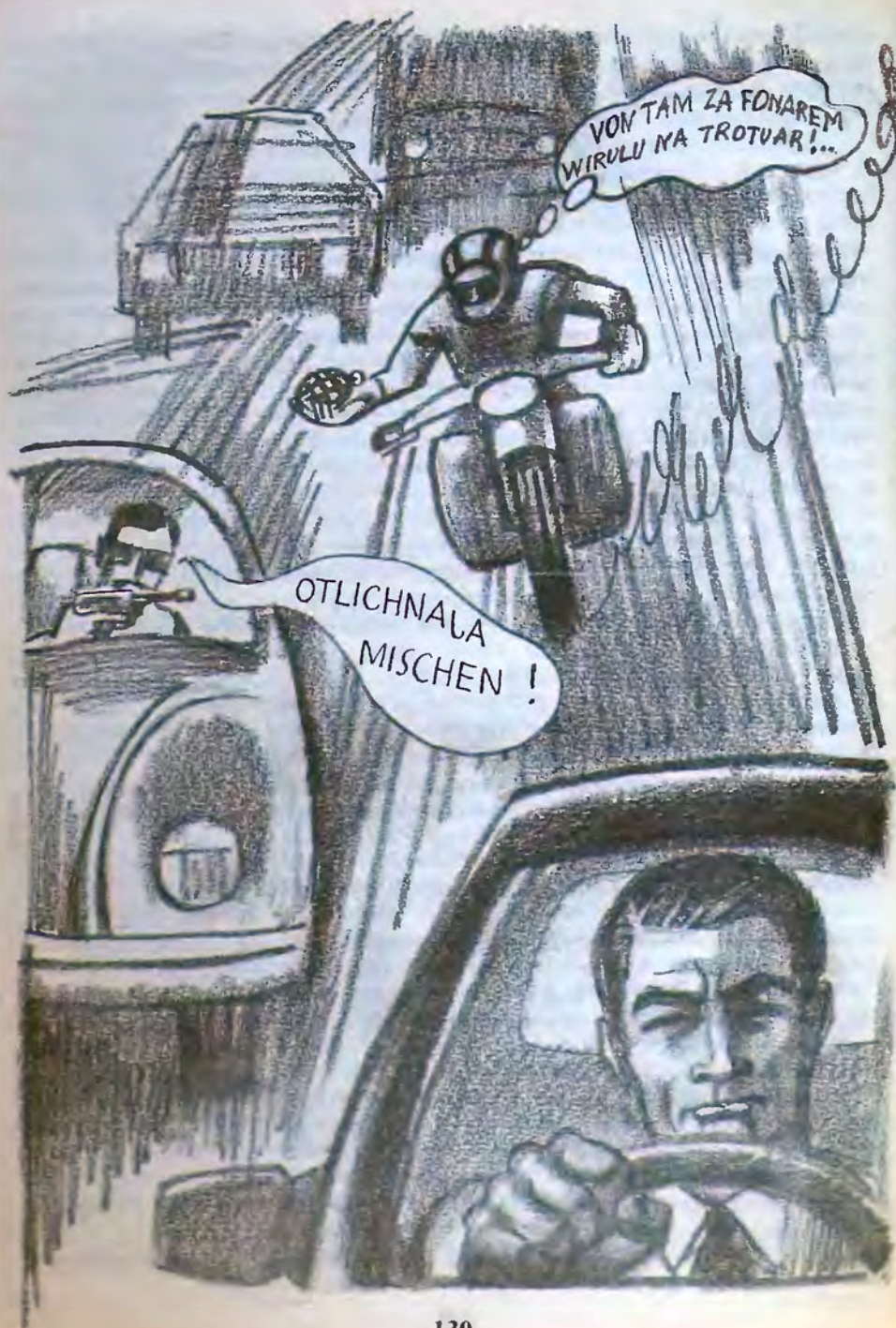
— Вы забываете, — терпеливо объяснил Блофельд, — что мы обезвредим первую и — если дойдет до нее — вторую бомбу только после того, как положим деньги в швейцарский банк. Так что державы не нападут. В принципе могли бы напасть какие-нибудь вольные охотники за золотом, но я полагаю, что правительства будут держать дело в полнейшей тайне. Любые слухи вызовут панику. Еще вопросы?

— Вы говорили, что в районе "А" непосредственно командует Первый. Предоставляете ли вы ему всю полноту власти? Назначаете ли его, так сказать, местным Главнокомандующим? — спросил кто-то из немцев.

Типично немецкий вопрос, подумал Блофельд. Всегда выполняют приказ, но должны точно знать, кто командует.

— Я уже разъяснял Специальному Комитету и повторяю: Первый займет мое место в случае моей смерти или болезни. Комитет сам проголосовал за это единогласно. По операции же "Омега" Первый — мой заместитель и (так как я остаюсь в штабе и слежу за воздействием "Письма") Главнокомандующий Спектра в районе "А". Подчиняться ему, как мне. Надеюсь, теперь все ясно?

— Ясно, — подтвердили все за столом.

VON TAM ZA FONAREM
WIRLU NA TROTUAR!...

OTLIČNALA
MISCHEN!

— В таком случае, — сказал Блофельд, — встреча окончена. — Двенадцатым займется похоронная команда. Восемнадцатый, соедините меня с Первым на частоте двадцать мегагерц. С восьми часов Почтовая служба Франции этой частотой пользоваться не будет.

7

ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ

Джеймс Бонд допил йогурт. Десять дней назад он вернулся из "Песного" и чувствовал себя как нельзя лучше. Просто воспрянул. Уж на что ненавидел писанину, а теперь и она в радость. Строчит, как пулемет, завалил все отделы толковыми, четкими служебными записками. Сотрудники сначала подивились такому рвению, а потом заворчали: надоел этот отдел 00. На службу Бонд являлся с утра пораньше свеженький, как огурчик, и засиживался допоздна. Тут уж заворчала и его секретарша, тишайшая Лозлия Понсобай: никакой у нее личной жизни! Она решилась даже посоветоваться со своей лучшей подругой — мисс Пеннишиллинг, секретаршей М. Та, подавив ревность, успокоила Лозлию:

— Не волнуйся, Лил. С моим стариком после этого проклятого санатория было то же самое. Недельку-другую работал, как автомат. А потом подвернулось сложное дело, он разнервничался и пошел в Пиковый клуб, немного отвлечься. Наутро чувствовал себя отвратительно, да оно и заметно было. Перешел, в общем, с природного метода на винный. Для мужчин самый лучший метод. Пить, конечно, вредно, но так они хоть пюди как люди. А с автоматом попробуй, сработайся...

Позавтракав, Бонд закурил — он перешел с крепчайших сигарет, какие курил еще в юности, на самые слабые — и раскрыл газету. Громко, отчетливо зазвонил телефон — красный, для прямой связи со Штабом. Не отрываясь от газеты, Бонд снял трубку. Время теперь не то, холодная война пошла на убыль — наверняка ничего интересного ему не сообщат.

— Бонд слушает.

Звонил начальник Штаба.

— Приезжайте немедленно, Джеймс. Вызывает М.

— Меня одного?

— Всех. Срочно и совершенно секретно. Все дела на следующий месяц отменяйте. Сегодня вечером вылетаете. До встречи. — И трубку повесили.

Раннее утро — машин еще немного, да и дорожной полиции не видать. Через десять минут Бонд уже поднимался на лифте на девятый, последний этаж внушительного здания.

Он шел по крытому ковром коридору. Похоже, что дело серьезное: рядом с кабинетом М. располагался Отдел связи, и теперь там, за серыми закрытыми дверями, неумолчно выбивают морзянку радисты, строчат машинистки, щелкают клавишами шифровальщики. Не Общая ли тревога? Что стряслось?

Подле мисс Пеннишиллинг стоял начальник Штаба с толстой пачкой бумаг, давал указания.

— ...И отправьте побыстрее. Почты будет сегодня много, жаркий денек.

Он передал ей бумаги.

Мисс Пеннишиллинг бодро улыбалась. Она любила такие, как она выражалась, "убийственные" деньки — вспоминалась молодость, шифровальный отдел... Она включила внутреннюю связь:

— Пришел 007, сэр. — И посмотрела на Бонда. — Ты сегодня улетаешь.

— Пристегните ремни! — усмехнулся начальник Штаба.

Над дверью в кабинет мигнула красная лампочка, и Бонд вошел.

Здесь было тихо. М. сидел в кресле, боком к столу и смотрел в широкое окно: высокие, стройные здания поблескивали в солнечных лучах. Он взглянул на Бонда:

— Садитесь, 007. Возьмите-ка эти фотокопии. — М. протянул ему пачку листов. — Прочтите внимательно.

И М. принялся набивать трубку. Бонд взял верхний лист: сфотографирован с обеих сторон конверт с адресом и отпечатками пальцев, проступившими после специальной обработки.

— Курите, — предложил, не поднимая глаз, М.

— Благодарю, сэр, я теперь курю редко.

М. кивнул, сунул трубку в рот, раскурил и глубоко затянулся. Понедобнее устроился в кресле и снова уставился в окно.

Письмо адресовано премьер-министру. Сверху на конверте приписано: "Срочно. Лично в руки". Адрес написан правильно, подробно, пунктуация безукоризненна. Штамп брайтонский, восемь тридцать утра, третье июня. Значит, опущено вчера ночью и вчера же, часов в пять-шесть, получено. Шрифт у машинки четкий, изысканный. Большой конверт, адрес красиво расположен и точен — похоже на деловое письмо. На оборотной стороне видны отпечатки пальцев, сургуча нет.

В самом письме, тоже безукоризненно грамотном и красиво отпечатанном, говорилось:

"Уважаемый господин Премьер-министр!

Начальник штаба военно-воздушных сил, вероятно, уже сообщил Вам (или в ближайшее время сообщит), что 2 июня сего года из ночного учебного полета не вернулся британский самолет с двумя атомными бомбами на борту. Речь идет о "Защитнике" производства компании "Вильярс" из Пятой экспериментальной эскадрильи Королевских военно-воздушных сил. Атомные бомбы числятся в Министерстве обороны под следующими номерами: МОС/бд/654/Мк В. и МОС/бд/655/Мк В. У нас имеются также номера, под которыми бомбы числятся в Военно-воздушных силах США, но мы не станем утомлять Вас столь длинной цепочкой цифр.

Самолет выполнял тренировочный полет по программе НАТО, на борту было пять человек экипажа и один наблюдатель. Запас топлива на десять часов лета со скоростью 600 миль в час при средней высоте 40 тысяч футов.

Указанный самолет, а также две атомные бомбы находятся в настоящее время в руках нашей организации. Ответственно заявляем, что экипаж и наблюдатель погибли, о чем рекомендуем уведомить родственников. Этим Вы подкрепите версию о крушении самолета и сохраните в тайне то, что произошло на самом деле, а тайна не только в наших, но и в Ваших интересах.

Мы сообщим, где находится самолет с атомными бомбами (причем и то

и другое можно будет вернуть в рабочее состояние) в случае передачи нам спитков высокопробного золота общей стоимостью в 100 миллион фунтов стерлингов. Указания по передаче золота прилагаются.

Если в течение 4-х дней, начиная с 17 часов 3 июня 1959 года (то есть до 17 часов 7 июня 1959 года) наши требования не будут выполнены, мы предпримем следующее. Сразу же по истечении срока мы уничтожим собственность западных держав стоимостью не менее уже упоминавшихся 100 миллионов фунтов. Будут и человеческие жертвы. Если же и после этого предупредительного удара Вы в течение 24 часов не проявите готовности принять наши условия, мы без дополнительного предупреждения уничтожим крупный город в одной из стран мира. Человеческие жертвы будут огромны. Кроме того, организация оставляет за собой право, нанеся предупредительный удар, сообщить всему миру о 24-часовом сроке. Во всех крупных городах вспыхнет паника, и это, вероятно, Вас поторопит.

Таково, г-н Премьер-министр, наше единственное и окончательное слово. Ждем Вашего ответа на частоте 16 мегагерц.

"Спектр".

"Специальный Комитет по Терроризму и Разведке".

Джеймс Бонд дважды прочел письмо и аккуратно положил на стол. Взял следующую страничку, указания по передаче золота. "Северо-Западный склон Этны на Сицилии... сигнальное устройство наведения... между полуночью и часом ночи... грузы весом в 250 килограммов обернуть толстым слоем поролона... не менее трех парашютов на каждый груз... тип самолета и маршрут сообщим на частоте 16 мегагерц... Любая попытка пресечь передачу золота считается нарушением договора и ведет к атомному удару". Та же подпись. И заканчивались обе страницы одинаково: "Копия Президенту Соединенных Штатов Америки; отправлена одновременно".

Бонд осторожно положил листок поверх остальных. Вытащил из кармана металлический портсигар, взял сигарету — теперь он выкуривал в день только десять. Закурил, глубоко затянулся и задумчиво, длинной струей выпустил дым.

М. повернулся в кресле, посмотрел Бонду в лицо:

— Что скажете?

— Если самолет с бомбами и в самом деле пропал, то дело серьезное, сэр. Не розыгрыш.

— Военный министр тоже думает, что это не розыгрыш. — М. помолчал.

— Так же думаю и я. Потому что самолет с бомбами и в самом деле пропал. И номера бомб указаны верно.

8

ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ

— Что известно об угонщиках, сэр? — спросил Бонд.

— Очень мало, почти ничего. О "Спектре" слышим впервые. Известно, что в Европе есть какая-то самостоятельная организация, она делала кое-что и для нас, и для американцев. Деньги запросила огромные, но и поработала отлично. Группа мощная, Премьер-министру я так и доложил. Теперь

слушайте, Бонд. Итак, угнан самолет с двумя бомбами. В письме все подробности изложены верно. "Защитник" выполнял учебный полет по программе НАТО над Южной Ирландией и Атлантическим океаном. — М. раскрыл пухлую папку, полистал. — Вот... Шестичасовой полет с восьми вечера и до двух ночи. На борту пятеро летчиков Королевских Военно-воздушных сил и натовский наблюдатель, итальянец Джузеппе Петацци — командир эскадрильи итальянских ВВС, приписан к НАТО. Вроде бы отличный офицер, справки о нем сейчас наводят. В последнее время на "Защитнике" учатся лучшие натовские летчики, прислали и Петацци. Самолет, видимо, войдет в ударные силы дальнего действия... За самолетом наблюдали, как обычно, с экрана, и все было хорошо, но к западу от Ирландии при высоте в 40 тысяч футов он вдруг изменил маршрут, снизился до 30 тысяч и затерялся над Атлантикой. Командование бомбардировочной авиации попыталось связаться с "Защитником" по радио, но он молчал. Сначала решили, что столкнулся над океаном с гражданским, перепугались. Но из авиакомпании об аварии не сообщили, и военного самолета вообще не видели. Исчез, и все.

— А американцы ничего не заметили, у них же есть система дальнего обнаружения? — спросил Бонд.

— Американцы-то единственные и заметили какой-то самолет, но наш ли? Милых в пятистах восточнее Бостона он повернул с трассы — "Европа — Америка" на юг. Но на юг идет много самолетов — с севера, из Монреаля к Бермудам, Багамам, в Южную Америку. Диспетчеры решили, что это канадский или британский трансатлантический.

— На это, наверное, угонщики и рассчитывали: над Атлантикой затеряться легко. А может, где-нибудь посреди океана самолет повернул на север, к России?

— На север, на юг — куда угодно! Радаром прослеживают только прибрежные пятьсот миль, а океан-то велик. А может, самолет вообще развернулся и по любой трассе полетел обратно в Европу. Ищи теперь по всему миру! Отлично спрятался.

— Ну, на земле-то такую махину не спрячешь. И не на всякий аэродром приземлишься, особая посадочная полоса нужна.

— Это ясно. Вчера к полуночи связались со всеми подходящими аэродромами. Нигде нет. Правда, начальник штаба ВВС говорит, что можно сесть и аварийно, — в пустыне, например, или в море на мелководье.

— Да ведь бомбы взорвутся.

— Нет. Они без запала. Даже если сбросить, взорвется только тротиловая начинка, а не сам плутоний.

— А как же взорвать плутоний? Спектровцы смогут?

— У военного министра об этом говорили. Всего я, конечно, не понял...

— М. развел руками. — В общем, атомная бомба похожа на обычную. В носовой части у нее тротил, а в хвосте плутоний. Между двумя отделениями — отверстие, и туда, как пробку, вставляют запал. Бомба ударяется оземь, взрывается тротил, и от него через запал — плутоний.

— Но для этого бомбу нужно сбросить?

— Не обязательно. Любой толковый физик просто заменит обычный тротиловый взрыватель в носовой части бомбы на взрыватель с часовым

механизмом. И не нужно сбрасывать, взорвется сама. К тому же бомба тяжела, но невелика, поместится в большую спортивную сумку. Бомбу оставят где-нибудь в городе и включают часы...

Бонд опять полез за сигаретой. Может, ему все снится? Ведь именно такого преступника и боялось его Управление, все разведывательные службы мира. Незаметного человека в плаще. Человек оставляет в камере хранения, в машине или в городском парке большой чемодан, спортивную сумку... И его ни за что не поймает. А через несколько лет, если правы ученые, такие люди появятся везде, самая нищая страна соберет у себя на задворках атомную бомбу. Бомба больше не тайна. Трудно ведь только придумать. Ломали же когда-то голову над винтовкой, пулеметом, танком, а сегодня они есть у всех. Завтра или послезавтра у всех будет и атомная бомба. И вот преступник впервые требует за нее выкуп. Заплати — и молва разнесется по свету, умельцы возьмутся за плутоний и железки.

— А не найдем преступника — придется платить, — подумал Бонд вслух.

— Вот именно, — согласился М. — придется даже с точки зрения политической. До взрыва довести нельзя, иначе Премьера и Президента тут же попросят в отставку. Впрочем, последствия будут самые дурные не только в политике, и неважно даже, заплатим ли, доведем ли до взрыва. Единственный выход — найти самолет и угонщиков. Премьер-министр и Президент договорились, что английская и американская службы работают вместе. В операции "Гром" участвует каждый сотрудник, где бы он ни находился. В нашем распоряжении самолеты, корабли, подводные лодки — все, что угодно. И, конечно, любые деньги. Кабинет министров организовал специальный штаб — туда направляют все сведения по операции. То же у американцев. Полной тайны, конечно, не сохраним — прессе сообщим, что "Защитник" с бомбами пропал, хотя политически и такое сообщение рискованно. Зато сможем сделать вид, что просто ищем самолет — оттого и поставили всех на ноги — а шантажа никакого нет. О письме знать не должен никто. Расследование по нему (есть бумага, текст, отпечатки пальцев, известен тип пишущей машинки, место отправления) ведут Скотланд-Ярд, ФБР, Интерпол и разведывательные подразделения НАТО. Самолет же ищет наше Управление и ЦРУ. Две эти группы — следовательская и поисковая — работают как бы совершенно отдельно, никакой связи не должно быть заметно. Аллен Даллес и я привлекаем всех сотрудников. Я объявил Общую тревогу. Теперь остается ждать.

Бонд опять закурил — уже третью за час.

— А что поручите мне, сэр? — спросил он как можно равнодушнее.

М. недоуменно глянул на Бонда, словно только сейчас заметил. Потом повернулся в кресле и снова уставился в окно невидящим взглядом.

— Я нарушил слово, 007, — произнес он как бы между прочим. — Я обещал Премьеру никому не рассказывать о письме. Я рассказал потому, что есть у меня мысль, догадка... И я хочу, чтобы эту догадку проверил... надежный человек. Слушайте. Американцы с их системой дальнего обнаружения сообщили о каком-то самолете — над Атлантикой повернул с трассы "Европа — Америка" на юг, к Бермудам и Багамам. Сообщение никого не заинтересовало, я же решил предположить, что это тот самый самолет. И засел за карту Западной Атлантики. Поставил себя на место

“Спектра”, а вернее, на место его хозяина, моего, так сказать, коллеги. И вывел следующее. Цель для первой бомбы — а если дойдет до второй, то и для второй — находится скорее в Америке, чем в Европе. Во-первых, американцы больше нашего боятся бомб и, следовательно, легче сдадутся, если пригрозить второй бомбой. Во-вторых, собственность стоимостью выше 100 миллионов фунтов также проще найти в Америке, чем в Европе. И, наконец, сам “Спектр”, полагаю, организация европейская — такова стилистика письма, и написано оно, кстати, на голландской бумаге, и замысел по-европейски жесток — это и подсказывает, что американская цель вероятней. Далее. Сесть в самой Америке или в прибрежных водах нельзя — засечет береговой радар, поэтому ищем место посадки по соседству. И находим Багамы. — М. глянул на Бонда и снова отвернулся. — Многие острова необитаемы, мелководье, песчаное дно... И всего одна маленькая радарная станция — следит только за гражданскими самолетами, сотрудники из местных. Южнее, ближе к Кубе, Ямайке, Карибскому морю нет подходящих островов, да и до Америки далековато. То же и севернее, к Бермудам. От ближайшего же из Багамских островов до американского берега всего 200 миль.

— Как же так, сэр, садятся у американского берега, а письмо отправляют британскому Премьеру?

— Запутывают след. Вот мы и ищем по всему миру, а получи письмо Президент, искали бы только в Америке. А кроме того, пропал ведь наш, британский самолет, и послать письмо нам — значит, ударить в больное место. Вероятно, они рассчитывали, что мы выложим деньги сразу, и взрывать бомбу не придется. А им только того и надо, ведь взрыв их так или иначе выдаст, им бы получить поскорее деньги да закончить операцию. На этом мы и сыграем. Впереди почти четыре дня, будем тянуть до последнего — вдруг себя выдадут. Надежда, конечно, слабая, но если я догадался правильно... И если вы не подведете... Короче. — М. строго взглянул на Бонда. — Вы меня поняли? Тогда поезжайте. До Нью-Йорка на любом сегодняшнем самолете — билеты заказаны, а дальше атлантическим рейсом. Можно было бы отправить вас военным самолетом, но лучше приехать незаметно. Вы — богач, желаете купить участок, потому и разгуливаете по всему острову. Ясно?

— Да, сэр. — Бонд поднялся. — Хотя я бы лучше поехал, например, куда-нибудь к “Железному занавесу” — там интереснее. Да и сдается мне, мелкая группа такую операцию не потянула бы. Это скорее русские. Захватили новейший самолет с бомбами — добыча отличная — и морочат нам голову каким-то “Спектром”. Работай еще СМЕРШ, я бы сказал, что это его рук дело. Узнаю почерк. Впрочем, у русских самолет или нет, разберутся наши восточные резиденты. Какие еще указания, сэр? С кем связаться в Нассау?

— С губернатором, ему уже сообщили о вас. У него хорошее полицейское подразделение. ЦРУ тоже посылает своего человека, с рацией и всем, что положено. Техника у них получше нашей. Вы возьмете шифровальную установку с тройным набором. Обо всем происходящем, о любой мелочи докладывать лично мне. Понятно?

— Понятно, сэр, — сказал Бонд (а что еще скажешь?) и направился к двери. У Управления, может быть, не было задания важнее, а его, Бонда, ставят в последний ряд кордебалета. Ну и пусть. Загорит на славу и спектаклем полюбуется из-за кулис.

х х х

Саккуратным кожаным чемоданчиком — в нем шифровальная установка, а с виду похоже на дорогую кинокамеру — Бонд вышел на улицу.

Человек в светлом "фольксвагене" поправил подвешенный под мышкой длинноствольный пистолет в кобуре, включил зажигание. Что это за внушительное здание рядом, человек не подозревал. Выйдя из британской больницы, он узнал в "Песном" домашний адрес Бонда, приехал в Лондон, под чужим именем взял напрокат машину и теперь неотступно следует за Бондом. Сделает, что задумал, и сразу в лондонский аэропорт и ближайшим самолетом на континент, в любую страну. Граф Липпе не сомневался в успехе. Рассчитаться с обидчиком — дело привычное. Мстить в жизни приходилось часто, и он, не дрогнув, убирал людей могущественных, опасных, а если о сегодняшнем узнают в "Спектре", не попрекнут. Там, в санатории, он подслушал телефонный разговор и понял, что его маску ухватили за кончик. Докопались, что он член "Красной молнии", стали бы копать и дальше. И рано или поздно вышли бы на "Спектр". Ухватились за кончик маски — значит, стянут всю. А кроме того, у агента Н. есть и личные счета. Нужно расплатиться и по ним.

Бонд сел в машину, захлопнул дверцу. Из двух выхлопных труб его "бентли" (Бонд специально поставил два глушителя) вырвался голубоватый дымок. Тронулась и машина агента Н.

А на другой стороне улицы Шестой из "Спектра" опустил защитные очки, завел мотоцикл и рванул с места, помчался, лихо обходя машины, — когда-то Шестой был профессиональным испытателем. Пристроился позади "фольксвагена" так, чтобы не увидели в зеркало. Почему агент Н. едет за "бентли", и кто сидит в этом "бентли" мотоциклиста не волновало. Ему нужно убить того, кто сидит в "фольксвагене". Из переброшенной через плечо кожаной сумки он вытащил огромную, вдвое больше обычной, гранату и, прикидывая, как потом удирать, посмотрел на передние машины.

Прикидывал и агент Н. Вот теперь машин впереди немного... Он нажал на газ, левую руку оставил на руле, а правой вытащил кольт. Профиль Бонда четок, недвижим — отличная мишень. Быстро глянул вперед и поднял пистолет.

Бонд оглянулся на мерзкое дребезжанье, — у "фольксвагена" двигатель с воздушным охлаждением, — и в ту же секунду у самой щеки свистнула пуля. Нажми Бонд тут же на газ, его настигла бы вторая, но он неизвестно отчего нажал на тормоз и с размаху врезался подбородком в руль. Взвизгнули тормоза, "бентли" стал, а вместо третьего выстрела прогремел взрыв. Бонда осыпало осколками ветрового стекла. Вокруг испуганно закричали. Бонд тряхнул головой, осторожно выпрямился. Впереди лежала на боку светлая машина, одно колесо еще крутилось. Крыша снесена. И рядом на

дороге — кровавое скользкое месиво. Пламя лижет дверцу, краска пузырится. Собрались любопытные. Бонд выскочил из машины.

— Назад! — крикнул он. — Бак взорвется!

Тут же глухо ахнуло, в черных клубах дыма взвилось пламя. Вдали завывала сирена. Бонд протиснулся сквозь толпу и быстро пошел назад, в Штаб. Хорошенькая история!

Полицейские потушили пожар, отвезли в морг останки, убрали изуродованную машину. Следствие располагало лишь ключьями одежды убитого, номером пистолета и машины. В бюро по прокату вспомнили, что посетитель был в темных очках, предъявил водительское удостоверение на имя Джонсона, дал щедрые чаевые. Машину взял три дня назад, на неделю. Мотоциклиста видели прохожие, но задних номеров не разглядели — может быть, номера и сняты. Промчался, как вихрь. В защитных очках, среднего телосложения. Больше ничего не запомнили.

Ничего не добавил и Бонд. У "фольксвагена" крыша низкая, водителя не видно.

Копию протокола Управление по разведке и контрразведке запросило у полицейских и отправило в штаб операции "Гром". М. еще раз переговорил с Бондом — коротко и раздраженно, будто в нападении виноват сам Бонд. Посоветовал не тревожиться: вероятно, это хвост прошлых бондовских дел. Полиция разберется. Главное сейчас — операция "Гром". Надо ехать.

9

БРАТСКАЯ МОГИЛА

Операция "Омега" шла без сучка, без задоринки — именно так, как задумал Блофельд.

В Джузеппе Петаччи, покойном Джузеппе Петаччи, он не ошибся. Во время войны, восемнадцати лет, тот уже был вторым пилотом сторожевого бомбардировщика немецкой марки, а немцы редко доверяли свои самолеты итальянцам. Летал над Адриатикой. Их эскадрилью оснастили новейшими немецкими минами нажимного действия, но военное счастье вскоре улыбнулось союзникам, и Петаччи решил позаботиться о себе: что делать, он знал. Во время очередного сторожевого облета он хладнокровно, по пуле в затылок, пристрелил командира и штурмана, и над самой водой, на бреющем — били зенитки — допел до уже взятых союзниками порта Бери. Вывесил в окно кабины рубашку и сдался английским летчикам. За этот подвиг и англичане, и американцы наградили его, да еще приплатили 10 тысяч фунтов за мину нажимного действия. Контрразведчикам он рассказал красивую сказку: поступил-де в итальянскую военную авиацию, чтоб вредить фашистам. И после войны считался уже доблестным героем Сопротивления. Жизнь покатила легко. Летал вторым пилотом и командиром экипажа в гражданской авиации; через несколько лет вернулся в Военно-воздушные силы полковником. Потом его приписали к НАТО и назначили, вместе с другими пятью итальянцами, в Передовое оборонительное соединение. К тому времени ему уже стукнуло тридцать четыре, и он решил,

что полетал достаточно. Пусть повоюет молодежь. А он — он всю жизнь любил вещи, броские, первосортные, дорогие. И купил почти все, о чем мечталось: два золотых портсигара, массивные золотые часы на золотом же гибком браслете, белую машину с откидывающимся верхом, модную одежду... Женщины тоже были какие угодно. Теперь ему хотелось (а отказывать себе он не привык) особенную, гладкую, дорогую полугоночную машину — он видел такую на Миланской автомобильной выставке. Но больше всего хотелось зажить по-новому, не видеть светло-зеленых натовских коридоров, не летать. Все сменить — и страну, и имя. Уехать, скажем, в Рио-де-Жанейро. Но для этого нужен новый паспорт, деньги и какая-нибудь мощная организация.

И организация сама нашла его и предложила именно то, о чем он мечтал. Итальянец по фамилии Фонда, Четвертый из "Спектра", тоже искал — по парижским ночным клубам, куда заходят натовцы, — именно такого человека. Целый месяц Четвертый тщательно готовил снасти, прикармливал рыбину, наживлял крючок; наконец, забросил удочку — и как же поспешно эта рыбина клюнула! В "Спектре" даже решили проверить, не двойная ли игра. Но Петаччи оказался чист, и ему предложили следующее. Во время учений он угоняет "Защитника". (Об атомных бомбах не говорилось вообще. А угнать просит кубинская революционная группа — так она привлечет внимание к себе и своим целям, лучшей рекламы не придумаешь. Петаччи притворился, что верит. Какая разница, для кого угонять — лишь бы платили). Петаччи получает миллион долларов, паспорт на любое имя и билет от места посадки самолета до Рио-де-Жанейро. Вместе продумали все подробности угона.

В восемь тридцать утра второго июня Петаччи был деловит и спокоен. "Защитник" с ревом разбежался по полосе и взмыл в небо.

На учениях в огромное нутро военного самолета, сразу за кабиной, ставили два обычных пассажирских кресла. С час Петаччи просидел в таком кресле, а пятеро вели самолет, склонялись над шкалами приборов. Но он, когда придет время, справится один, с автопилотом. Будет лишь проверять высоту: держаться ровно 32 тысяч футов, как раз над трансатлантическим коридором. Вот сойти с направления "Европа—Америка", повернуть на юг, к Багамам, одному трудно, но ничего, тоже справится. И садиться страшно, но за миллион долларов перетерпит. Посадка расписана по минутам.

В десятый раз Петаччи взглянул на часы. Пора! Спрятался за перегородку, приготовил и проверил кислородную маску. Вытащил из кармана баллончик с красным ободком, повторил про себя, сколько раз повернуть клапан. Положил обратно и пошел в кабину.

— А вот и Джузеппе! Проходи, гостем будешь. — Командир любил итальянца.

Петаччи задал несколько вопросов, проверил курс, скорость, высоту. Уже перешли на автопилот, и летчики расслабились, их потянуло ко сну. Лететь еще пять часов. Петаччи встал спиной к металлической полке, где хранили бортовой журнал, карты. Опустил руку в карман, три раза повернул клапан. Вытащил баллончик и сунул его на полку, между карт. Потом спадко зевнул.

— Задам-ка я храповицкого, — сказал он весело. Это словечко он приготовил заранее и произнес легко, естественно.

— А по-итальянски как? Храповиццио? — засмеялся штурман.

Петаччи добродушно усмехнулся. Вышел из кабины, уселся в кресло и нацепил кислородную маску. Рычажок он повернул до отказа и вдохнул чистый кислород, воздух в маску не проникал совсем. Устроился поудобнее и стал ждать.

Говорили, что потребуется меньше пяти минут. И точно, минуты через две сидевший у самой полки штурман вдруг схватился за горло, захрипел и упал. Радист выронил наушники и двинулся было к нему, но и сам рухнул на колени, завалился набок. Трое других тоже задыхались. Бортинженер и второй пилот слепо вцепились друг в друга, вместе сползли с кресел и грохнулись о пол. Командир что-то пробормотал, нашарил микрофон, встал и медленно обернулся: через открытую дверь он как будто взглянул на Петаччи, но глаза уже выпучены — мертв — и повалился на второго пилота.

Петаччи посмотрел на часы. Прошло ровно четыре минуты. Подождал еще. Вытащил из кармана резиновые перчатки, надел и вошел в кабину; к лицу он прижимал кислородную маску, мягкий шнур тянулся следом. Нашел на полке баллончик, завернул клапан. Проверил курс на автопилоте, включил наддув — выветрится ядовитый запах. И вернулся в кресло еще на пятнадцать минут.

Пятнадцать минут — так ему говорили. Но он выждал двадцать пять, снова, не сняв маски, вошел в кабину и по одному отволок петчиков в хвост самолета. От кислорода дыхание сбилось, и работал он медленно. Потом в опустевшей кабине он достал из кармана пузырек, открыл и посыпал из него на пол. Стал на колени, вгляделся: порошок не менял цвета. Он чуть сдвинул маску и осторожно вдохнул. В кабине ничем не пахнет. Взялся за штурвал, снизился до 32 тысяч, выправил курс, но маски все же не снял.

Темнело. Горели желтые глаза приборов, было тепло, тихо. Огромный самолет плыл почти бесшумно, только пели еле слышно двигатели. Он щелкал клавишами приборов, и каждый щелчок отдавался выстрелом.

Наконец, Петаччи откинулся в кресле. Проглотил тонизирующую таблетку и задумался. В валяющихся на полу наушниках громко заверещало. Петаччи глянул на часы. Еще бы! Это вызывает Ирландское военно-воздушное управление. За последние полтора часа "Защитник" не вышел на связь уже третий раз. Сообщат ли из управления в Спасательную службу, Командование бомбардировочной авиации, Министерство ВВС? Сообщат, но не сразу. Сначала несколько раз запросят Южный спасательный центр. На это уйдет еще полчаса. К тому времени он будет уже далеко над Атлантикой.

В наушниках смолкло. Петаччи встал, подошел к радарному экрану. Иногда там вспыхивала точка — его самолет обгонял кого-то, идущего ниже. А замечают ли его самого снизу, из воздушного коридора? Вряд ли. У гражданских самолетов радар слабый. Его почти наверняка не засекут, разве только американцы, через систему дальнего обнаружения — да и те решат, что это гражданский, просто забрался повыше.

Петаччи вернулся на место. Снова быстро проверил приборы и взялся за штурвал, тихонько качнул вправо, влево — хотелось почувствовать машину. Самолет слушался отлично, как красивый надежный автомобиль. Петаччи вспомнил тот миланский полугоночный... Какой выбрать цвет? Он любил белый, но теперь — ведь и сам Петаччи станет другим — нужен более спокойный, благопристойный. Например, темно-синий, а вдоль корпуса узкая красная полоса...

Он тряхнул головой: замечтался! Взглянул на часы. "Защитник" летит уже четыре часа. Причем со скоростью 600 миль в час, так что американский берег должен уже показаться на экране. Он встал, посмотрел. Да, берег прекрасно виден, хоть до него еще 500 миль: вот темнеет Бостон, вот серебряным ручейком петляет Гудзон. Самолет летит точно по курсу и скоро повернет на юг.

Петаччи сел в кресло, проглотил еще одну тонизирующую и сверился с картой. Руки он держал на штурвале; гироскоп загадочно подмигивал ему. Пора! Круто повернул и снова выпрямил штурвал; мастерски вывел самолет на новый курс; включил автопилот. Теперь он летит точно на юг, это последний участок пути, через три часа будет на месте. Посадит ли?

Петаччи вытащил записную книжку. "По левому борту увидите огни острова Большая Багама, по правому — Флориды. Сбрасываете топливо. За пятнадцать минут до расчетного конца полета начинайте снижаться и ждете позывных с яхты Первого: "точка-точка-тире, точка-точка-тире". Затем снижаетесь до тысячи футов, тормозите, снова сбрасываете топливо. На яхте зажгут красный маяк. Заходите на посадку. Закрылки опускаете только на контрольной высоте при скорости 140 узлов. Глубина моря — 40 футов. Выбраться через аварийный люк вы вполне успеете. Вас подберет яхта Первого. В восемь тридцать утра вылетите из Багамского аэропорта в Майами. Дальше — местными рейсами. Первый передаст вам деньги в тысячедолларовых купюрах или в чеках, как захотите, а также паспорт на имя Энрико Валли, директора компании".

Петаччи проверил координаты, курс, скорость. Лететь ему еще час. Было три часа ночи по Гринвичу, то есть двадцать один по местному времени. Вышла полная луна, и облака внизу стали как снежная поляна. Он повернул клапан, сбросил тысячу галлонов топлива, и самолет сразу потянуло вверх. Снизил до прежних 32 тысяч... Теперь оставалось двадцать минут. Пора понемногу снижаться...

х х х

Вниз, сквозь облака, почти вслепую... Светит луна, серебрится море, и редкие огоньки внизу еще теплятся. На море совсем тихо — оно гладкое и твердое, точно сталь. Он сядет! Петаччи настроился на шестьдесят седьмой канал. Где же позывные Первого? Пусто... Нет-нет, вот оно, слабенько, но пищит: "точка-точка-тире, точка-точка-тире". Значит, нужно снижаться по-настоящему. Он начал тормозить, сбавил тягу, и самолет круто заскользил вниз. Стрелку высотомера резво повело. Петаччи поглядывал то на грозную стрелку, то на отблескивающее ртутью море. На мгновение он потерял горизонт — море сверкает, путает. Но вот мелькнул внизу темный островок,

и Петаччи уверился: высота, как и показывает стрелка, 2 тысячи. Он выравнивал самолет.

Теперь позывные Первого слышались громко, четко. Скоро мелькнет красный маяк. Вот он! До него, наверное, каких-нибудь пять миль. Петаччи снова направил огромную машину вниз. Море все близится... Ничего, он сядет! Он перебирал клавиши нежно, чутко, словно ласкал женщину. Пять сот футов, четыреста, триста, двести — смутно обрисовалась яхта, огни у нее потушены, горит только красный маяк, и самолет идет точно на яхту! Врежется? Спокойно. Ниже, еще ниже... Не забыть сразу выключить двигатели... Толчок! Самолет задрал нос, прыгнул. И снова толчок! И еще!

Петаччи сложил на коленях дрожащие руки и тупо глянул в окно, где пенились волны. Он сел! Браво, Джузеппе Петаччи!

Апплодисменты!!! Где благодарная публика?!

Самолет медленно погружался, шипели раскаленные двигатели. Позади заскрежетало — при посадке сломался хвост. По щиколотку в воде, Петаччи вышел из кабины. Вдали, в неверном лунном свете мокро блеснуло белое мертвое лицо. Петаччи сорвал пломбу с аварийного бокового люка, повернул ручку и вышел на крыло.

К самолету уже подплывала большая шлюпка. В ней шестеро. Петаччи замахал, радостно завопил. Кто-то поднял в ответ руку, но смотрели из шлюпки бесстрастно, чуть удивленно; луна выбелила лица. Ах, как все сдержанны... Ладно, он тоже будет серьезен. И Петаччи скомкал улыбку.

Шлюпка подплыла. Крыло уже почти погрузилось в воду, и из шлюпки на него легко выбрался человек — маленький, толстый. С опаской, широко расставляя ноги, коротыш шел по скользкому крылу и смотрел на Петаччи в упор. Левую руку держал за пазухой.

— Добрый вечер. Доставлен один самолет в хорошем состоянии, — сказал Петаччи (эту шутку он придумал давно). — Распишитесь в получении. — И протянул руку.

Коротыш встал потверже, крепко сжал ему руку и резко рванул на себя. Голова у Петаччи откинулась, и прямо в душу ему глянула луна; сверкнул нож, вошел под подбородок, в мягкое горло. Петаччи успел удивиться, почувствовать боль — в глазах ярко вспыхнуло...

Убийца опустил тело на крыло и выдернул нож. Тщательно ополоснул в море, вытер о спину Петаччи, убрал. Отволокло тело к аварийному люку и там сбросил в воду. Затем, осторожно ступая, прошел по крылу, прыгнул в шлюпку и молча поднял большой палец. Четверо в шлюпке уже натянули акваланги и теперь по одному неловко переваливали за борт, исчезали в пенной волне. Шлюпка раскачивалась. Нырнул последний, и сидевший у мотора рулевой медленно спустил в воду огромный подводный прожектор и потравил трос. Потом включил свет, и тотчас засверкало море и в нем огромный тонущий самолет. Рулевой завел мотор, дал задний ход, свободной рукой он по-прежнему травил трос. Отъехал подальше от самолетной затягивающей воронки и заглушил мотор. Вытащил из комбинезона пачку сигарет, предложил убийце. Тот взял одну, аккуратно переломил. Половинку сунул за ухо, а другую закурил: он боролся с дурными привычками.

Продолжение следует

КУКУШАТА

Ирина ОНИ /Ленинград/

БОМЖ

Я ушла из дома, теперь мне негде жить. В моей жизни уже было многое: и подвалы, и вокзалы, и т.д. Сейчас я живу у подружки, но и это пристанище скоро кончится. Я хочу работать, снимать комнату. Я же не прошу чего-то сверхъестественного. Я очень устала и измоталась от этой потерянности среди людей. Не хочу больше никому навязываться.

Таня, 17 лет.

В ТЕМНОМ ТОННЕЛЕ

Они продвигаются по темному тоннелю с факелами в руках, испытывая томительный страх и жгучую радость. Ничего не ждет их в конце длинного зловонного коридора, но чувство такое, будто что-то все-таки ждет — неожиданное, страшное, а может быть, и чудесное. Мальчики бредут в эту "берлогу" как во сне, представляя себя то разбойниками, то героями. И упираются в тупик.

Они прячутся от зимнего холода в теплые парадные или "тусуются" у детского сада под грохот магнитофона. А недавно облюбовали себе

этот подвал, где желтеет жиденькая лампочка, где носится дикая кошка, прозванная Маруськой, красуется батарея пустых бутылок из-под водки, а в лужах плавают окурки.

Продавленный диван, заваленный замызганными одеялами, призван создать уют в этом заплесневелом подвале. Ходят по кругу засаленные крышки, побулькивает водка в одном-единственном немом стакане... Есть у них любимый "кофеюшник", где у входа бранятся пьяные. Если у кого-то из ребят есть "трешка", то они приходят сюда всем скопом и — проводят время. А, может быть, время проводит их, отвлекая сладкими напитками, убаюкивая сладкими голосами "Ласкового Мая"...

Когда становится теплее, "шарага" отправляется на "Тарзан" — облюбованное местечко, где когда-то был лес, а теперь несколько куцых деревьев печально склонились над ручьем. Они строят шалаш, разводят костры, рассказывают анекдоты, бренчат на гитаре. Раскачиваются на веревке, подвешенной на дереве. Как Тарзаны. Поэтому местечко так прозвали. Это компания из "Берлоги". Так называют они свой район, огороженный четырьмя улицами. И будто отгороженный от всего мира. В своем мирке они и вправду живут, как в медвежьем углу. Будто до Эрмитажа, как до Луны. Порой усомнишься, догадываются ли под-

ростки окраины, что есть другой Ленинград – город Растрелли и Росси, а не только тот, где одинаковые дома равнодушно глядят пустыми окнами. Душа любого человека не выносит скуки и однообразия. Вот и маются, и мечутся в своей "Берлоге" потерянные мальчики в поисках хоть каких-то развлечений. Подобных "Берлог" в городе много, никаким миллионерам не взять их "под колпак".

Когда мы попросили ребят ответить на вопрос, какой твой любимый уголок в Ленинграде, не многие из них назвали Дворцовую площадь и Петропавловку. А вот что:

– *Никому не известный огромный пустырь за улицей Маршала Казакова. Потому что там, как в степи, никого нет.* (Юля, 12 лет).

– *Детский сад № 90, начиная с 17 часов. Потому что там собираются все мои друзья, которые помогут и выручат.* (Лена, 13 лет).

– *Кафе на проспекте Художников. Там мы "балдеем" и чувствуем себя свободными.* (Антон, 16 лет).

А вот как описывает свою жизнь пятнадцатилетняя Алиса, которая, как и знаменитая героиня Кэрролла, попала в Странную Страну и ей, как знаменитой тезке, "все страньше и страньше": "Самое ненавистное место – наш микрорайон на Юго-Западе. "Спальный вагон" – скучища: ни кинотеатров, ни музеев. Ходи кругом около однотипных серых зданий. В парке Ленина, кроме детских качелей и огромного, с дом величиной, серпа, нет ничего интересного. Надоело шляться по микрорайону, как козе на привязи. А до центра ехать – целая история. Наш Юго-Запад так расстроился, а троллейбусов ходят только два и один автобус, так что, когда добираешься в "час

пик" домой, то на себе ощущаешь "сплочение пролетариата". Едешь в полном интиме с рабочими и мелкими служащими, а рядом с автобусом с ветерком проносится красный лимузин с сынком какого-нибудь высокопоставленного папаши. Скорей бы, что ли, метро к нам провели. Но я даже горжусь, что живу в одной из худших (в экономическом отношении) стран. Это здорово интересно: живешь как в музее".

Да, "паноптикум печальный"... Поистине есть, чем гордиться. И никакие призывы: "Больше работай над собой", "Читай хорошие книги", "Помогай старшим", "Будь добрым" не могут украсить и преобразить ту тусклую, унылую жизнь, которую приходится наблюдать ребятам. Вот какие самые типичные сцены из городской жизни запомнились им:

– *Мужчина торопился выйти из электрички, споткнулся и растянулся на платформе. По нему прошло много народу.* (Ира, 15 лет).

– *Гуляли мы в саду, в котором людей больше, чем воздуха. Навстречу толпа – человек 15. Подошли к нам, выложили мат, нарисовали подруге долго несмыслимые тени. Прохожие посторонились и прошли мимо.* (Оля, 15 лет).

– *Стою на остановке, подходит автобус. Меня отпихнули и сказали: "Вот молодежь пошла. Лезет". Кто-то ударил меня сумкой. Молчу. А мне опять: "Вот молодежь пошла. На проходе встала".* (Лена, 13 лет).

Тоска и скука, безделье и одиночество, обида и разочарование – об этом вспоминают, пишут, думают, кричат ребята из своих "берлог". В своем кругу они находят то, в чем отказывает им жизнь.

ДЫРКА ОТ БУБЛИКА

Лучше бы я совсем не приходила домой. Для меня это ад, а не жизнь. Меня изо дня в день подвергают постоянным оскорблениям: а) вскрывают мои письма, допрашивают, кто мне пишет; б) подслушивают телефонные разговоры; в) роются в моих карманах, сумках, письменном столе. И даже не скрывают это! Однажды во время очередного обыска у меня нашли пудру и неделю со мной не разговаривали, предварительно обозвав "панельной девкой". Или, найдя какой-нибудь рубль, сэкономленный за три дня на завтраках, обвиняют в воровстве из семейного бюджета.

Дома я больше жить не хочу. Все чаще меня преследует мысль зайти в аптеку, купить пачек 10-20 таблеток и съесть все сразу. А, может, брошусь в Неву – плавать я не умею. Может, и вам на меня наплевать? Я вам никто, тьфу! Дырка от бублика!

Н.

ГОЛОВОЙ ОБ СТЕНКУ

У нас дома так завелось: двойка – летишь головой об стенку. И в угол. Бьет меня отец. Отец у меня с расштаннанными нервами. Ему себя не побороть – ему меня побороть. Вот сижу я сейчас, пишу, как услышу шаги отца, так сердце замирает.

Марина, 14 лет.

КАК ВЫТАЩИТЬ ТОЛСТЯКА?

С Пашей вечно что-то приключается. Однажды бегал по крышам гаражей, а тут хозяин прикатил. Паша в ужасе спрыгнул в промежутки между гаражами. И застрял. Тянули его друзья за руки, за ноги, сам он живот подтягивал, старался – никак! Народ собрался, сочувствуют. Друг Вася сбежал за мылом, живот Паше намылил – не поддается. Две пожарные машины прикатили, "скорая" и милицейская. Домкратом пожарные раздвинули стены гаражей и под крики "ура" вытащили толстяка.

Эта история долго веселила здоровенных пятнадцатилетних "лбов", которым уже пора бы о взрослой жизни подумать, да не научены они задумываться. А если б и задумались, что с этого? Что могли бы изменить?

– О чем с ним говорить!? – страшно удивились учителя, когда я попросила познакомить меня с Пашей. – Двоечник, подырь. Соображает плохо. Увидите еще, какой он толстый...

Исчерпывающая характеристика! Да разве человек, даже самый пропащий, может вписаться в такое "прокрустово ложе"? Ведь написал же этот толстый обаятельный блондин Паша в сердцах письмо в редакцию, где рассказал о себе и о своей компании: "Никому мы не мешаем. Ну, соберемся, и что? Деться-то некуда! А в классе меня любят и уважают. Списать дают!" Пашины друзья – Вася, Женя, Сережа – явились защищать его от журналиста. Уверены: взрослые всегда нападают, все они из одной компании. Сережа состоит на учете в милиции. Женя несколько раз убежал из дома,

Фото Виктора ЕРШОВА

Вася выпивает, но старается "завязать" с куревом (многолетний стаж). А Паша бросил и пить, и курить – уж очень боится отца.

– Ну, чего мы такого делаем? Простые пацаны. Чего к нам все пристают? Стекол не бьем, чужого не берем. Только один раз в детском саду разбили стекло, так сразу отработали – песок натаскали в песочницу.

Правда, случаются "махачи" – жуткие жестокие драки, где сталкиваются разные враждующие компании и группировки.

– Вот зуба уже нет, – Вася поднимает губу. – Сидим себе на болоте, тусуемся, а тут двое приходят, в крестах и браслетах, и давай "метать заводку", чтобы мы сваливали. Ну, мы – наотрез. Они привели своих человек тридцать. Крутой был "махач". Но я тому тоже врезал, который мне зуб выбил!

За ними давно послеживает милиция. Мало ли что! Жутко им обидно от этой "профилактики", которая имеет так же мало смысла, как и вся их однообразная жизнь.

– Идем мы с магнитофоном, а насменты останавливают и в отделение. Проверим, говорят, не в розыске ли магнитофон. Может, украли. И торчишь у них допоздна. За что?

За что? Этот вопрос не ставят перед собой блюстители порядка. Главное, что они знают зачем: чтобы предупредить возможную преступность, которая, всем известно, от этого не уменьшается. Их дело – подозревать тех, кто под руку попадает, вызывая только злобу и желание "насолить" и напакостить. Вот кто главные воспитатели в "Берлоге" – милиционеры. Зачем им педагогическое образование? Вся их педагогика: хватай, веди в отделение, поработывай, доводи до сведения.

Учителя – другое дело. Они ищут причины подростковой преступности, хотя отыскивают их с трудом и в неожиданных местах. В Пашиной школе мне сообщили, что все дело в видеосалонах и в рок-музыке. А в росте преступности, оказывается, виноват Кинчев, а также Брюс Ли. Но совсем иное говорят ребята:

– Мы заряжаемся одной энергией, и поэтому мы вместе! Но Кинчев не призывает нас все громить и рушить. Это ваша фантазия. Мы это делаем из ненависти к блюстителям порядка. (Сергей Дятлов, 17 лет).

Совсем иная версия! Может, она и не совсем "педагогична", зато, как мне кажется, ближе к истине.

УЧИТЕЛЬНИЦА-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА

В учительскую, где мы беседуем, входит учительница, и Паша подносит палец ко рту: молчок! Свободные птенцы окраины на глазах превращаются в услужливых пай-мальчиков. Сжались, плакатно улыбаются.

– Интервью даете? А с уроками как? Помните, что на завтра задано? – строго спрашивает учительница литературы.

– Образы коммунистов в романе "Молодая гвардия", – отчеканивает Паша как рядовой – старшине.

– Вот-вот. И займитесь делом. Роман-то прочли?

– Очень хороший роман, – подобоистрастно поддакивают мальчики.

– А я больше фантастику люблю, – вдруг встревает Паша, – и про индейцев.

– Ну, это уж тебе не по возрасту, – продолжает наступать учительница. – А современная литература?..

– Нет, больше нравится старина...

– Что именно?
– Э-э... Как его? Такая двойная фамилия, сказки писал, в прошлом году проходили...

– Салтыков-Щедрин, что ли? – смеется учительница, выразительно глядя на меня. “Видите, какие неучи” – говорит ее взгляд.

– Ну-ну, хватит болтать, надо исправлять двойки, – как победитель-главнокомандующий смотрит она на своих учеников.

Но почему она чувствует себя победительницей? Ведь это поражение, а не победа.

– Я постоянно чувствую над собой дубинку, и попробуй куда-нибудь не сходи, куда обязан ходить социалистический человек, – дубинка упадет и превратит тебя в смятку. Мы напихали в свои полиэтиленовые мешки килограммовые книги и бежим в школу. Зачем? Учителя даже забыли, что мы люди. За что я должна любить школу? За то, что я, выйдя отсюда, буду зла на весь мир? (К.Ю., 13 лет).

СТРАДАЕМ БЕЗДЕЛИЕМ

Помогите объяснить взрослым, что мы все (все дворовые компании) – просто страдаем безделием. Чтоб они от нас не шарахались.

Лена, 13 лет.

“ДИЕТА” ДЛЯ РОВЕСНИКОВ

“Есть у нас еще клуб “Ровесник”, – писал Паша в своем письме. – Да что от него толку?”

Зашла я и в этот клуб. Нет, будь я их ровесником, не стала бы я сюда рваться. Мрачно. На стенах – ненаг-

лядная агитация, непонятно кого и за что агитирующая. План работы на месяц: турнир по шахматам, открытый урок группы ОФП, отчетный концерт школы, репетиция агитбригады, лекция о диете... Видно, на этой-то суровой “диете” сидят Пашины ровесники из “Берлоги”: познакомиться нечем.

– А чем могут заняться у вас эти мальчишки? – спрашиваю у суровой неприступной дежурной.

– Художественной гимнастикой, макраме, ручным вязанием, – монотонно перечисляет строгая тетя, буд-то она компьютер.

– Да что вы? Взгляните, какие они? Зачем им ручное вязание?

– Аккордеон, гитара, – так и не взглянув на ребят, продолжает тетя.

– Гитара? Очень хорошо! – Радуюсь я.

– Платно, – портит мою радость тетя, – 25 рз в месяц.

– Годится? – спрашиваю у ребят.

– Не-е-а, родители денег ни за что не дадут.

– Ну, а в школе-то есть какая-нибудь секция бесплатная?

– Баскетбол. Я туда ходил, – говорит Паша, – у меня получалось. Был шестым. А теперь бросил. Очень уж учипка вредная. Чуть что не так, попрекает: “Я тут с вами вожусь бесплатно, а вы...”

– Государство вроде попыталось выманить подростка с улицы. Но, пожалуй, сделало ошибку, доверив это всевозможным кооперативам и научно-техническим центрам и клубам. Те пекутся лишь о том, как бы побольше содрать денег с подростка. А где ему их взять на всевозможные видеосалоны, видеокафе, залы игровых автоматов? Работать? Ну, что ж, попробуйте устроиться на работу, когда вам 14-16 лет. Обойдите все заведения, где висит объявление “требуется”

– там на вас просто плюнут.

А потом удивляются, почему у нас преступность растет. (Дмитрий Кирилов, 15 лет).

Думается, Дмитрий в небольшом письме глубже проанализировал проблему подростковой преступности, чем взрослые, сваливающие вину на Брюса Ли.

В "ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ" – ОДИНОЧЕСТВО

У нас одинаковые "истории болезни". А ведь только больной может увидеть эту боль в другом. Мне бы хотелось знать, чем мы больны. Может, одиночеством?

А.П., 15 лет.

"Я В ТВОИ ГОДЫ КОЗУ ДОИЛ..."

А Пашин отец нашел причину в другом.

– Я в твои годы козу доил, – он часто встречает Пашу дома этой фразой. Потом рассказывает, как в его годы строил сарай. "А ты балбес..." – завершает он обличительный монолог. Дома крики, скандалы. В маленькой двухкомнатной квартирке, кроме Паши с отцом и матерью, сестра с мужем и двумя малышами. Не соскучишься! Деньги, правда, у родителей есть, отец хороший рабочий. Паша обут-одет, у него два магнитофона. Только где их дома слушать? Всем мешает... Еще есть дача, о которой родители заботятся больше, чем о нем. То картошку надо копать, то торф возить. Родители устают, отец к тому же человек больной, нервный. Если под

настроение заглянет в дневник – пиши пропало! Может и оплеуху залепить. Или орать будет два часа. Или заведет любимую песню:

"Я в твои годы козу доил!..."

Все не так: что Паша ни сделает – рано пришел, слишком поздно пришел, зачем вообще дома сидишь, пошел бы куда-нибудь, мешаешься под ногами...

– Вот и гуляешь до изнеможения, – говорит Паша. – Портфель домой закинешь, поешь наскоро – и в "Берлогу", к друзьям.

– Кукушкины дети, – сказала о них учительница. – Дома живут, а дома у них нету.

У Вовы пьет мать, у Васи – отец. Сережу отец бросил, а маме не до него, он вообще у бабушки живет. Звонки в милицию то и дело сообщают о тусовках в подвалах и на чердаках. В милицию доставляют подростков. Но разве это что-то меняет? Задержать, наказать, отчитать... Вот все, что мы можем. Закрыть все подвалы и чердаки? Обоснуются в темном параднике, пугая жильцов и прохожих. Им некуда податься. У них нет настоящего дома, где им радостно и тепло. В школе им невыносимо, учителя их не любят. Да и за что их любить? С ними столько возни и хлопот. А ведь им только и надо, чтобы их любили, чтобы о них позаботились, чтобы кто-то сделал их жизнь чуточку теплее. Вытащат их из подвала, приведут в милицию, заполнят протокол, аккуратно выспросив все данные и поставив на учет... Что мы учитываем? "Лишних", никому не нужных подростков, которым в подвале теплее, чем с нами?..

Когда кукушка бросает своих детей, их выращивают, о них заботятся другие птицы. Где же те птицы, которые прилетят на помощь обитателям "Берлогу"?

Катя ГОЛОВИНА, 14 лет

ТРУДНО БЫТЬ ПРЕСТУПНИКОМ

Рассказ сатирический, полуфантастический

Он родился в бедной семье и рос без матери, следовательно, все знали, что растет будущий преступник. Даже в его имени – Володька, сходном с именем знаменитого вора Владимира Синичкина, усматривали предназначение судьбы, поэтому, когда Володька пошел в ясли, его в целях профилактики поставили на учет в детской комнате милиции. Особых примет у Володьки не было. Среднего роста, обычное лицо... пожалуй, только нос, напоминающий по форме клюв ястреба, был приметным. По утверждению Конан Дойла, точно такой же нос был у Шерлока Холмса, и лицо Володьки было признано явной ошибкой природы.

Вечерами при свете тусклой, засиженной мухами лампочки Володька перечитывал детективные романы, все, что только нашлось в местной библиотеке. Этим он никому не мешал, и никто его не трогал.

Неприятности начались, когда Володька пошел в школу. Своим пребыванием в ней он доставил директору и учителям много хлопот. Учился Володька плохо. Точнее, он вообще не учился: будущий преступник на уроках смотрел в окно, где напротив школы гордо и неприступно возвышалось здание банка, и глаза его почему-то были тоскливыми.

Уже в первом классе Володька преподнес сюрприз учителю рисования. Когда он сдал ей свой рисунок на свободную тему, та вдруг побледнела и спросила срывающимся шепотом, хотя они были одни:

– Что это?

– План банка, – скромно ответил Володька.

Действительно, это был план банка, выполненный тщательно и умело, с точным указанием, где что в данный момент лежит и на какую сумму. Не зная, что и сказать, учительница занесла руку над журналом. В ее голове боролись две разные мысли. Конечно, техника исполнения очень даже... но тема! Ручка клюнула журнал и вывела тройку. Эта тройка так выгодно выделялась среди остальных отметок Володьки, что он стал сдавать план банка на каждом уроке рисования – независимо от темы, а довольная учительница, наконец, нашедшая выход, ставила ему тройки почти машинально.

А в это время директор школы не спал по ночам. Стоило ему закрыть

глаза, как на него наплывало лицо Степана Николаевича, а в ушах гулким эхом отдавались слова, сказанные вышеупомянутым гражданином на совещании: "У каждого трудного ребенка есть скрытые склонности. Нужно лишь выявлять их, записывать ребят в соответствующие кружки..."

В том, что Володька был трудным ребенком, директор школы не сомневался. И он бессонными ночами припоминал все поступки Володьки, пытался выявить его склонности и находил лишь склонность к грабежам и бандитизму. И вдруг у него появилась идея!

На следующий день директор вызвал Володьку в кабинет и сказал, зачем-то теребя шляпу:

– Володя, знаешь, я решил... мы решили... тебе стоит... обязательно надо, в соответствии с наклонностями... заняться изучением Уголовного кодекса РСФСР.

– Договорились? – произнес он через некоторое время, заискивающе заглядывая Володьке в глаза.

Володька с минуту постоял, что-то соображая, и затем кивнул головой.

Так в школе № 1 появился единственный в городе кружок по изучению Уголовного кодекса РСФСР. Теперь директор со спокойной совестью демонстрировал Володьку работникам горно, а на вопрос: "Почему только один занимающийся?" – гордо отвечал: "Один, да зато гениальный! Память отменная – весь Уголовный кодекс знает!"

Память у Володьки действительно была выдающаяся, поэтому, когда одна толстая женщина с тем властным выражением лица, с которым, наверно, и рождаются на свет все начальники, попросила его рассказать на выбор любую статью, он лихо отчеканил свою любимую – о кражах.

Володька имел успех. Его спросили, нравится ли ему заниматься в кружке, на что он немного невпопад ответил любимым выражением Остапа Бендера:

– Я что, Уголовный кодекс?

Восхищенные работники не сводили с него глаз. Чувствовалось, что следующая фраза Володьки будет встречена аплодисментами.

– Ты видишь, какое наказание несут люди за преступление. А что надо делать, чтобы не наказывали? – мило улыбнувшись, спросила та же толстая женщина.

– Не попадаться, – сделал вполне логичный вывод Володька.

Все вокруг восхищенно зашептали:

– Какой практичный мальчик! Какая логика!

После этого случая директор Володьку зауважал.

Но шли месяцы, и директор школы вновь встревожился. По всем планам, записанный в кружок Володька должен был мгновенно начать получать пятерки, однако он упорно этого не делал.

Новую идею подала завуч Алла Алексеевна. После уроков она позвала Володьку к себе в кабинет и укоризненно сказала:

– Ай-яй-яй! Такой способный мальчик и так плохо учится! Пойми, мы желаем тебе только добра, но... Где это видано, чтобы человек, который собирается стать знаменитым грабителем, не имел приличного образования. Вот, например, Гарри Счастливчик окончил школу с золотой медалью, Кровавый Джон и Билл-Силач были лучшими студентами в очень

престижном институте, а Дмитрий – Меткий глаз вообще окончил МГУ. А из тебя, – сказала Алла Алексеевна презрительным тоном, – при таком образовании в лучшем случае получится мелкий карманник.

С этим Володька смириться не мог. После разговора с завучем он крепко задумался, и учителя тихонько молились богу, чтобы тот оправдал их надежды. Классный руководитель Володьки даже перекрестился, после чего тут же получил выговор, но не строгий, так как все признали, что креститься есть из-за чего.

Счастливые время надежд прошло. Володька придумал свой способ получения пятерок, не уча уроки. Способ этот он тут же продемонстрировал на уроке литературы...

Наталья Ивановна, мягкая, интеллигентная женщина, начала урок. Как всегда, ей предстояло выполнить пустую формальность: спросить Володьку, выучил ли он стихотворение, получить обычный ответ: "Пусть учит тот, кто его написал" – и поставить в журнал двойку. Но на этот раз Володька медлил с ответом и зачем-то сунул руку в карман.

"Неужели выучил?" – шевельнулась робкая надежда в душе Натальи Ивановны. Шевельнулась и заглохла, потому что в Володькиной руке появился браунинг. Дуло браунинга смотрело прямо на учительницу.

– Наталья Ивановна, я не выучил стихотворения, – вежливо, но с нажимом произнес Володька.

Наталья Ивановна поблдедела. Взгляд-молния метнулся к двери, к Володьке и опять к двери. Дрожащей рукой учительница поставила пятерку в журнал.

На следующей перемене об этом случае узнала вся школа. Бедные, испуганные учительницы уже не ждали, пока Володька вытащит свой браунинг, – пятерки одна за одной появлялись в журнале с непостижимой быстротой. Учитель математики, как самый смелый и к тому же единственный учитель-мужчина, во всеуслышание заявил:

– Уж пятерки-то он от меня не дождется!

И действительно, Олег Андреевич рискнул поставить вместо пятерки четверку, правда, после того, как надел бронежилет...

Володька недолго оставался отличником. На третий день после этих событий к школьному крыльцу подъехала милицейская машина, из которой вылезли двое мужчин гигантского роста и спортивного вида. Володька очень удивился. И на всякий случай показал им пару приемов карате. Однако мужчины, вспомнив, что в далекой юности изучали что-то похожее, так накнулись на будущего преступника, что тот больше не оказывал сопротивления и позволил конфисковать браунинг.

Грустно глядя вслед удаляющейся машине, Володька подумал, что специально для подобных случаев неплохо бы завести себе друга, желательно посильнее.

Как всегда, судьба была к Володьке милостива. Утром математик ввел в класс новенького, сказал:

– Разрешите представить вам Петра Новикова, он переехал сюда из Куйбышева, – и посадил мальчика рядом с Володькой.

Услышав краткий рассказ новичка, Володька чуть не задохнулся от радости – именно такой человек ему был нужен. А по срывающемуся

голосу и бегающим глазам мальчишки догадался, что он не будет оспаривать у Володьки роль лидера.

Новые друзья оказались почти соседями: оба они жили в гетто – районе, густо населенном инженерами, конструкторами и технологами, уборщиками и прочими работниками умственного и низкоквалифицированного труда. Славилось это гетто отсутствием краж, так как воровать там было нечего. Зато здесь была родина большинства знаменитых преступников. Володька с Петькой собирались когда-нибудь войти в их число.

В двенадцать лет мальчишки впервые вышли "на дело". Это было очень рискованное предприятие, ведь Петька был практически небоеспособен: пару дней назад Володька отрабатывал на нем новые приемы карате. Юные преступники хотели сразу же прославиться, поэтому решили для начала ограбить банк. Приготовления были краткими: Володька тщательно проверил, исправлен ли его новый браунинг, надел черную маску, пылившуюся в ящике еще с новогоднего карнавала, взял коробку конфет – пожевать в дороге и, наконец, написал отцу записку: "В 24.00 ушел на дело. Вернусь в 7.00 очень голодный, поэтому селедку в холодильнике не доедай. Володька".

Всю ночь вокруг банка раздавались выстрелы. Жители соседнего дома, привыкшие к тому, что банк периодически грабят, проснулись, перевернулись на другой бок и вновь заснули.

Володька вернулся, как и обещал, в семь утра, но без денег. Единственным его приобретением был огромный синяк под глазом. Селедку Володька есть не стал, он сразу же уснул. Сгоравшие от любопытства товарищи с нетерпением ожидали его пробуждения. Однако, проснувшись, Володька на их расспросы не ответил. Петька тоже как в рот воды набрал. Впоследствии оба они не вспоминали о своем первом деле. Известно лишь, что именно приснилось Володьке в то памятное утро, но это не дает никакого следа в разгадке тайны. А приснилось ему вот что...

Приснилось Володьке, будто он оставил отцу записку: "Ушел на дело. Черную икру без меня не доедай. Приготовь сейф на пару миллионов". Возвращается Володька, поднимается по лестнице, а несет только один миллион.

– Что ж так мало? – спрашивает отец.

– Не повезло сегодня, – пытается оправдаться Володька.

– Способный ведь, а не стараешься, – следует заключение.

Во время этой фразы отец превращается в завуча Аллу Алексеевну.

– Володенька, – умоляет она, – отдай эти деньги на ремонт школы. Заодно на них шторы купим, а то каждый раз, когда банк грабят, дети отвлекаются, в окно смотрят. Успеваемость страдает, – добавляет она со вздохом.

Тут Володька проснулся и с грустью на лице пошел чистить браунинг. Труден мой путь, подумал Володька, попробуй оправдай все надежды, что возлагали на меня с рождения. Иногда он даже думает, что уж лучше бы в нем с самого начала подозревали обыкновенного отличника. Хлопот было бы меньше.

г. Камышин

КАК ЖИВЕТ ДЖОН

БУРЖУЙСКИЕ ДЕТИ

Вениамин ДОДИН

Маршрут нашей поездки по Соединенным Штатам был составлен так, чтобы показать "всю Америку" и провести хотя бы ночь в каждой семье, где нас ждали. Это все семьи моих родственников, деда или родители которых еще до революции переселились в Штаты в поисках лучшей жизни, укоренились здесь, и теперь в этой стране у меня много двоюродных, троюродных братьев-американцев, сестер, племянников.

Наше путешествие организовал Милтон, мой двоюродный брат, владелец ковровых предприятий. Он правильно понял и блестяще осуществил нашу установку: "Мы к вам приехали не есть и не спать — показывайте и рассказывайте". Были предусмотрены заезды и в столицы штатов, и в известные национальные парки... Ради экономии времени — чтобы не терять ночных часов — мы продвигались в основном в фордовских автоспальнях.

В "плечевые" водители автоспа-

лен Милтон принял моих племянников, самому старшему из которых было около шестнадцати. Принял, между прочим, на изощренных конкурсных началах: лучшие баллы в школах по географии, истории и почему-то по математике... Правда, сперва сам Милтон и все взрослые участники марафона бдительно следили за показаниями внутренних цифровых спидометров и за звуковой аварийной сигнализацией в петлях спальнях: ночью эти "гангстеры" могут развить непопозволенную скорость. Все, однако, обошлось благополучно. Преодолев более двух десятков тысяч миль разных дорог, мы вышли из этой гонки по континенту Америки целыми и невредимыми. И обязаны этим заокеанским мальчикам, с детства приученным к труду, потому с детства труд уважающим.

Надо было видеть, как они вечерами проверяли двигатели, тормозные системы, питание, свет. Как они, незаметно отогнав машины от корпусов мотелей и гостиниц, проводили настоящие техосмотры и испытания. Еще надо было видеть, и слышать надо было, как рабочие-мастера на ночных заправочных без скидок, как с равными, тихо толковали с мальчишками о подвеске, давлении в камерах, о тормозной жидкости, которую неплохо бы сменить, но можно и повременить до...

И никто из этих мальчиков, детей в сущности, сидевших долгими ночными часами за баранками тяжелых трайлеров-спален, никто и не подумал хвалиться самим фактом управления сложной мощной техникой на ночных дорогах, где гигантские серебристые гондолы с реактивным воем обгоняют твою машину, идущую во мглу на сотне миль.

Или на подходе к городам, где встречные автомобили проносятся совсем рядом, будто летят на тебя со скоростью пушечного снаряда и с тем же раздражающим душу ударом волны...

И ведь не похвалит никто. Никто не скажет – молодцы! А когда наша спальня подъезжает к дому кого-то из водителей, то выбежавшие на встречу девчонки, его сестры, еще и подковырнут брата: "Наверное, вымотал у наших русских все кишки, герой! Мы бы в твою машину и за миллион не сели!"

Вот так.

... К Большому Каньону – Чуду Америки – в штате Аризона мы летели на великолепном двухмоторном моноплане.

Я испугаться даже не успел – таким диким, невероятным мне это показалось, – когда увидел в пилотской кабине, да еще во время полета своего племянника Энна: мальчик мог к чему-нибудь притронуться, что-то покрутить, если недоглядит отец, сломать, наконец... И вдруг меня озарило: никого в кабине кроме Энна нет. Отец, о чем-то беседовавший с сыном за несколько минут до полета, исчез, остался на земле... И самолет ведет Энн, пятнадцатилетний мальчишка, который только что крутился окопо нас и вытягивал из моего "примерно английского" сведения о смысле значка из Советской России... Это он поднял машину со взлетно-посадочной полосы и теперь вел ее курсом на Юг.

...Внизу раскрывалось коричневое-зеленое плато, чуть змеиной дорожкой с движущимися по ней длинными игрушечными машинками, наплывав навстречу прозрачный туманчик...

И все-таки самым невероятным в ситуации был не стремительный лет белого самолета, не плавные движения его рулей при чуть заметных разворотах, даже не Энн в кабине. Самым невероятным было поведение моих сестер Френсис и Джесси – мамы нашего "пипота". Она спокойно разглядывала спортивный костюм на Нине Оттовне, моей жене, синий с белыми полосками на груди старенький китайский костюм, и беззаботно обменивалась с Френсис замечаниями, как я понял, о высоком качестве материала – чистой и мягкой шерсти. Нина Оттовна, довольная эффектом, тоже не думала беспокоиться по поводу того, кто сидит там, в комнатке впереди салона, где руль. Привыкшая с детства к настоящей работе, она несколько позже и меня успокоила, убедив, если мальчику доверили самолет, значит, знали, что делали. Она напомнила, как во времена нашей сибирской молодости шофера из геологоразведки доверяли одиннадцатилетним пацанам самосвалы ЗИС, отсыпаясь за их спиной после тяжелой дневной работы. Пацаны вели машины – и ничего, никто не свернул себе шеи. А водители, случалось, гибли...

– Разве можно сравнить дорогу из Усова в Мотыгино с этой, на которой стоял самолет? А в воздухе он же один летит!.. Встречных грузов-то нет...

Так что я тоже успокоился. Встал с кресла и прошел в пилотскую кабину. Из ее фонаря открывался завораживающий вид земли.

– Мы сейчас спустимся до бреющего и выйдем на Каньон, – сказал Энн. – Это будет красиво. Очень. Отец научил меня так выходить на Каньон. Сейчас я переговорю с дис-

петчером. Сядьте там. Пристегнитесь...

Машина вошла в крутую, почти отвесную глиссаду...

Вечером, дома, разговариваем с отцом Энна.

– Зря беспокоились: парень с девяти лет со мной за штурвалом. У него сейчас реакция настоящего пилота. Я доверил ему самолет в двенадцать лет... А как еще учить ребенка, мальчика? Только настоящим делом. Человек, если он человек, должен уметь делать дело. И лучшее время учить делу – детство. Потому хотя бы, что в детстве каждый берется только за то, что ему по душе. Отбили родители своего ребенка от приглянувшегося ему занятия – все! Кончено! Настоящего дела у человека уже не будет. Будет зрзац... И жизнь его, считай, сломана. Нельзя мешать. Надо только понаблюдать внимательно за человеком и сообразить без опоздания: дело ли то, чем он занялся, или ребячье сиюминутное увлечение. Баловство. А если дело – извернуться и подбодрить незаметно, показав, что у него все хорошо выходит. Получается! И подстраховать, чтобы действительно получилось. Только тоже незаметно подстраховать: настоящий парень сразу сообразит, что его обманывают... Тогда плохо: у настоящего-то характер! И именно настоящий может потерять уверенность...

Впервые по-честному я Энну дал штурвал там, над Большим Каньоном. Мы тогда возвращались из Кингмена. Энн сказал: "Отец, мне бы надо самому пройти Каньон..." Тогда у нас была Дакота-38, отличная, но своенравная и очень чуткая машина. И полет над Каньоном – зимой особенно! – сложен. Бывают срывы. Но Энн настаивал: "Отец, если я

сейчас не пролечу сам через этого врага, я начну его бояться и никогда не буду пилотом..." Я отдал ему штурвал. Когда Каньон остался позади и я расслабился, Энн неожиданно сделал разворот... "Отец, – сказал он, – мне бы еще разок пройти овражек, а? Было страшно и Дакота это сообразила. Мне стреножить надо Дакоту, отец..."

Я снова про себя молился, пока он вел самолет над оврагом. Приятно узнать однажды, что сынок твой стоит дорого, а?! А сынку-то было на месяц больше одиннадцати лет! В двенадцать я разрешил ему поднять самолет. Одному...

Интересно, откуда это у американцев? Быть может, сказывается, что в роду каждого – пионер?

Мальчишки и девчонки одиннадцати-тринадцати лет четко представляют себе, кем будут. Они понимают, что жизнь очень серьезная штука и делать ее нужно серьезно.

Юноши и девушки из известных мне многочисленных семей к моменту окончания средней школы знали о своей будущей специальности все, что может узнать увлеченный человек, который на протяжении семивосьми (из двенадцати) школьных лет упорно и целенаправленно собирает необходимую информацию, пробует себя в облюбованном деле.

Так, Питер из Ниидема уже с четвертого класса знал, что будет журналистом. В четырнадцать лет стал выпускающим многотиражки, брал интервью на телевидении. Ни о какой "руке" при этом не могло быть речи: эта липа никому не нужна. Человек готовится стать журналистом в среде журналистов. Это уже потом, позднее, когда он будет признан, оценен и известен, его безус-

ловно кто-то будет поддерживать. Но прежде всего он должен стать классным специалистом. А здесь не поможет никакая "рука".

Физику Женни было 12 лет, когда его статьи по квантовой физике обратили на себя внимание военных. А журнал, где печатались его работы, материалы "по звонку" не принимают. Ибо публикация – прежде всего **р е к о м е н д а ц и я**! А за рекомендацию рекомендуемый в Америке отвечает карьерой.

Представительница нового поколения – Сьюзен, ей 12 лет: "Буду детской писательницей". А пока – школа. Четыре внешкольных семинара. Два внеклассных факультатива. Еще музыка. Еще четыре языка. Как всюду успеть? У отца и матери машины. Но они – очень занятые люди, да и Сьюзен – не единственный ребенок. У ее сестры Эмми – тоже семинары, факультативы...

Дети рано начинают понимать силу знания и философскую силу Закона Жизни Америки: "Каждый сам за себя! Один Бог за всех!" Конечно, по поводу Закона можно иронизировать, рассуждать о пропаганде одиночества, насилия.

А Закон-то этот, нам не очень ясный – огромный жизненный стимул, оказывается. В его основе простая идея: умей трудиться! Только и всего. И пустословие, что залило нашу школу, им не грозит. Американцы работают. С молодых лет. И никто не жалуется на то, что труд может укоротить детство. Им сама эта сентенция не понятна.

Маленькая Сьюзен – это при всех факультативах – нянчит двухлетнего сынишку своего школьного директора. Трудится три раза в неделю по

три часа. Зарплата – один доллар в час. Мне она заявила, что будет баснословной, ибо родители ее подопечного младенца должны надбавить до доллара двадцати центов: "Они же не учитывают инфляционных издержек!"

Ее старшая сестра Эмми с девяти лет в няньках. Платят ей три доллара в час – все-таки стаж! Это не мешает Эмми серьезно и методично готовиться к роли биохимика и еще подрабатывать в ресторане семейного мотеля.

Их брат Питер, о котором я уже рассказывал, журналист, с одиннадцати лет на ферме, убирал машинной урожаем косточковых. С пятнадцати лет он еще подрабатывал официантом в рыбных ресторанах Бостонского коммерческого порта. Именно в рыбных – специализация!

Отец троицы – совладелец промышленных предприятий, человек вовсе не бедный. Для него все заработки детей – обед в ресторане. И тем не менее, даже вопроса не возникает – работать или нет.

Еще одна моя родственница – Дебби. Студентка. Учится в престижнейшем и очень дорогом университете, будет биопсихологом. Подрабатывает в ресторанах Джонсона. Снова специализация: рестораны придорожные и для работы в них необходимы особые свойства – такт, предельная, без суеты, быстрота. Ведь обслуживаются спешащие люди, которых необходимо еще и влюбить в свой ресторан, ибо рядом расположены аналогичные заведения Макдональда, серьезнейшего конкурента! Мы, кстати, на себе испытали это умение привлечь клиента и неизвестными нам способами. Прибегая в пути к услугам и тех, и других "забегаловок", мы как-то не

заметно для себя сделали выбор и почему-то стали останавливаться только перед темно-вишневыми, островерхими домиками Макдональдовских рестораничков. Секрет обслуживания сделал свое дело!..

У Дебби есть брат Дэвид. Собирается стать военным, по примеру дядек-адмиралов. Школьные каникулы с одиннадцати лет полностью отдает скотоводческой ферме Юта. Ковбойт. На нем в это время сто коров, около пятидесяти телят. Выпас по минутам в секциях выгула, уборка помещений, мытье скота в камерах. Это не все. Он еще должен следить за техникой в пастеризационном и морозильном отделениях при коровниках.

Отец Дебби и Дэвида – глава стоматологической ассоциации, очень состоятельный человек.

Могу еще рассказать о Карен, которая готовит себя к роли театрального художника и режиссера трюкового кино. В свободное время пишет маслом великолепные, в стиле Коро, пейзажи Новой Англии и выставляет их в фойе местных кинотеатров, с ценами на каждом попотне. Раскупаются ее работы моментально. Еще она расписывает комнаты в домах друзей – малярит. В каникулы путешествует – хичует на дорогах. Конечная остановка – рыбозаводный завод индейской резервации в штате Вашингтон на Тихом океане. Здесь ее уже знают, любят, ждут. На заводе она занята разделкой красной рыбы, подготовкой ее к какому-то особому засолу. Счастлива тем, что живет в кругу гордых, красивых людей, пишет их...

Ее сестра Донна. Будет экспертом криминальной полиции: в университете изучает право и пси-

хиатрию. В каникулы, с двенадцати лет, работает на тракторе у одного и того же старика-фермера в штате Южная Каролина.

И снова – не бедный отец, генерал полиции. (До 1946 года – генерал морской пехоты, во время второй мировой войны – армейской разведки в Европе).

Остановимся. Перечислять занятия детей из множества семей нет смысла – они могут быть разными, но з а н я т и я. Бездельников тут не воспитывают.

Милый нашему слуху позунг "Все лучшее – детям!" – не для американцев. Хотя детей своих они любят не меньше, чем мы. И добра им хотя бы ничуть не меньше. Не только, к слову, своим детям. В конце нашей гражданской войны вывозили они из голодной, разрушенной, в тифу, России истощенных ребятишек, спасали их. Мы как-то забыли за делами и политическими страстями об этом факте милосердия американского народа, народа отзывчивого и честного.

Еще – народа практичного. Американцы точно знают, почему добро. Умей трудиться! – вот главное в их образе жизни, и взрослый, и ребенок тут на равных. Без сюсюканий и милых розыгрышей. И чем папаши богаче и сильнее, тем четче, целенаправленней его собственные усилия приучить к труду свое чадо.

Мы получили возможность очень близко увидеть, как американцы трудятся. На фермах, например.

...Ферма под Медвеем, штат Массачусетс. Фермер – муж моей сестры, поляк по происхождению, из освобожденных в 1945 году американскими войсками узников концлагеря под Ганновером. Пятеро их детей давно живут самостоятельно

и далеко от дома. Приезжают на ферму в Рождественские каникулы, к традиционной индейке на День Благодарения.

На ферме Поль работает один. У него большое стадо – 98 дойных коров, телята, нетели, бычки, всего 189 голов. В великолепном сдвоенном коровнике, как на выставке, дойные коровы-швейцарки. На стек-

лянных витражах – загородке от проходов – цветные таблицы, паспорта каждой пеструхи: имя, возраст, даже день рождения, любимые лакомства, характер... От каждого стойла стеклянный молокопровод в свой пастеризационный блок и далее, в блок быстрого замораживания, в блок накопления, в блок разливочной секции. Упаковка

от крошечных, на 50 граммов, до огромных прямоугольных стеклоканистр с ручкой. Вся тара со специальными этикетками девяноста восьми типов – по числу дойных коров. На этикетках – то же, что и на таблицах-паспортах. Потому что многие хотят пить не обезличенное молоко, черт знает от кого, примчавшееся черт знает откуда темными

ночами в гигантских цистернах-ракетах, а молоко от "своей" коровы.

К ней на ферму можно приехать из города. Вот она, чистая, теплая. Ее можно погладить, покормить, потереться лицом об ее щеки, теплые губы... Вспомнить вдруг, что это было когда-то и твоим – в детстве. Пронзительное, счастливое чувство охватывает человека города. Облако детства... Быть может, детства отцовского. Передаются чувства? Еще как передаются!

А детям так все это интересно! При них коров доят. Они видят, как молоко от "их" коровы бежит по трубопроводу, как оно пастеризуется в "их" секции, разливается в "их" бутылки... Они это видят своими глазами.

За плату выдаст фермер ведро

с раствором, щетки, тряпки – можешь почистить и помыть "свою" корову, хотя и без того она дважды в сутки пройдет моечный отсек.

День рождения каждой коровы известен ее юным почитателям. И день этот обязательно празднуется. На него собираются все дети, которые пьют молоко от именинницы, берут с собой друзей, приносят лакомства своей любимице. А у фермера уже готов стол с лакомствами для детворы. Игра? Ни в коем случае. Гости? Конечно – детей, повторю, за океаном тоже любят, – но еще и клиентура. Новая клиентура.

Несмотря на всю механизацию, сказочную автоматизацию, услуги великолепных ремонтно-наладочных мастерских, фермер Поль работает один. С четырех утра до двадцати вечера. Все эти часы – питание на ходу: два литра горячего молока, булочки с маслом, яйцо, овощи. Завтрак и ужин – дома. Это в три утра и в девять вечера. Поздно вечером и ночью – два обхода и осмотр животных...

Это если все – о'кей, если нет происшествий: никто не рождает, никто не нервничает, не выясняет отношений – у Поля несколько "мальчиков" далеко за тонну весом. А если... Ну, тогда жена Герда бежит к нему в коровник на свидания: он неделями не ходит в дом, который в ста метрах. Спит он в такие периоды рядом с нарушителем спокойствия, на раскладушке...

Так – каждый день, каждый месяц, каждый год – все сорок лет его жизни в Новой Англии. Сперва, лет десять, – работником, потом вот хозяином.

А жизнь, могут спросить, жизнь-

то где? И когда? Жизнь-то фермерская, – где она? Здесь вот, на ферме.

25 лет американский фермер постоянно трудится выше всякой нормы, без выходных и отпусков. И, сдается мне, не собирается менять свою незавидную, с нашей точки зрения, жизнь ни на какие коврижки, кои сами лезли бы в рот на манер гоголевских ватрушек в сметане. Жизнь, благодаря которой Северо-Американские Соединенные Штаты, стоявшие в канун 1862 года на грани чудовищного голода, получили на вооружение могучий стимул развития производительных сил общества. И на обозримую перспективу – реальное средство решения продовольственной проблемы.

...В 1961 году, осенью, Поля на минуту подменили сыновья – офицер и врач. И он съездил в Вашингтон – надо было, наконец, посмотреть на столицу народа, освободившего его из нацистского лагеря. Зайти в Дом Представителей – с сенатором своим потолковать. Руку ему пожалать, как положено, если сенатор того стоит...

Еще один раз, в 1969 году, его на две недели подменили два других сына – ученый-биолог и авиаконструктор. И Поль съездил на родину, в деревню на Жулавах под Гданьском. Откуда мальчиком ушел защищать Польшу. Съездил, чтобы похоронить брата. Последнего. И все...

Три недели отпуска за всю жизнь, потому как в деревне об отпусках не слышали, в армии не до отпусков было, в концлагерях отпуска дают только на тот свет...

Сегодня у старого Поля завидный актив – не в банке! В банке у него –

само собой, припасено кое-что. Актив из мальчишек, что справляют именины его коровам. Мальчишек, кстати, из семей состоятельных, на мальчишеской стадии жизни успешных решить, что будут фермерами. Они помогают Полю, подрабатывают у него, учатся.

Я спросил мальчиков, смогут ли они жить так, как дядя Польш, — без отпусков, выходных, в сущности, без праздников. Хотя католик Польш свято чтит церковь, но... коров надо доить, кормить — мало ли чего надо коровам. И клиентам, покупающим факсимильное молоко.

Четырнадцатилетние мальчики, стыдась моей темноты, ответили, что ведь он, старина Польш, — фермер. И они будут фермерами. А иной жизни на ферме быть не может. "Ну, ферма же, понимаете?"

— Хорошо, — не сдавался я. — А кино, театр, танцы — вы же любите

танцевать? Вот вы рассказали, что родители возили вас в Нью-Йорк, когда из Москвы приезжали артисты "Березки", вам ансамбль очень понравился — на ферме вы же этого никогда не увидите! Поблизости и клуба не будет.

— Зачем он? Клуб есть в Бостоне. В штате Масс много клубов и залов. Можно съездить туда — всего тридцать минут. Только когда мотаться, танцевать? Ферма же, понимаете?

Интересно очень, как на мои провокационные вопросы ответил бы архангельский мужик, герой фильма Н.Стреляного, крестьянин, который хотел только одного — чтобы ему не мешали? Верю — так же ответил бы: не глупее же он медвежьих пацанов... Нет сомнения, что они заменят Поля на земле. А придут ли на нашу землю хозяевами наши мальчишки? Как сделать так, чтобы пришли?

Вавилонская башня и другие древние легенды

Продолжение. Начало в №№ 1, 2, 1990 г.

МОИСЕЙ

1. РОЖДЕНИЕ МОИСЕЯ

Тридцать пять веков тому назад в Египте властвовал злой фараон.

У него было много рабов. День и ночь работали они на фараона, строили города, пирамиды и храмы. Под жарким солнцем месили они глину, складывали кирпичи, тесали камни. Руки у них покрывались ранами. Песок разедал раны. Ноги, скованные цепями, увязали в песке. Люди мучились от жажды и голода, и, когда они ели свою скудную пищу, на зубах у них хрустел песок.

Рабов понукали злые надсмотрщики. У каждого в руке была плеть. Горе рабу, если он хоть на миг распрямит свою усталую спину и перестанет работать! Надсмотрщик бил его плетью, и несчастный со стоном падал на песок.

Однажды ночью фараон не мог уснуть и стал думать о своих рабах. Ведь когда-нибудь они захотят отомстить ему за его жестокость. И ему стало страшно. Не слишком ли много у него рабов? А ну как они все вместе восстанут против него! Рабов было шестьсот тысяч. А что, если их станет еще больше?

И повелел фараон убивать мальчиков, рожденных в семьях рабов.

И вот у одной рабыни родился сын. Испугалась бедная женщина, что ее ребенка убьют.

Сплела она камышовую корзинку, просмолила ее и уложила туда дитя

свое, как в колыбель. А сверху покрыла камышовой крышкой. Потом позвала дочь, велела отнести корзинку к реке да тихонько спустить с берега, посреди камышей, на воду. Самой же далеко не отходить, а спрятаться и смотреть, что будет.

Дочь поступила, как велела ей мать: опустила корзинку с маленьким братом у берега, а сама спряталась и стала ждать. И должно же было случиться так, что дочь фараона как раз в этот час захотела искупаться в реке. Пришла она к берегу со своими служанками, сбросила одежду, раздвинула камыши и вдруг — корзинка!

Приказала дочь фараона достать корзинку. Открыла, а в ней мальчик лежит и плачет.

Удивилась дочь фараона, удивились и все служанки. Обступили они мальчика. Каждая по-своему его забавляет. А дитя не унимается, плачет. Видно, проголодалось. Тогда дочь фараона спросила:

— Не знает ли кто кормилицу для младенца?

Тут из-за куста выходит девочка. Подошла к дочери фараона и говорит:

— Я знаю кормилицу.

Обрадовалась дочь фараона, обрадовались служанки. Приказала дочь фараона девочке бежать за кормилицей.

Побежала девочка быстро, как ветер. Кинулась к матери:

— Не плачь, мама, спасем мы маленького брата!

И привела кормилицу к дочери фараона. А той и невдомек, что кормилица эта — мать мальчика, что она родное дитя к груди прижимает.

Засмеялся мальчик на руках чуж-

ринских, засмеялась и дочь фараона.

— Назову я мальчика Моисей, — сказала она, — что значит «нахожденный», и будет он мне как сын. И пусть живет во дворце моем вместе с кормилицей.

2. ЮНОСТЬ МОИСЕЯ

Шли годы.

Вырос Моисей, стал он высокий и стройный. Смешно было вспомнить дочери фараона, что когда-то он умещался в корзинке. Моисей — «нахожденный».

Не могла вдоволь налюбоваться на него дочь фараона. Моисей и впрямь был прекрасен. Улыбка его, как звезда, озаряла дворец. Даже слуги любили Моисея. Такого доброго и справедливого человека во дворце никогда не видели. Больше всего гордилась дочь фараона умом своего приемного сына: мальчик учился так, что в науках скоро превзошел всех учителей.

Все его любили и баловали.

Но глаза Моисея смотрели грустно. И не могла понять дочь фараона, почему у него на глазах иногда блещут слезы.

Моисей и вправду был несчастлив. Не мог он веселиться, видя, как мучаются рабы. Не мог спать, зная, что они жонками работают. Не мог есть, зная, что они голодают.

Однажды Моисей проходил через пустырь, где строили новый дворец, и услышал, что кто-то кричит. Прибежал к тому месту и увидел, что на досмотрщиках был старик раба. Моисей бросился на помощь к несчастному. Но не успел. Старик упал лицом в песок и умер. Вызвали тогда Моисея плести у досмотрщиков и с этими

силой ударил злодея, что убил его наповал. Так отомстил Моисей за смерть раба.

Никто в Египте не смел тронуть надсмотрщика. Самая жестокая кара грозила тому, кто осмелится обидеть или ударить его. А того, кто убьет надсмотрщика, казнили лютой казнью. Чтобы спастись от казни, Моисей решил бежать в страну Мадиямскую.

Солнце зашло, на землю спустилась ночь. А Моисей все шел не оглядываясь. Сердце его стучало так громко, что ему казалось: оно разбудит всех и поднимется тревога. Он весь дрожал. Ремни сандалий натирали ему ноги, но юноша шел и шел, пока не ступил наконец на землю Мадиямскую. Здесь он был в безопасности.

Он перевел дыхание. Еще несколько шагов до колодца. Измученный, припал он к воде, пил, пил и не мог напиться. Прохладная вода утолила жажду Моисея. Он лег на спину, положил под голову камень и уснул.

И во сне ему привиделось, будто он совсем еще маленький, плывет в корзинке по воде, а кругом камыши и река сверкает на солнце.

3. МОИСЕЙ ЗАЩИЩАЕТ МАДИАМСКИХ ДЕВУШЕК

Моисея разбудил чей-то плач. На мгновение ему показалось, что это плачет его старая кормилица. Он открыл глаза. И увидел над собою веселое небо.

Вскочил Моисей на ноги, страхнул песок и застыл: за колодцем стояли девушки. Они привели своих овец на водопой.

Их было семеро. Девушки не замечали его. Они испуганно прижимали к себе кувшины, а младшая, очень тоненькая, громко всхлипывала. "Она-то и разбудила меня, — подумал Моисей. — Но кого же они боятся?" Моисей оглянулся.

Какие-то люди огромного роста с дубинами в руках приближались к девушкам.

Это были злые пастухи. Они спешили напоить своих овец и теперь бежали к колодцу, чтобы прогнать беззащитных девушек.

Но прежде чем пастухи опомнились, Моисей бросился на них один против всех. Лицо его пылало яростью. Пастухи кинулись прочь. Куда девалась их дерзкая удаль!

И тут младшая, та, что плакала, вдруг рассмеялась. Окружили девушки Моисея. Как благодарили они его за то, что защитил их!

Моисей не знал мадиямского, слова девушек звучали для него непонятной музыкой.

Только младшая почему-то молчала. Долго возилась она со своей овечкой, робко поглядывая на Моисея.

Моисей помог девушкам напоить стадо; и вот они уходят в горы, а Моисей смотрит им вслед из-под ладони.

4. МОИСЕЙ В СЕМЬЕ ИОФОРА

Возвратились девушки к отцу своему Иофору. Стали рассказывать, как за них заступился смелый юноша.

Иофор спрашивает:

— Почему же вы этого храброго человека не пригласили в наш дом, чтобы мог он отдохнуть после доро-

ги? Почему не угостили его, не напоили вином?

Младшая дочь, исполняя желание отца, тотчас же пошла за Моисеем. И привела его. Полюбил Моисей добрых людей земли Мадиямской, и они полюбили его. Моисей остался у них жить.

Подружился Моисей с мудрым стариком Иофором. А младшая дочь Иофора — та самая, что робко глядела на него тогда у колодца, — полюбила Моисея. И Моисей тоже полюбил эту девушку. И они поженились. Моисей помогал Иофору во всем: стада пасти, землю копать, новый колодец рыть.

Иофор знал все премудрости земли Мадиямской. По обычаям этой страны он должен был передать свои знания старшему сыну. Он передал их Моисею, так как родного сына у него не было.

Стал Иофор учить Моисея чудесам.

Кинул Иофор палку на землю, палка стала змеей и с шипением поползла по дороге. Если б Моисей был трусом, он, наверное, испугался бы. Но юноша с восхищением глядел на Иофора, как на доброго волшебника.

Еще одно чудо мог совершать Иофор: зачерпнет воду чистой, плеснет на землю — и вода делается красной, как кровь.

Но всего больше поразило Моисея третье чудо. Иофор сунул руку за пазуху, вынул, а рука как мертвая. Сунул снова руку за пазуху, вынул — рука по-прежнему живая.

Чего только не умел Иофор!

Настал день, когда Моисей научился сам делать чудеса.

Когда заходило солнце и Моисей

пригонял стадо, старик и юноша сидели на теплый порог и беседовали до полуночи. Моисей поверял все свои тревоги Иофору. Не мог забыть Моисей, как тяжело живется рабам фараона. Боль рабов была его болью. И задумал Моисей освободить рабов, увести их за собою из Египта.

— Я вернусь в Египет и помогу им! — сказал Моисей Иофору.

Иофор положил руку на плечо Моисея и сказал:

— Хочешь помочь своему народу, наберись терпения. Нельзя тебе вернуться в Египет, пока жив старый фараон.

5. ГОРЯЩИЙ КУСТ

Сорок лет прожил Моисей в стране Мадиямской; хорошо знал он теперь эту страну. И соседние страны знал.

Однажды пошел Моисей пасти овец.

Вдруг видит: в поле куст горит.

Горит он, разгорается, но не сгорает. Остается цел и невредим. Загляделся Моисей на огонь. Никогда не видал он такого чуда! Будто огромный огненный цветок растет в поле.

— Так и мой народ в рабстве горит — не сгорает, — подумал Моисей. — Надо спасти его от власти насильников, чтобы он стал свободен и счастлив".

Вернулся Моисей, а у порога встречает его Иофор.

— Умер фараон! — сказал он торжественным голосом. И благословил Моисея в дорогу.

Собралась в дорогу и жена Моисея.

– Путь опасный, – сказал Моисей.
– Не лучше ли тебе остаться?

Но жена очень любила Моисея. И они ушли вместе.

Иофор еще долго сидел у себя на пороге один и смотрел им вслед.

6. ВОЗВРАЩЕНИЕ МОИСЕЯ В ЕГИПЕТ

Возвратился Моисей в Египет.

Во дворце, где он вырос, жил новый фараон. И все было по-новому.

Только жизнь в стране осталась старая: трудная для рабов и легкая для вельмож.

Моисей вошел в зал, где восседал фараон.

С детства он хорошо помнил этот зал. Раньше здесь была спальня фараоновой дочери. Фараонова дочь умерла, не было и слуг прежнего фараона.

– Зачем ты пришел? – спросил фараон у Моисея.

Моисей стоял, опираясь на посох, и смело смотрел в лицо новому фараону.

– Я пришел для того, чтобы вывести свой народ из Египта.

Лицо фараона побелело.

– Когда говоришь со мной, – закричал он, – брось палку!

Моисей бросил посох. Посох превратился в змею. Фараон вскочил с трона. Слуги завопили от страха и разбежались. Моисей схватил змею за хвост, и она обратилась в посох.

Жутко стало фараону.

– Ты, я вижу, волшебник! – сказал фараон.

– Да, я волшебник, – ответил Моисей, взял чашу с водой и выплеснул ее на пол. Вода превратилась в кровь.

Трусливый фараон испугался.

– Будь моим другом! – сказал он Моисею. И протянул ему холеную руку.

Слуги удивились: до сих пор фараон никогда никому не подавал руки. Моисей вынул руку из-за пазухи, и все увидели, что рука у него как мертвая. Задрожали пальцы фараона, зазвенели золотые кольца на них. Слуги бросились к фараону и подхватили его. В глазах у фараона потемнело, и, словно издали, услышал он голос Моисея:

– Я хочу увести свой народ из рабства.

– Хорошо, – отозвался фараон. – Я позволяю тебе. Делай что хочешь.

– Когда ты разрешишь нам уйти? – спросил Моисей.

– Да хоть завтра, – ответил фараон.

7. КАЗНИ ЕГИПЕТСКИЕ

С первыми лучами солнца избежал Моисей на ступени дворца.

Но слуга загородил ему вход и сказал, что фараон не велел никого пускать, а насчет рабов передумал.

– Передумал? – спросил Моисей.

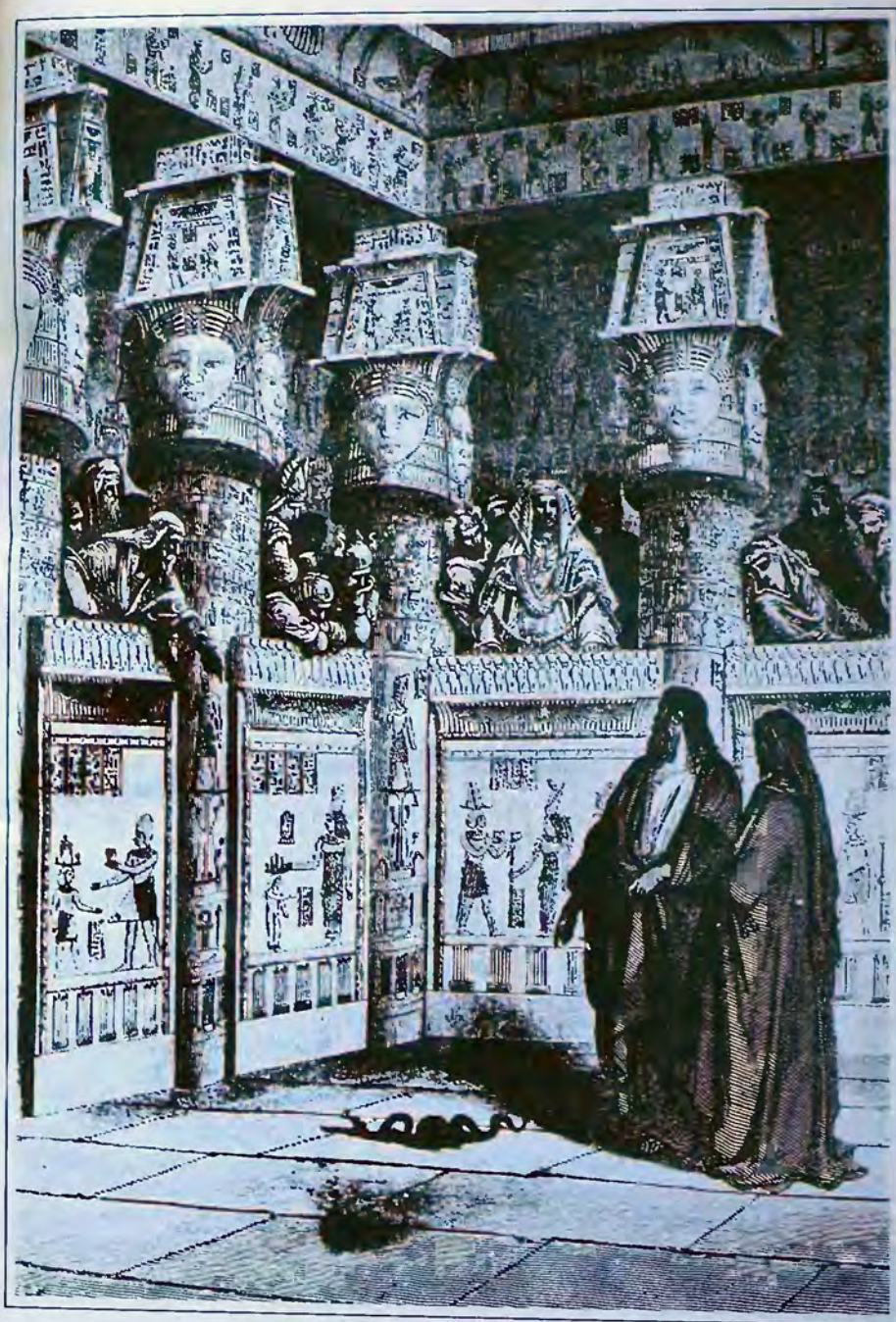
– Ты в своем уме, странный человек? – сказал один из слуг. – Как же фараону обойтись без рабов? Кто же будет строить в Египте дома, пирамиды и дворцы?

Рассердился Моисей. Отстранил слугу и вошел во дворец. Фараон восседал на своем золотом троне.

– Я передумал, – сказал он Моисею.

– Ты обманщик! – воскликнул Моисей.

– Кто обманет, тот победит! – со смехом сказал фараон.

– Кто обманет, тот будет наказан, – тихо произнес Моисей.

– Ступай прочь и не смей возвращаться! – крикнул фараон.

– Ты позовешь меня сам, – сказал Моисей.

И ушел.

Засмеялся фараон. Но вечером, когда он вышел в сопровождении слуг насладиться вечерней прохладой, он увидел, что фонтан в саду брызжет кровью.

Невесело стало фараону. Приказал он слугам удалиться. И всю ночь глядел на кровавый фонтан. Когда настало утро, фараон увидел, что вся земля у него под ногами кишит безобразными жабами.

В сад вбежали перепуганные слуги. Они упали перед фараоном на колени и со слезами сказали, что град побил хлеб на полях, а на те колосья, которые уцелели от града, налетела саранча. Слуга, не пускавший вчера Моисея во дворец, кричал, что болезнь поразила весь скот, что от этой болезни погибли лошади, быки и верблюды.

– Фараон, – рыдал слуга, – страна твоя стала несчастной и нищей.

Фараон посмотрел на слуг и увидел, что их руки и ноги покрыты ужасными ранами.

В сад вбежали новые люди, а за ними еще и еще, и толпа наполнила сад, а к оградě прильнули другие, и все повторяли:

– Вот наказание за то, что фараон обманул Моисея.

Тут к фараону вбежал гонец и принес еще более страшную весть: во всем Египте умирают дети. Не дети рабов, а дети важных вельмож и сановников.

Испугался фараон, что и его детям грозит смерть.

И призвал к себе Моисея. И сам упросил его, чтобы он увел рабов из Египта.

8. ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ЧЕРНОЕ МОРЕ

И повел за собой Моисей рабов египетских. Их было шестьсот тысяч. Нищие, оборванные, несчастные люди, знавшие только цепи да голод.

Старики, дети, юноши, девушки неуверенно ступали по земле. Шли медленно, будто после тяжелой болезни, длившейся четыреста лет. Четыреста лет они были в плену у египтян.

Когда взошла луна, измученные люди достигли берега Черного моря. Только расположились на отдых, как вдруг увидели – вдали клубится пыль.

Поняли они, что их нагоняет фараоново войско.

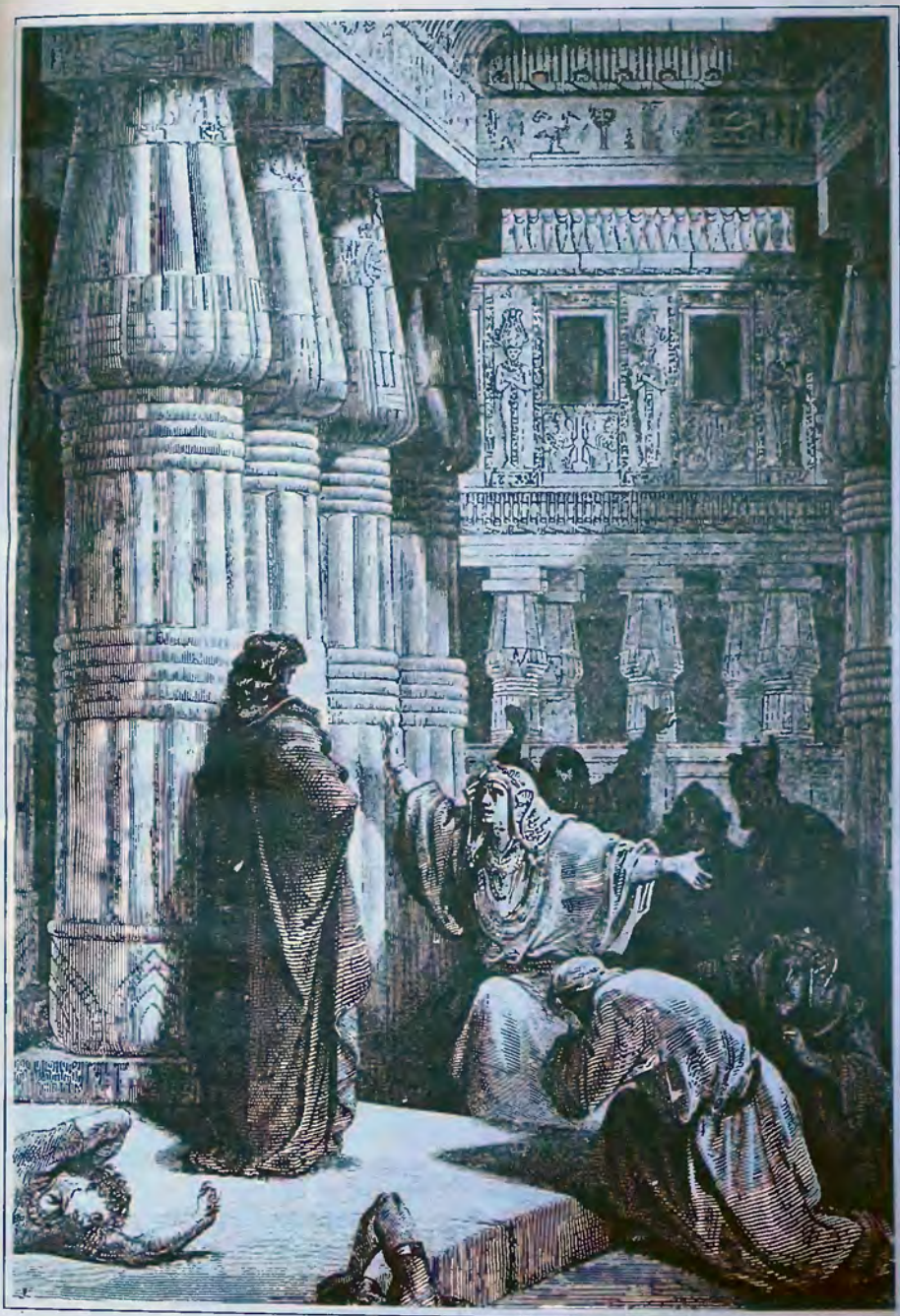
Жалко стало фараону, что отпустил он рабов, решил их догнать и возвратить силой.

Заблестели под луной щиты и копья.

Заплакали, застонали женщины и дети.

Но тут случилось чудо: море расступилось, чтобы пропустить Моисея и его народ. Ноги усталых путников ступали теперь по влажному песку морского дна.

И как раз в это время к берегу примчались страшные колесницы фараона. Все фараоново войско остановилось в нерешительности. Но только на мгновение. С победным криком ринулось оно за беглецами по морскому дну.

Но беглецы были уже на том берегу. Последним на сушу вступил Моисей. И тут же морские волны сомкнулись над фараоновым войском и поглотили все войско вместе с фараоном.

9. ПОДАРОК ПУСТЫНИ

Много дней шли люди через пустыню. Кончились припасы, а люди были голодны. Есть было нечего.

Однажды утром кусты пустыни покрылись серебристым инеем. Удивились люди: откуда здесь иней?

Оказалось, что это крупа такая. Сунули голодные дети крупинки в рот – вкусно. Повеселели люди. Стали собирать в корзины и есть. А прозвали крупу "манной небесной", потому что она с неба упала.

10. ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦ

Трудно было людям, привыкшим к рабству, начать жить по-новому.

Что знали они в Египте? Законы фараона и египетских богов. Боги у египтян были странные: глиняные птицы с кошачьими глазами, каменные тигры с женскими лицами. Богов рабы изготавливали сами и сами же их боялись.

Фараон любил эти страшилища, потому что они пугали народ.

Злые законы царили в Египте. И решил Моисей создать новые законы.

И вот подошли они к горе Синай. И сказал Моисей людям, чтобы они подождали его в низине.

Раскинул народ пестрые шатры и приготовился к отдыху.

Моисей же простился со всеми и стал подниматься в гору...

Долго не возвращался Моисей.

Скучно стало народу.

Вспомнили люди богов египетских, которым поклонялись.

Решили сделать золотого тельца и молиться ему.

Собрали все, что было золотого: женщины снимали с себя серьги, мужчины – амулеты.

И отлили золотого тельца с рогами.

Стали вокруг него песни петь и поклоняться ему как богу.

Слишком недавно они еще были рабами и не отвыкли от рабства, от поклонения идолам.

Сорок дней не было Моисея. Он писал на каменных плитах законы.

Моисей писал, когда сияло солнце и когда хлестал дождь. Светили ему то луна, то молния, то звезды. Ветер рвал одежды, путал волосы, вызывал на глазах слезы.

Наконец законы были составлены. Моисей назвал их заповедями, а плиты, на которых писал, – скрижалями.

Поднял Моисей скрижали и пошел вниз, к людям.

Вот что-то блеснуло в низине...

Моисей услышал пение и звуки тимпана.

Тревога охватила его.

Моисей ускорил шаг.

И вдруг за поворотом он увидел золотого тельца, а вокруг него – пьяных людей.

Рассердился Моисей.

Горько стало ему, что народ вернулся к идолопоклонству.

Поднял Моисей скрижали и разбил их об скалу.

Оборвалось веселье.

Поняли люди, что они поступили недостойно. Сломали золотого тель-

ца. Растерли золото в порошок и развеяли по ветру. И стали у Моисея прощения просить, как дети.

11. ЗАКОНЫ

Моисей был добрый. Он не умел долго сердиться. Поднялся он во второй раз на гору, чтобы все начать сначала. Во второй раз составил заповеди. Во второй раз стал спускаться с горы.

Высоко над головой держал Моисей скрижали.

Руки его устали, ладони горели.

Иногда глаза застилал туман; тогда он на мгновение останавливался и шел опять.

И когда он наконец сошел с горы, люди увидели, что Моисей стал совсем седой. Притихли люди.

– Почему ты белый? – крикнула маленькая девочка и подбежала к Моисею.

– Если ты будешь исполнять то, что здесь написано, не посидеешь раньше времени, – сказал Моисей. И стал читать: – Не поклоняйся

идолам, не создавай себе кумира... Люби мать и отца... Не убивай... Не кради... Не завидуй никому... Не лги и не ябедничай...

12. СМЕРТЬ МОИСЕЯ

Люди радовались новым законам. Они поняли, что это – начало новой жизни.

А Моисей почувствовал, что к нему подошла смерть.

Показал он народу, в какую сторону идти, чтобы строить жизнь по-новому. Земля эта виднелась за горой.

Простился Моисей со всеми и ушел умирать.

Он шел и думал, что нет большего счастья, чем жить для людей.

Не хотел Моисей, чтобы знали, где будет его могила.

Он боялся, что недавние рабы станут поклоняться его могиле как язычники.

И никто на земле не знает, где могила Моисея.

Пересказала Н. ГРЕБНЕВА

БАЛААМ И ЕГО ВЕРНАЯ ОСЛИЦА

В давние-давние времена, которых сейчас никто и не помнит, в одном маленьком государстве правил царь Валак. Рядом было большое, очень богатое государство, с зелеными лесами, с широкими полями. И захотелось жадному, завистливому Валаку отнять у соседей их цветущую

землю. Но войной идти на соседей Валак побоялся: пожалуй, не завоюешь ничего, только последнее войско потеряешь.

Значит, надо обмануть соседей, взять их хитростью.

Тут как раз до царя дошел слух, что в далеком городе Пефоре, на ре-

ке Евфрат, живет колдун Валаам и что будто бы этот Валаам умеет творить чудеса.

Царь решил, что без колдовства ему не обойтись. "Позову-ка я к себе этого колдуна Валаама, — подумал он. — Пусть Валаам найдет на соседей наводнение, чуму или засуху, я захвачу их земли, и они будут платить мне богатую дань".

Позвал царь старейшин и повелел им отправиться в город Пефор, где жил Валаам. Сели послы на верблюдов, ехали день и ночь. Много раз восходило и заходило солнце, а послы все ехали и ехали по бесконечной дикой пустыне. Наконец добрались до города Пефора и к вечеру разыскали Валаама.

Валаам пригласил гостей войти. Гости вошли, поклонились, поднесли Валааму царские подарки: драгоценный сосуд для вина, шкуру леопарда и шелковую ткань, шитую золотом. И говорят:

— Слыхал наш царь Валак, что ты великий чудотворец: кого похвалишь — тот будет счастлив, кого проклянешь — тот справится. Приди помоги нашему царю с богатыми соседями справиться. Произнеси свое волшебное заклятие, напусти на них наводнение, чуму или засуху. И наш царь тебя за это щедро наградит.

Задумался Валаам. Идти не хочется: жаль губить неповинных людей.

— Ложитесь спать, — говорит он послам, — а утром я дам ответ.

Настала ночь, послы царские спят. Валаам думал, думал, как ему быть, и тоже задремал. Во сне ему явился сам Ягве и сказал:

— Не надо тебе ходить к царю, Валаам. Он затеял недоброе дело. Не

льзя губить целый народ по прихоти жадного царя.

Встали утром послы, а Валаам и говорит:

— Идите себе домой, старейшины. Я с вами не пойду.

Понурые, печальные вернулись послы к царю и сказали, что Валаам не придет.

Царь огорчился: "Видно, не понравились Валааму мои подарки". Уже не старейшин, а именитых князей снарядил послами к Валааму. Велел им во что бы то ни стало уговорить его.

Сели князья на самых быстроходных верблюдов, двинулись через пустыню, через горы и виноградники, приехали к Валааму в город Пефор. А Валаам и слушать их не хочет: "Не пойду с вами, и все тут". Князья помнят царский наказ, уговаривают его:

— Посмотри, Валаам, какие мы тебе подарки принесли. Возьми мешки, взвесь. Было ли у тебя когда-нибудь столько серебра и золота?

— Нет, — отвечает Валаам, — не нужно мне царского серебра, не нужно мне царского золота. Пусть хоть целую гору насыплет — не пойду.

А послы не отстают, уговаривают:

— Не упрямысь, Валаам, едем с нами. Когда станет наш царь самым могущественным и самым богатым, ты прославишься на весь мир как великий волшебник.

Задумался Валаам.

— Вот что, — говорит, — ложитесь спать, а утром я дам ответ.

Настала ночь, князья спят, а Валаам думает — как быть? И решил не слушать Ягве, а поступить по-своему.

Встали наутро князя, видят – Валаам собирается в путь, свою верную ослицу седлает.

Вот и поехали они: князя впереди на верблюдах дорогу показывают, а Валаам сзади на ослице плетется.

Едут они, едут, и вдруг – что такое? Валамова ослица свернула с дороги и пошла по полю. Валаам смотрит: дорога гладкая – ни ручья, ни камня. Почему же свернула ослица?

Стал Валаам дергать поводья, бьет, понукает ослицу, – не идет она, да и только.

Наконец ослица сдвинулась с места. И поехал Валаам узкой тропинкой между виноградными кустами. Справа и слева – отвесные скалы.

Вдруг ослица шарахнулась в сторону, даже Валааму ногу к скале придала.

И опять стоит – ни с места.

– Ах ты, упрямая скотина! – вскричал Валаам. – Или палки тебе захотелось? – И стал бить ослицу, и ослица пошла.

А тропинка стала еще уже. Дошли до такого места, где ни вправо, ни влево нельзя свернуть. Ослица вдруг легла. Валаам рассердился пуще прежнего, стал ногами ее пинать.

И тут случилось чудо: ослица заговорила!

– За что ты бьешь меня, хозяин? – спросила она.

Валаам был так зол, что даже не удивился, почему ослица говорит человеческим голосом.

– Как за что? – закричал он. – Счастье твое, что я ножа не захватил, а то убил бы тебя на месте!

Ослица не испугалась.

– Вспомни, хозяин, ведь я всегда была послушна тебе! За что же ты бьешь меня?

Понял Валаам: это неспроста. Видно, что-то необычайное случилось, если его верная ослица не повинуется ему. Всегда она была тихая, покорная, а тут взбунтовалась и заговорила.

Стыдно стало Валааму. Сел он на землю и закрыл лицо руками. А когда открыл – видит: посреди узенькой тропинки, окруженной белым облаком, стоит грозный посланец самого Ягве. Стоит, и его острый меч на солнце сверкает.

– За что бил ослицу? – спрашивает он гневно. – Ведь это я преграждал ей путь. Ослица меня видела, а ты не видел. Твое упрямство ослепило тебя. Хорошо, хоть теперь у тебя глаза открылись.

– Что же мне делать? – спрашивает Валаам.

– Иди, но знай: злого дела тебе не удастся совершить.

Сказал и исчез, словно его и не было. И белое облако унеслось вместе с ним.

А Валаам продолжал свой путь и скоро приблизился к царским владениям.

Царь уже давно ждал Валаама, обрадовался, даже отдохнуть ему с дороги не дал. Сразу повел на высокую гору, откуда видны были земли ненавистных ему соседей. "Говори, что тебе надо для заклания. Все будет сделано". Валаам велел развести семь больших жертвенных костров и около каждого заколоть по ягненку. А сам приготовился произнести заклание, чтобы послать на соседний народ наводнение. Он стоял на высокой горе и смотрел на цветущие долины и синие реки, прекрасные сады и золотые виноградники, на поля, где зрели хлеба, и на склоны

холмов, где паслись стада овец. Вдалеке среди холмов виднелся город: веселые крыши сияли на солнце.

Царь стоял рядом с Валаамом и ждал. Ему казалось, что он уже видит, как на его недругов хлынули потоки воды.

И вот Валаам открыл рот, чтобы произнести заклятие. Но неожиданно царь услышал совсем другие слова. Валаам произнес:

– Как прекрасна земля, как прекрасна жизнь! Как радостно жить в мире со всеми! Пусть люди под этими веселыми крышами всегда будут счастливы, пусть их овцы спокойно пасутся на холмах.

– Ты что, старый безумец? – закричал царь. – Мы жертвенные костры зажгли, чтобы ты на соседей наводнение наслал, а ты им сулишь одни радости!

И царь кинулся тушить костры, чтобы и следов не осталось.

Успокоился царь немного и говорит Валааму:

– Пойдем на другую гору, новые костры разожжем.

Не хотелось Валааму идти, да царь его не оставляет, приказывает.

Пришли на другую гору. Царь думает: "Оно и лучше. Отсюда такой красоты не видно, – Валааму будет легче заклятие произнести".

Разожгли костры, закололи овец и ягнят, ждут, что Валаам пошлет на царских недругов засуху. А Валаам открыл рот и произнес:

– Как прекрасна земля, как прекрасна жизнь! Как радостно жить в мире со всеми! Пусть люди мирно трудятся на своей земле, пусть всегда будут полноводны их реки, пусть в их садах зреет золотой виноград!

– Замолчи! Замолчи! – крикнул в

ярости царь. – Не можешь заклятие произнести – так и быть, но не смей желать им добра и удачи!

Опять залили костры водой, головешки разметали. На третью гору царь ведет Валаама. С той горы одна пустыня видна. Царь думает: "Валаам забудет цветущие сады, обширные поля и веселые крыши и произнесет наконец заклятие".

Опять разжигают костры, опять царь с Валаамом на гору взбираются. Просит царь:

– Попробуй наслать на соседей чуму!

Валаам видел перед глазами скучную желтую пустыню, но не мог забыть поля и виноградники, пестрые крыши среди цветущих садов, счастливую, мирную жизнь соседнего народа. И Валаам снова произнес слова восхваления.

Лютый гнев охватил царя.

– Убирайся прочь! – закричал он. – Не получишь ты ни золота, ни серебра, не станешь ты самым знаменитым волшебником!

– Ну что же, – отвечает Валаам, – я ведь сказал твоим послам, что не надо мне ни золота, ни серебра. А знаменитым волшебником я и без тебя стану.

Сказал так Валаам и пошел своей дорогой. Оседлал свою верную ослицу и вернулся в родной город Педфор.

И правда, он стал знаменит еще более: прославилось его имя за то, что он отказался помогать злему царю. Царя все забыли, а Валаама и Валаамову ослицу люди вспоминают до сих пор.

Пересказала Н.РОСКИНА

Продолжение следует

БРИГАДА С

Давать названия музыкальным стилям — занятие, прямо скажем, неблагодарное. Нелегко и обратный путь: расшифровать запутанные, с нагромождением всевозможных приставок и суффиксов самодельные термины. Наверное, поэтому музыканты время от времени берутся за это сами. И вот тогда-то и рождаются на свет весьма любопытные определения. "Мы — ансамбль оптимистического сарказма", — заявил как-то лидер московской группы "Бригада С" Игорь Сукачев, характеризуя свои (и ансамбля) музыкальные пристрастия. Попробуйте догадаться, чего больше в этой фразе: желания, как любит говорить С. Курехин, "внести побольше путаницы", или стремления точнее — пусть и на языке парадокса — сформулировать суть своих творческих принципов. В другой раз Сукачев высказался более распространено: "Мы поем то, что мы хотим спеть, и честно говорим все, о чем хотим сказать. Своими песнями мы как бы рисуем черно-белую картинку, чтобы человек мог задуматься над тем, что ему говорят, и раскрасить картинку по своему усмотрению".

"Бригада С" образовалась в январе 1986 года из обломков самодеятельных групп "Постскрипtum" и "Гулливёр", то есть из той же компа-

нии, что и родившееся двумя годами раньше "Браво". Интересный момент: в свое время Игорь чуть было не стал их вокалистом (памятью об этом периоде стал написанный им для "Браво" текст хита "Белый день"), пока Жанна обдумывала предложение "конкурирующего" "Крематория"! Поначалу в составе Игорь Сукачев (вокал), Александр Горячев (гитара), Сергей Галанин (бас), Лев Андреев (клавишные) и Карем Саркисов (ударные) "Бригада" попыталась играть наивно-ностальгический бит, но очень скоро почувствовали вкус к другой, более живой музыке. Гитарист ушел (и позже "всплыл" в "Динамике"), ему на смену была взята слаженная духовая секция — не последнюю роль в этой метаморфозе сыграл, видимо, приезд знаменитых "Ю-Би-40" — а музыка, получив мощную инъекцию горячей духовой энергии, преобразилась в сочный, богато аранжированный танцевальный мэйнстрим — то, что на Западе получило определение "нового джаза". Тексты Сукачева были далеки от обличительного пафоса, характерного для, скажем, лидеров ленинградского рока, но в то же время отличались своеобразным юмором, склонностью к гротеску и абсурду, тонкой и иногда злой иронией, что в немалой степени осложнило "Бригаде С" путь к средству массовой информации.

Успех группы не был мгновенным, скорее, наоборот: "Бригада" много играла, ездила на гастроли, принимала участие в самых разных фестивалях — от официально-репрезентативной "Рок-панорамы" до демократичного и едва ли не подпольного Подольского, постепенно собирая урожай аплодисментов и

доброжелательных рецензий (недоброжелательных тоже хватало), пока в 1988 году не заняла достойное место среди лидеров новой московской рок-сцены. Косвенным свидетельством ее возросшего авторитета стала "пиратская" пластинка "Бригада С" — "Наутилус Помпилиус", без ведома музыкантов обеих групп записанная и выпущенная фирмой "Мелодия".

К этому времени состав группы успел несколько раз смениться и включал — помимо "ветеранов" Сукачева и Галанина — трубачей Игоря Маркова и Евгения Короткова, тромбонистов Максима Лихачева и Сергея Секретарева, гитариста Кирилла Трусова, клавишника Сергея Тенинберга и барабанщика Игоря Ярцева. Расставшись с Рок-лабораторией, "Бригада С" нашла пристанище в ЦПКиО, в музыкальном Центре Стаса Намина, что, разрешив ряд организационных проблем, породило проблемы творческие.

Неизбежные расхождения во взглядах на будущее группы между Сукачевым, основным автором репертуара, и коллегами привели к тому, что сразу по окончании работы над первым магнитофонным альбомом "Бригады" Игорь взял творческий отпуск, чтобы воплотить собственные идеи в форме сольного альбома. Остальные тоже не сидели сложа руки — в итоге, к середине 1989 года, из одной группы образовалось два, в чем-то схожих, но вполне самостоятельных рок-проекта. Сукачев под флагом "Бригады" собрал своих старых приятелей Тимура Муртузаева (бас) и Павла Кузина (барабаны) из "Браво", Карема Саркисова (перкуссия) и Леонида Челяпова (сакс), в разное время уже игравших в "Бригаде", а также но-

вое пополнение в лице Артема Павленко (гитара), Рушана Аюпова (клавишные), Владимира Чекана (тромбон), Петра Тихонова и Алексея Еленского (трубы). (Последний, кстати, тоже прошел школу "Браво"!). Остальные экс-члены "Бригады", взяв близкое по смыслу название "Бригадиры", тоже начали репетировать и — в новом амплуа — уже записали несколько песен на ТВ.

Артистизм и способность к сценическому перевоплощению привлекли к Сукачеву внимание кинематографистов. Его дебют состоялся в ленте С.Кулиша "Трагедия в стиле рок". Чуть позже Игорь сыграл роли в двухсерийном советско-японском фильме "Шаг" (реж. А. Митта) и исторической картине "Защитник Седов".

В августе новая "Бригада" приняла участие в широко разрекламированном фестивале "Рок — против наркотиков" вместе с зарубежными звездами тяжелого рока. Интерес к их музыке проявил известный американский музыкант и продюсер Дэвид Бирн ("Токинг Хэдз"), который, по всей видимости, поможет группе записать ее дебютный альбом в США. Хочется верить, что эту пластинку можно будет встретить не только у меломанов Чикаго и Сан-Франциско.

ДИСКОГРАФИЯ:

1. *"Бригада С"*
"Наутилус Помпилиус"
1988
2. *"Оркестр пролетарского джаза"*
1989

ЭСТРАДА — МАРАФОН БЕЗ ФИНИША

Эстрада с некоторых пор сильно помолодела. И телезрителям уже не кажется странным, что юная звезда, едва дотягиваясь до микрофона, с серьезным лицом, по-взрослому поет совсем не детские песни. Одним из первых в плее таких "подростков-звезд" эстрады был, пожалуй, Владимир Пресняков. В десять лет он написал и исполнил песню "Белый снег", затем снялся в детском музыкальном фильме "Выше радуги", неоднократно выезжал с гастролями с группой "Крузи". Поэтому, несмотря на возраст — ему всего двадцать один год, — Преснякова нельзя назвать новичком на эстрадных подмостках. Он родился в музыкальной семье. Отец — саксофонист, всю жизнь играет рок, пишет песни, некоторые из них поет Володя; мать — эстрадная певица. С детства Пресняков познакомился с миром эстрады, его "кухней", с нелегкой жизнью певца и непростыми отношениями между членами эстрадного братства. Сейчас певец выезжает с самостоятельными концертами вместе с группой "Капитан" в разные города Союза, гастрольничает за рубежом. Британская фирма "И-Эм-Ай" готовит к выпуску альбом его песен. Сейчас он занят своей новой программой и собирается в декабре отправиться в большой концертный тур. Я приехала к нему на репетицию.

— Володя, какое место, по-твоему, ты занимаешь на музыкальном Парнасе?

— Никогда даже не задумывался над этим. Я принципиально не участвую в конкурсах, ни с кем не состязуюсь и не конкурирую, не стремлюсь кого-то обогнать или "переплюнуть". Мне кажется, любое соперничество в искусстве — губительно. Тем более в поп-музыке, где вообще невозможно закрепить за собой однажды завоеванный пьедестал. Эстрада — это марафон без финиша, в котором нет и не должно быть победителя. Останавливаться на достигнутом невозможно. Все время надо придумывать что-то новое, делать рывок вперед. Но не для того, чтобы вырваться в лидеры, что не соответствует моему внутреннему миру, образу мышления, состо-

янию души. Мои песни — лично мои настроения, чувства, переживания. А свои недостатки, недоработки я вижу и без участия в эстрадных конкурсах: я частенько записываю себя на видео.

— А у тебя есть свой парикмахер, люди, которые занимаются твоим костюмом? Тебе не безразлично, каким тебя видят зрители?

— Когда я выхожу на сцену, то не прячусь под маской. Для эстрады не делаю специальной прически, не крашусь. Пожалуй, в жизни я играю гораздо больше, чем на сцене, там я предельно естественен. Хотя есть немало команд, которые специально создают нужный им образ, скажем, имидж шизофреника, доброго или смешного парня. На эстраде так принято, и я не вижу в этом ничего противостественного.

— Насколько я помню, первая известность пришла к певцу Владимиру Преснякову после выхода на экран фильма "Выше радуги", в котором ты играл одну из главных ролей...

— Тогда я еще не понимал, что это начало моей творческой судьбы. Фильм имел шумный успех. Но я совершенно не кичился тем, что мне удалось попасть в киноисторию. И, хотя я был тогда еще ребенком, все-таки сознавал скоротечность и временность популярности. Известность пришла позже, когда меня пригласили к себе в ансамбль Лайма Вайкуле. В ресторан "Континенталь", где мы выступали, приходили люди, которые уже слышали мои песни в фильме "Выше радуги", они узнавали их, узнавали по песням и меня. Потом меня пригласили на телевидение... Как-то во время записи новогоднего "Голубого огонька" я познакомился с Аллой Пугачевой. Я исполнял песню "Чарли Чаплин",

которую написал мой отец. Алла очень понравилась и песня, и моя манера исполнения. Она предложила мне перейти в ее театр.

— Володя, ты вырос в музыкальной семье и, наверное, с детства мечтал выступать на эстраде?..

— В детстве я совершенно не собирался быть эстрадным певцом. Правда, петь я любил всегда, учился играть на разных музыкальных инструментах: фортепиано, гитаре, флейте. Но как ни странно, мечтал стать спортсменом. Я всегда с восторгом смотрел на штангистов; мне почему-то больше всего нравился именно этот вид спорта. Но третьего класса я учился в музыкальном интернате, потом пел в хоре мальчиков Попова, поступил в музыкальное училище имени Октябрьской революции. Моя судьба была предопределена... Я не стал штангистом, но со спортом у меня сохранились хорошие отношения. День начинаю и заканчиваю в спортивном зале: бег трусцой, тренажеры, некоторые приемы борьбы — я получаю довольно приличную нагрузку, что позволяет мне всегда находиться в хорошей форме. А когда мы с ансамблем выезжаем на гастроли, первым делом просим дать нам спортивный зал: это входит в программу подготовки к концерту.

— Известно, что Пресняков — один из немногих наших певцов, который не только поет, но и прекрасно движется на сцене. Где ты занимался танцами?

— Поп-музыка и эстрадный танец неразрывны. Но специально я нигде танцам не учился. В нашем ансамбле есть два профессионала. Когда-то мы вместе танцевали брейк на улице, во дворе, репетировали в детском районном клубе. Потом брейк-данс

мне надоел. И я попробовал смешать его с джазовым, получилось что-то похожее на стиль Майкла Джексона. Хотя мне бывает и очень обидно, когда меня сравнивают с ним: в этом стиле я танцевал до того, как увидел видеоклипы Джексона.

— Володя, ты поешь в жанре поп-музыки. И если не заглядывать в далекое будущее, можно с уверенностью сказать, что в ближайшие несколько лет ты вряд ли изменишь свою манеру. Тебя не смущает, что твоя музыка интересна все-таки довольно ограниченному кругу слушателей — среди твоих поклонников в основном подростки?

— Среди моих слушателей есть и шестилетние дети, и их бабушки. Хотя я пою песни, которые близки мне, я всегда стараюсь уловить настроение зрителей. Стоя за кулисами перед началом концерта, я пытаюсь угадать атмосферу зрительного зала. И если во время выступления я не ощущаю обратной связи, то на ходу меняю программу. Но, по-моему, настоящий артист должен достичь такого уровня профессионализма, когда он может сам управлять зрителем, способен заставить его смеяться, плакать, танцевать.

— А кто твой самый любимый слушатель?

— Все зависит от настроения: иногда дети, иногда девушки и бабушки, или мои сверстники. Сегодня, допустим, хотелось бы, чтобы люди на концерте веселились, танцевали, прыгали; в другой раз — пою для "сидячей" публики, которая вслушивается в слова, в смысл песни. Честно сказать, я люблю каждого моего зрителя.

Беседу вела
Анастасия ПЛЕШАКОВА

Фото Дмитрия ЛОВКОВСКОГО

Фото Виктории ИВЛЕВОЙ

Но дворе уже осень –
время подписки.
Журнал МЫ
состоится,
журнал есть,
ЖУРНАЛ БУДИТ,
если Вы
оформите подписку
на следующий –
1991 год.

Цена 80 коп.

Индекс 70554